

ВЕСТНИК

Северо-Восточного федерального
университета имени М.К. Аммосова

VESTNIK

of North-Eastern Federal University

СЕРИЯ
«АЛТАИСТИКА»

SERIES
«ALTAISTICS»

№ 1 (01)

2021

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

1 (01) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского государственного университета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Тортоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

1 (01) 2021

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Editor-in-Chief: *A.N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58
Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219
Phone: +7 (4112) 49-67-50
E-mail: altaistics2020@mail.ru
North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к журналу	5
<i>Алексеев И. Е., Сорова И. Н.</i> Дифференцирующие факторы орфоэпии якутской речи	7
<i>Ефремова Н. А.</i> Антонимы в якутском языке: типы и стилистические функции	22
<i>Мальшева Н. В., Данилов И. А.</i> Мотивационные признаки в основе якутских ихтионимов (на материале некоторых наименований карася)	37
<i>Шарина С. И.</i> Имена числительные в диалектах и говорах эвенского языка	46
<i>Собакина И. В.</i> Русско-якутский перевод названий учреждений: уровень фонетики, лексики, грамматики	55
<i>Манчурина Л. Е.</i> Формирование естественно-научной терминологии в переводных учебниках для младших школьников (на материале переводов учебников «Тулалыыр эйгэ»)	65
<i>Гатиатуллин А. Р., Прокопьев Н. А.</i> О разработке лингвистической базы данных онтологического типа, как ресурса для лингвопроцессоров	77

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ

<i>Филиппов Г. Г.</i> И. Е. Алексеев – видный ученый-исследователь языка народа саха, известный в мире хомусист	89
<i>Селютина И. Я.</i> Лидер лингвистов-сибиреведов, педагог, организатор науки (к 75-летию со дня рождения Натальи Николаевны Ширококовой)	92

CONTENT

Foreword	5
<i>Alekseev I. E., Sorova I. N.</i> Differentiative factors of Yakut speech orthoepy	7
<i>Efremova N. A.</i> Antonyms in the Yakut language: methods of education, typology, use in speech	22
<i>Malysheva N. V., Danilov I. A.</i> Motivational signs at the heart of the Yakut ichthyonyms (based on some names of crucian carp)	37
<i>Sharina S. I.</i> Numerals in dialects and subdialects of the Even language	46
<i>Sobakina I. V.</i> Russian-Yakut translation of the names of institutions: levels of phonetics, lexis, grammar	55
<i>Manchurina L. E.</i> Formation of natural-scientific terminology in translated textbooks for primary school students (based on the material of translations of textbooks «Tulalyyr eige»)	65
<i>Gatiatullin A. R., Prokopiev N. A.</i> On development of ontological linguistic database as a resource for language processors	77

ANNIVERSARIES, DATES

<i>Filippov G. G.</i> I. E. Alekseev as a prominent scholar and researcher of the Yakut language, a well-known khomus-player in the world	89
<i>Selyutina I. Ya.</i> Leader of the Siberian linguists, teacher, scientific founder (To the 75th anniversary of Natalia Nikolaevna Shirobokova)	92

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЖУРНАЛУ

Решение о создании новой электронной серии журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова» – «Алтаистика» было принято на заседании Научно-технического Совета СВФУ 19 февраля 2021 года. Символично и отрадно, что журнал открывается в Год науки и технологий в России, знаменуя то, что исследования в алтайском языкознании обретают все большую актуальность и поддержку в период стирания социальных, духовно-нравственных и культурных границ в эпоху глобализации, цифрового развития и технологического прогресса.

Журнал «Алтаистика» ориентирован, прежде всего, на интересы лингвистов-специалистов по языкам алтайской общности, однако на этом не ограничивает диапазон рассматриваемых проблем. Мы рассчитываем, что нам удастся привлечь в качестве авторов и тех историков, этнографов, литературоведов (а также представителей других наук), которые заинтересованы в обмене информацией с лингвистами. В последние годы возрастает потребность в междисциплинарных подходах в изучении характера связей различных народов, в частности, генетиками и лингвистами предпринимаются попытки соотношения их генетического и языкового кодов. Для определения универсальных закономерностей языковых процессов, происходивших столетия назад и происходящих на данный момент, могут применяться методы математического моделирования, остро назревает необходимость консолидации усилий со специалистами в области IT для фиксации и цифровизации объектов культурного наследия народов, языки и культура которых находятся на грани вымирания.

Толчком к созданию серии «Алтаистика» стала уникальная географическая и этнологическая ситуация в Республике Саха (Якутия). Мы считаем, что именно Якутия должна стать центром алтаистики, развиваясь как одно из ведущих направлений сравнительно-исторического языкознания в России, ведь именно здесь в тесном межэтническом контакте сосуществуют несколько народов, говорящих на разных языках алтайской языковой семьи (якутский, долганский – тюркская ветвь, эвенкийский, эвенский – тунгусо-маньчжурская ветвь), издревле возникали и по сей день происходят уникальные языковые процессы. С такой целью фундаментальные и прикладные исследования в области алтаистики определены одним из основных научных направлений Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, имеются все предпосылки для достижения поставленной задачи.

Руководство университета создает необходимые условия для реализации научно-исследовательских проектов, поддерживает научные изыскания как научно-педагогических работников, так и молодых исследователей, улучшает научную инфраструктуру для проведения исследований в области гуманитарных наук. Работают Музей письменности, Музей археологии и этнографии, планируется создание единственного в России Экспозиционно-архивного фонда языкового многообразия и культурно-исторического наследия народов Северо-Востока России. С 2019 года действует Научно-образовательный центр «Алтаистика», объединяющий ученых, специалистов и молодых исследователей, интересующихся данной тематикой, а в 2020 году СВФУ выиграл 8-й конкурс Мегагрантов на создание лаборатории «Лингвистическая экология и устойчивое развитие Арктики» под руководством профессора Чикагского университета Леноры Гренобль, что еще раз доказывает наличие достаточного задела в нашем университете для проведения масштабных исследований по алтаистике и перспективность, значимость данного направления.

Изучением проблем алтайской языковой семьи занимаются сотрудники различных учебных подразделений СВФУ – Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Института зарубежной филологии и регионоведения, Филологического факультета, Исторического факультета, научно-исследовательских институтов – НИИ Олонхо, Института А.Е. Кулаковского. Большой вклад в цифровизацию языков и культур коренных малочисленных народов Севера вносит Международная кафедра ЮНЕСКО «Адаптация общества и человека в арктических регионах в условиях изменения климата и глобализации». Отдельно стоит отметить работу кафедры северной филологии Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, которая с 1991 года изучает проблему сохранения языков малочисленных народов Севера – эвенкийского, юкагирского, эвенского языков.

Основа алтаистических исследований в университете заложена ведущими лингвистами СВФУ – докторами наук, имена которых известны далеко за пределами республики – Филиппов Г.Г., Алексеев И.Е., Габышева Л.Л., Прокопьева С.М., Мельничук О.А., Новгородов И.Н. и др. В той или иной степени алтаистика затрагивает не только языковедов, но и специалистов различных областей науки. Исследование развития любого языка возможно только на фоне исторической судьбы населения-носителя данного языка, и в этой связи особенно ценны труды наших историков и этнографов (Гоголев А.И., Алексеев А.А., Бравина Р.И., Романова Е.Н., Боякова С.И. и др.). Влияние духовного культурного наследия на благосостояние народов, говорящих на языках алтайской языковой семьи, сходства и различия, универсалии и особенности, проблемы и перспективы развития литератур и национальных традиций исследуют наши литературоведы, культурологи и фольклористы (Илларионов В.В., Иванов В.Н., Сивцева-Максимова П.В., Огорокова В.Б., Ефимова Л.С., Попова Г.С. и др.). Всех их объединяет одна общая идея – развитие алтаистики как актуального научного направления для проведения исследований, базирующихся на сравнительно-историческом и сопоставительном анализе языков, входящих в состав алтайской языковой семьи, и их культур.

Несмотря на востребованность научного направления «алтаистика» в России, журнал «Урало-алтайские исследования» Института Языкознания РАН – это единственный журнал по алтайским и уральским языкам, включенный в списки рецензируемых журналов ВАК для защиты докторских и кандидатских диссертаций по филологии. Поэтому, надеемся, что заинтересованность российских ученых в публикации своих работ в этом издании будет высокой. Около половины членов редколлегии и редсовета – это ведущие зарубежные и российские специалисты по алтайским языкам. Мы надеемся также на активное участие их учеников и последователей в функционировании журнала.

Для интеграции в мировое научное сообщество университет будет содействовать в расширении географии авторов и редколлегии издания, привлекая исследователей из зарубежных научно-образовательных организаций и центров, которые находятся в партнерских отношениях с СВФУ – из Южной Кореи, Монголии, Китая, Японии, США, Германии и многих других коллег, ведь изучение алтайской языковой общности – это проблема не местного, а общемирового масштаба, и изучение, сохранение и устойчивое развитие алтайских языков вызывает интерес у ученых из других стран.

Серия «Алтаистика» ставит перед собой амбициозные задачи, одни из которых руководствуются требованиями Минобрнауки России – через два года она нацелена на вхождение в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России, в дальнейшем – на индексацию в ведущих мировых научных базах данных Web of Science и Scopus благодаря узкой направленности темы. Мы убеждены, что на данной стадии алтаистика в СВФУ сформирована как отдельное научное направление и имеет все шансы для перехода на следующий уровень развития, трамплином к которому и представляется журнал, который вы держите в руках.

В алтаистике еще много вопросов, на которые мировая наука пока не может дать точный ответ, много загадок, которые ждут своего часа для разгадки, много проблем, которые требуют решения, поэтому мы надеемся, что электронная серия журнала «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова» – «Алтаистика» станет открытой площадкой для конструктивной, продуктивной дискуссии, полемики и, возможно, даже некоего консенсуса. Благодаря функционированию журнала «Алтаистика» существует возможность внести значительный вклад в изучение языков алтайской языковой семьи. Именно сейчас в мировом алтайском языкознании, в которое уже прочно интегрированы российские алтаисты, назрела очевидная необходимость ре-визии, переоценки и усовершенствования генеалогических, ранее выдвинутых гипотез.

*Малышева Нинель Васильевна,
директор Департамента науки и инноваций СВФУ,
зам. Председателя Научно-технического Совета СВФУ,
кандидат филологических наук*

И. Е. Алексеев, И. Н. Сорова

Дифференцирующие факторы орфоэпии якутской речи*СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена определению стабильных качеств формирования якутских речевых сигналов по закономерностям дифференциальных признаков фонетических систем тюркских языков, представляющих отобранную веками взаимосвязь мыслительной деятельности носителя языка с его артикуляционной базой (АБ), являющейся духовным (языковым) наследием любого языкового сообщества. Просодическая система устной формы речи отображается сверхсегментными параметрами, которые в зависимости от плана содержания речевого сигнала выступают в различных видоизменениях и выстраиваются в фоносинтаксическое поле, отражая свойство орфоэпической нормы языка. А типологические универсалии слогов и словоформ дифференцируются как структурные компоненты речевого сегмента и становятся выразителями полноты акцентуационных конструкций. В работе на теоретической базе анализируются фонетические явления, которые составляют вокальную и консонантную ось высказывания с определением их сверхсегментных признаков, таких, как квантитативность, тональность и интенсивность. На обширном лексико-семантическом материале определены инициальные слоговые типы Г-, Г⁻, Г₁-. ГС-, ГС⁻, Г₁С-, СГ-, СГ⁻, СГ₁-, у которых артикуляторно-акустические параметры гласных соразмерны дифференциальным признакам широкости/узкости, огубленности/неогубленности, краткости/долготности и т.п. тюркских аналогов. Подобным образом проанализированы инициальные и финальные слоговые типы -ГС-, -ГС⁻, -СГ₁-, -СГС, -СГС⁻, -СГ⁻; -СГ-, -СГ⁻, -СГ₁-, -СГС-, -СГС⁻, -СГ₁С. По конкретному типу слога своеобразно участвуют качественно разные вокальные и консонантные элементы. Помимо слоговых структур, рассматриваются синтаксические сегменты речи. Анализ их фонетических данных позволяет наметить типологические особенности коммуникативных видов высказывания, обусловленных семантико-интонационными параметрами, которые отличают их видовое разнообразие. Типы вопроса, ответа, побуждения имеют дифференцированные признаки, согласно которым устанавливается их самостоятельная формально-семантическая значимость. В результате исследования впервые определяются нормативные параметры, характеризующие фоносинтаксические особенности якутского речевого сегмента и на их основе упорядочены орфоэпические правила якутской речевой культуры. В настоящей работе предложена новая точка зрения о природе фоносинтаксической реализации, в первую очередь, акцентных конструкций.

Ключевые слова: коммуникативная функция, дифференциальный признак, речевой сегмент, синтаксическое поле, сверхсегментный компонент, просодическая система, перцептивная направленность, акцентные модификации, интервал ч.о.т. (частота основного тона).

I. E. Alekseev, I. N. Sorova

Differentiative factors of Yakut speech orthoepy*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia*

Abstract. This work is dedicated to the determination of stable properties of formation of Yakut speech signals by the laws of differentiative features of phonetic systems of Turkic analogues, representing a selected by

АЛЕКСЕЕВ Иван Егорович – д. филол. н., профессор кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: khomusujb@mail.ru

ALEXEEV Ivan Egorovich – Professor, Doctor of Philological Sciences, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СОРОВА Ирина Николаевна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: isorova@mail.ru

SOROVA Irina Nikolaevna – Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

centuries interrelation of a language speaker's mental activity with his/her articulation basis (AB), representing a spiritual (linguistic) heritage of any linguistic community. A prosodic system of oral speech is reflected in the suprasegmental parameters, which, depending on the speech signal's plane of content act in different variations and construct a phonetic-syntactic field, reflecting the property of the language's orthoepy. The typological universals of syllables and word forms, discussed in the work, are virtually differentiated as structural components of a speech segment and express the fullness of accentual constructions. Such is the theoretical foundation for the work's analysis of the phonetic materials that make a vocal and consonant axis of a speech act, with the determination of their suprasegmental features, such as quantitiveness, tonality and intensity. All of this is presented in objective components, i.e., the relative indicators of speech segments in the form of tables and intonation images facilitate the construction of truly typical speech models. First of all, the initial syllabic types V -, $\bar{V}$ -, V_1 -, VC -, $\bar{V}C$ -, V_1C -, $V\bar{C}$ -, CV_1 - are determined on a wealth of lexical-semantic material; the articulatory and acoustic parameters of their vowels are adequate to the differentiative features of broad/narrow, labialized/non-labialized, short/long, etc. of Turkic analogues. Initial and final syllabic types VC -, $C\bar{V}$ -, CV_1 -, CVC -, $C\bar{V}C$ -, CV_1C -, VC -, $C\bar{V}$ -, CV_1 -, CVC -, $C\bar{V}C$ -, CV_1C are analyzed in the same manner. Qualitatively different vocal and consonant elements are particularly engaged by the specific syllabic types. In addition to the syllabic structures, the work intends to research the syntactic speech segments, and the analysis of their phonetic data will allow outlining the typological features of communicative speech acts, preconditioned by the semantic and intonational parameters, differentiating their diversity. The types of a question, answer, order have differentiating features, according to which their specific formal and semantic value is established. As a result, it is for the first time that specified parameters are determined, which characterize the phonetic and syntactic features of Yakut speech segments, and the orthoepic rules of Yakut speech culture are organized on their basis. Scientifically and practically, this work proposes a new perspective of the nature of phonetic and syntactic realization, primarily, of accentual constructions.

Keywords: communicative function, differentiative feature, speech segment, syntactic field, suprasegmental component, prosodic system, perceptivity, accentual modifications, basic frequency interval.

Введение

Тюркский по своей природе якутский язык имеет звуковую систему, фонологическая характеристика которой предопределяется совокупностью сингармонических, акцентно-мелодических, орфоэпических и т.п. явлений, реализующихся при речеформировании [1, с. 26]. Дифференциация фонетических реализаций звука в речевом сегменте, как правило, порождает нормативную базу правил устной формы речи и устанавливает закономерные образцы типов высказывания [2, с. 97–135]. Такой социально-лингвистический аспект речи (сегмента речи – фонемы), ориентированный на восприятие собеседника, всегда является выразителем мысли, и согласно такой трактовке ученые определили положение о тройном аспекте звуковой речи: социальный, физический и биологический [3, с. 10–33].

Язык воплощается в жизнь в виде устной и письменной речи с обликом, порождающим семантическую картину окружающего мира, который воспринимается как действительность или материальная реализация мысли вслух. В плане выражения всё это отображает отработанную веками взаимосвязь головного мозга человека с его артикуляторной базой (АБ). Поскольку орфоэпия, представляющая себя как одну из ведущих аспектов интонационного уровня, т.е. просодической системы устной формы речи, отображается сверхсегментными параметрами речи (длительность, тональность, интенсивность, ритм, спектр). В зависимости от плана содержания речевого сигнала эти параметры выступают в различных видоизменениях, модуляциях, и в конечном итоге, по закону взаимокомпенсации А.М. Пешковского в сочетании с другими уровнями языковой системы выстраиваются в фоносемантическое поле [4, с. 23]. В таком случае семантический аспект речевого сигнала, обладающий перцептивной направленностью, всегда становится проектом артикуляционной базы и на основе различных акустико-фонетических и семантических устройств, с участием временной компрессии отражает свойство общезыковой стратегии [5, с. 189–194]. Именно таковая стратегия имеет место в любом языке, и в синтезированном виде становится членораздельным, артикулируемым символом расчлененной дискретной мысли [6, с. 110]. Чтобы отразить все стадии формирования орфоэпической нормы языка необходимо понять иерархию представленных научных основ фонетической реализации речевого сигнала, являющихся отражением уровней инто-

национной системы языка. Причем, при интонировании отдельный звук (фонема) не вычлняется из потока речи как физическая единица. Он как сегмент речи соотносится с мыслью и в любом окружении выполняет в речевом общении смысловоразличительную роль [6, с. 11]. Это не означает, что граница языкового общения не ограничивает человеческое мышление, а, наоборот, расширяет другие формы невербального мышления (музыки, живописи, области научных открытий и т.п.). Обширная природа мыслительной деятельности человека, в том числе внеязыковые ее аспекты, дифференцирующиеся по качественным и количественным признакам звуковых составляющих, формируют типологические универсалии слогов и словоформ в тюркских (в т.ч. якутском) языках, реально функционирующих как структурный компонент речевого сегмента [7, с. 195]. А в построении синтаксических конструкций все акустические сверхсегментные компоненты интонации становятся выразителями полноты плана содержания речи [5, с. 191].

Орфоэпия якутского языка, проблемы которой обсуждаются в последнее время, ее принципы и правила несут функцию сохранения языкового феномена, т.к. стройность речевой системы зависит от качества АБ индивида языкового сообщества, носящего генетическую стержень образно-мыслительной и артикуляторно-акустической деятельности предков. Следовательно, орфоэпическую норму современного якутского языка необходимо объяснить как фонологическую систему, в которой дифференцирующимися факторами произносительного уровня являются широкость/узкость, огубленность/неогубленность, долгота/краткость для гласных; твердость/мягкость, глухость/звонкость, смычность/щелинность для согласных. Эти фонетические характеристики постоянно сопутствуют речевому сигналу любой величины как деятельность АБ [8, с. 138]. Благодаря такой унаследованности язык живет в формате общественной реальности и совершенствуется его пространственная общность речевого поведения.

Истоки дифференциации орфоэпических тенденций якутского языка были отражены в труде О.Н. Бетлингга «О языке якутов» (1851 г.). На основе его классификации звукового состава, определения гармонии гласных, словесного ударения устанавливаются закономерности противопоставления класса гласных и согласных по качеству, а также варьирование их произносительных норм в рамках слова и слоговых структур. Это позволило тюркологам уяснить сложную иерархию дифференциальных единиц (ДЕ) в сравнительно-сопоставительном плане [1, с. 27–165].

В современных тюркских языках обследованные О.Н. Бетлинггом фонологические элементы якутского языка функционируют как система оппозиций, которые унаследовали от праязыка признаки общего и индивидуального характера [1, с. 26]. Так, разработки О.Н. Бетлингга по закономерностям чередования гласных в аффиксах, образцам противопоставления узких и широких гласных и др. позволили построить уникальную классификацию гласных и согласных, согласно которой выявляются ДЕ в каждом тюркском языке [1, с. 90, 138]. Большинство из них являются универсальными, для гласных это широкость/узкость, огубленность/неогубленность, долгота/краткость и др.; для согласных – назальность/неназальность, твердость/мягкость, глухость/звонкость, смычность/щелинность и др. Эти и другие ДЕ зависят от качественно-количественных признаков гласных и согласных, и как отметил О.Н. Бетлингг, четко функционируют в языке как естественное фонеморфологическое явление [9, с. 140–144, 223–237].

В самом деле, ДЕ рассматриваются в языкознании как дифференциальные признаки (ДП) суперсегментных показателей линейного уровня речевых сигналов, семантический пласт которых определяется объективными реализациями фонетических характеристик высказывания [1, с. 27; 10, с. 191; 6, с. 13]. Поэтому необходимо определить значимость ДП в синтезированных сегментах звука и мысли, отображенных с помощью артикуляционной базы говорящего и воспринимаемых слушателем. Такая перцептивность, производимая автоматически в процессе речевой ситуации (т.е. в диалоге), по принципу взаимокompенсации Пешковского формируется как нормативное качество сегмента речи любой величины [10, с. 193].

Дискретности звучащей речи, синтаксической фонетике и интонации посвящено много работ [4, 11, 12, 13 и др.]. Принцип Пешковского как взаимокомпенсирующий фактор удобен в анализе внутренних и внешних составляющих речевого сегмента (значения и формы), о чем А.А. Потебня говорил: «Человек невольно и бессознательно создает себе орудие понимания, именно членораздельный звук и его внутреннюю форму, на первый взгляд, непостижимо простые сравнительно с важностью того, что посредством их достигается» [14, с. 141]. Другими словами, в синтезе звука с мыслью отображается собственно вся речевая архитектура в виде грамматических и надсегментных структур. Как известно, природа членораздельной речи, как продукт синтеза артикуляции и расчлененного мыслительного процесса, должна легко восприниматься и распознаваться, благодаря своей интонационной и семантической структуре. Именно, все взаимокомпенсирующиеся компоненты интонации речевого сигнала, находясь во временной компрессии, обуславливаются по определенным законам языкового генезиса [10, с. 193]. Поэтому целесообразно признать об универсальности принципа взаимокомпенсации Пешковского для интонационных исследований, а также установления типологических систем орфоэпии любого родного языка, например, русского, тюркского, монгольского и т.п. А комплексное обследование речевых и языковых проблем, таких как семантико-структурные, фоносинтаксические особенности и органическое единство компонентов речевого сегмента якутского языка в сопоставлении с родственными тюркскими языками, становится целью настоящей работы.

Общая цель предполагает постановку и решение следующих задач:

- определить артикуляторно-акустическую природу дифференцирующихся в речи сегментов – фонем;
- рассмотреть систему слоговых структур, входящих в компонентный состав слова – фоновых сегментов речи;
- выявить фоноструктуру слова – сегмента семантической единицы.

В первом этапе работы представлен совокупный анализ ДЕ акцентуации двусложных, трехсложных и многосложных словоформ с различными типами слога.

Методологической и теоретической базой исследования послужили такие взаимодополняющие методы, как семантико-стилистический, экспериментально-лингвистический, статистический. В результате использования этих методов – в системном описании орфоэпической природы конкретного языка, например, якутского, достигается обзор дистрибутивности фоносинтаксической природы речи, как показателя реального функционирования языка. Так, различная коммуникативная сфера речи показательна в сравнении с аналогичными реалиями в других родственных языках, которые были частично обследованы в Лаборатории экспериментальной филологии Института языков и культуры народов СВ РФ при СВФУ им. М.К. Аммосова. Опираясь на исследования авторов настоящей работы, можно скорректировать семантико-дифференциальные аспекты речи с ее качественно-количественными проявлениями всего комплекса компонентов, составляющих орфоэпическую динамику языка. С использованием указанных методов, проводится и освещение полного облика речевого сегмента любой величины: структура, семантика и надсегментная характеристика, что способствует выявлению большего спектра фоносинтаксических проявлений и позволяет описать, классифицировать коммуникативно важные речевые модели. Экспериментально-лингвистическое обследование фактического материала, как говорил Л.В. Щерба, вошел, наряду с кардинальными понятиями языка, речи и речевой деятельности, в базисные понятия лингвистики [15, с. 33]. За последнее столетие экспериментальная наука открывает все новые и новые горизонты языковых явлений как в общем языкознании, так и в тюркологии. Особенно широкое применение она получила в области фонетики, акцентуации и, частично, в синтаксисе. Наряду с описательными, сравнительно-сопоставительными работами по фонетике тюркских языков (О.Н. Бетлингк, В.В. Радлов, Э.В. Севортян, Н.А. Баскаков, Ж.Е. Киекбаев, С.К. Кенесбаев, А.М. Щербак, А.Г. Бишев и др.), фронтальное обследование методами экспериментальной фонетики звуковых си-

стем большинства тюркских языков проводились в работах В.А. Богородицкого, Г. Шарафа, П.Е. Кузнецова, Т.Т. Талипова, Ж. Аралбаева, С. Атамирзаевой, П.П. Барашкова, Н.Д. Дьячковского, А. Джунибек, Т.К. Ахматова, В.М. Надеяева, С. Куренова, А.А. Махмудова, А. Сапаева, В.И. Котлеева и др.

В фонологической школе, созданной В.М. Надеяевым в Новосибирском научном центре РАН, усилиями его учеников обследована фонетическая система не только тюркских, но и монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских языков Сибири и Дальнего Востока. Монографии и диалектологические атласы, изданные в издательстве «Наука», свидетельствуют, что ученики В.М. Надеяева не только использовали в своих исследованиях традиционные фонетические методы, но и сами способствовали созданию метода пневмосциллографирования, которые фиксируют звуковые сигналы при естественной артикуляции и акустические параметры, отражающиеся дифференциальными признаками вокальных и консонантных речевых компонентов слова, фразы и высказывания. Известные профессора-экспериментаторы Н.Д. Дьячковский, А. Джунибек, И.Д. Бураев, П.Ц. Биткеев, И.Я. Селютина и др., имеющие научные школы, воспитали своих учеников в лучших традициях отечественной школы фонологов и интонологов (Л.В. Щербы, Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич, В.М. Надеяева, Т.М. Николаевой, Л.В. Бондарко, С.М. Гайдучика и др.).

В настоящее время современные компьютерные программы типа «Speech Analyzer» доступны каждому экспериментатору и дополняют весь исследовательский арсенал филологов-экспериментаторов. Поэтому расширяются темы исследовательских направлений в фонетических, фоносинтаксических тематиках.

В задачах настоящего исследования сфокусирована идея выяснить суть объективных параметров речевого сигнала от его физического формирования до семантических качеств. Другими словами, предстоит использовать комплексный подход к предмету, речевому сигналу, заданный еще Т.М. Николаевой [4, с. 21, 67], ибо односторонние показатели фонетических картин без семантического объяснения не могут расцениваться в качестве полноценных. Любая речевая единица (фонема, слог, интонаема, фраза, высказывание), имеющая артикуляторно-акустическую окрашенность, является глубоко синтаксичной и представляет свою интонационную природу, функционально относящуюся к какому-то проявлению высказывания.

Таким образом, мы проследим реализацию вокально-консонантных осей высказывания и определим природу основных составляющих правил орфоэпии якутской речи, не противопоставляя направления фонетических и лингвистических методик.

Артикуляторно-акустическая природа минимальных сегментов речи

Практической сущностью фонемы, реализуемой «в более обширных речемыслительных образованиях, смысловозначительные возможности которых значительны, избыточны» [6, с. 80], является функционирование в реальной речевой ситуации. Словесное (вербальное) мышление в материальном или объективном виде порождает фонемную структуру слова, которая как языковая единица служит для различения слов и их форм [6, с. 78]. Каждая фонема имеет свои различительные признаки, показывающие собственные акустические ряды. Такие различительные признаки фонем в общей фонетике служат коммуникативными классификаторами [5, с. 187] и релевантно-иррелевантными опознавателями [9, с. 17, 21], т.к. они приобретают значимость, когда различают не одну только пару фонем, а целую систему вокализма и консонантизма, образуя определенный корреляционный ряд [8, с. 44].

На основе такой теоретической базы о фонеме речевой сегмент, рассматриваемый как составная часть общего облика слова или фразы (высказывания), трактуется со своими звуковыми монофтонгами (вариантами) – фонемой. Именно, фонема, сохраняя свою внутреннюю языковую тенденцию, способствует восприятию речевых единиц как цельных величин, в которых значение и звучание представлены в единстве [8, с. 51]. Эти теоретические положения общей фонетики, грамматики и синтаксиса, принятые на вооружение для настоящего исследования, позволяют считать, что речевые сегменты состоят из множества аллофонных сегментов фонем, а их линейные и сверхсегментные ряды сфокусированы на семантический лад. Так,

всякая речевая единица представляется как проявление живого языка на объективно воспринимаемой плоскости, т.е. речевой ситуации. Мы разделяем и принимаем как истину мнение, что в процессе речевого общения (в диалоге) собеседников «фонема представлена в каждой фонетической позиции определенным аллофон-монофтонгом, воплощенным в реальной речи в виде звука речи» [8, с. 48]. Ибо наши предшественники-тюркологи ещё в XIX в. первыми представили идею о вариативности фонемного ряда и противопоставления их по артикуляторным признакам [9, с. 176].

Так, О.Н. Бетлингк, автор труда «О языке якутов», впервые в языкознании на основе противопоставлений по акустическим признакам, привел классификацию гласных и согласных якутского языка. Качественные признаки их определялись по месту образования, т.е. по артикуляции, и, в сравнении с монгольскими и тюркскими языками автор установил в якутском языке «тяжёлые» и «лёгкие» группы гласных, ныне признаваемые как широкие (а, э, о, ө) и узкие (ы, и, у, үү) [9, с. 127]. Одновременно эти противопоставления распадаются на «твёрдые» (задние – а, о, у, ы) и «мягкие» (передние – и, э, ү, ө) гласные. О.Н. Бетлингк также впервые определил, что якутскому языку присущ закон гармонии гласных, «наиболее развитый... сохранил древний характер» [9, с. 132], и этот фонетический признак функционирует в современных тюркских языках [1, с. 75].

Что касается согласных якутского языка, О.Н. Бетлингк, классифицируя их по материальным (звонкость/глухость, твердость/мягкость/плавность, разновидности средства с гласными и т.п.) характеристикам, особенно в «Индексе консонантов» [§232], раскрыл всю систему формирования противопоставлений, чередования, «исчезновения и появления», позиционного и модификационного проявлений согласных фонем... Все эти особенности согласных якутского языка образца XIX, удивительным образом, позволяют прояснить дифференцирующие факторы фонем по качественным и количественным признакам, таких как твердость/мягкость, глухость/звонкость, смычность/щелинность и т.п. [9, с. 225–236].

Если рассуждать по позиции теоретической лингвистики, все формы чередований гласных и согласных, выступающие в двух-трех обликах [9, с. 151], а также варьирующиеся в литературном произношении [17, с. 30–56; 18, с. 78–104] фонемные характеристики якутского языка сродни с дифференциальными признаками общетюркского языка. Их проявление в речевой ситуации исходит, как выразился Л.Р. Зиндер, из закономерностей произносительных норм, стиля речи (говорения), а также их воспринимаемых качеств [8, §62].

Таким образом, нормативный баланс вокализма и консонантизма якутского языка, особенно артикуляционная их природа, скрупулезно обследованная впоследствии проф. Н.Д. Дьячковским методами экспериментальной фонетики, послужит ориентиром для определения их акустических качеств, как компонента орфоэпической значимости высказывания. Разумеется, звуки в речевом сегменте, имея семантическую нагрузку, отражают определенный спектр монофтонности, в пределах возможностей артикуляционной базы [19, с. 19–87].

Акцентуационный ДП словоформ

Акустический облик словоформы отражает артикуляторно-мыслительный процесс речевого поведения, в котором формируется собственная акцентуация. Ее можно охарактеризовать как генетический паспорт, который сложился в результате исторического развития языка. В науке их называют фиксированное и произвольное ударение [8, § 285] и определяют их качественно-количественные признаки [8, с. 266–274].

В тюркологии словесное ударение является достаточно изученной областью фонетики (А.А. Махмудов, Ш.А. Абдуллаев, У.Ш. Байчура, А. Сапаев, Т.К. Ахматов, А.К. Орусбаев и др.) и определены его фонетические параметры, как тональность, динамичность и квантитативность [19, с. 73].

Словесное ударение в якутском языке, впервые упомянутое в труде О.Н. Бетлингка «О языке якутов», отмечается на последнем слоге слова [9, с. 175] и в сравнении с другими монгольскими языками оно тяготеет к качественно-долготному признаку. А по сравнению с турецко-татарскими языками, где парадигматический акут (повышение) становится их от-

личительным параметром, якутское слово чаще приобретает двойное ударение [9, § 122]. Видимо, О.Н. Бетлингк предполагал, что акутовое ударение присуще в якутском языке как показатель или главного, или второстепенного ударения. Но в произношении своего аудитора А.Я. Уваровского он не смог уловить качественные признаки ударения¹.

Профессор Н.Д. Дьячковский при обзоре бетлингковского материала об ударении слова пишет: «Ударение в якутском языке падает в основном на последний слог слова. В ударяемом слоге гласные, как это видно из экспериментальных данных, длительнее и интенсивнее, чем в безударных слогах. В отдельных ситуациях ударяемые гласные имеют тональный контраст по отношению к безударным гласным» [19, с. 58].

Предшественники Н.Д. Дьячковского (С.В. Ястремский, Н.Н. Поппе, Л.Н. Харитонов и др.) замечали, что в якутском языке «Кроме главного ударения, падающего на последний слог, появляются еще побочные ударения, падающие на первый и срединный слог: *átтаммáтахтáр*» [19, с. 71].

В общей и частной фонетиках, говоря о словесном ударении, чаще всего подчеркивают фонетические реалии гласного слога. Как видно из нашего фактического экспериментального материала, полученного с применением современных компьютерных программ (типа «Speech Analyzer»), в определении статуса словесного (да и фразового) ударения целесообразно оперироваться акустическими характеристиками всего слога, т.е. параметрами и гласного, и согласного в составе слога. Однако пиковые показатели тональности гласного всегда превосходят аналогичные параметры согласных (в составе слога), и поэтому при табулировании объективных фонетических данных отражаются частотно-динамические квантитативные показатели вокальной оси как суперсегментный компонент линейной реализации речевого сегмента.

Если противопоставление фонемного ряда якутского языка (гласных, согласных) основывается на качественно-количественных признаках, то монофтонги, как составляющие речевых сегментов высказывания, дифференцируются уже на фонологическом уровне. Другими словами, реализация монофтонга зависит от качества соседствующих консонантов, находящихся в сильной (или слабой) позиции речевого сегмента. А для якутского языка, как и в других тюркских языках, «сильной фонологической позицией является положение в первом корневом слоге, где гласные являются наиболее самостоятельными» [19, с. 59]. Этот аргумент проявляется в тюркских языках при лабиализованных комбинаторных гласных типа а>о, а >ө (*баиш*>*бөиш* 'голова', *дава*>*дөвэ* 'верблюд') [1, с. 40].

Именно такие модификации, характерные в акцентуации якутского языка, порождают монофтонговые признаки. При этом и сильная, и слабая позиции в речевом потоке определяют качественные их признаки в процессе произношения словоформ с различными типами слога. Для определения степени взаимодействия артикуляторно-акустических характеристик, формирующих акцентуационную особенность монофтонга в ударяемых и безударных слогах составлена и обследована краткая экспериментальная программа для SA из двусложных, трехсложных многосложных словоформ, на которых прослеживается перемещение словесного ударения на последующие слоги словоформ (табл. 1).

Таблица 1

Типы слогов с перемещением ударения

№	двусложные	трехсложные	многосложные
1	Г-СГС	Г-СГС-СГС	Г-СГС-СГС-СГС
2	Г ₁ -СГ [~]	Г ₁ -СГ [~] -СГ	Г ₁ -СГ-СГ-СГ ₁
3	СГ-СГС	СГ-СГС-СГС	СГ-СГС-СГС-СГС
4	СГ [~] -СГС	Г [~] -СГ-СГ	СГ [~] -СГ-СГ-СГ [~] -СГС
5	СГ [~] С-СГ [~] С	СГ [~] С-СГ-СГС	СГ [~] С-СГ [~] С-СГС-СГ [~] С
6	СГ ₁ С-СГ ₁ С	СГ ₁ -СГ ₁ С-СГ [~] С	СГ ₁ -СГ ₁ С-СГ [~] С-СГС

¹ В истории фонетических исследований, по нашим наблюдениям, О.Н. Бетлингк первым проводил в тюркологии аудиторский анализ для определения звуковой системы якутского языка.

Ниже в трех группах рассматривается природа формирования компонентов ударения в двусложных, тресложных и многосложных словоформах с различными вокально-консонантными элементами, в которых дифференциация слоговой структуры определяется качественным выражением всех его составляющих. То есть не только вокального сегмента, как считалось раньше, но и качественного признака консонантов слога.

Первая группа

Двусложные структуры типа ГС-СГС: *атах* ‘нога’, *утах* ‘жаждоутоляющая жидкость’, *өтөх* ‘стойбище’, *илин* ‘восток’, *алын* ‘низ’, и т.п.

Профессором Н.Д. Дьячковским были отражены вокально-консонантивные структуры слога и выявлены четыре основных типа слога: открытый (Г-), прикрыто-открытый (СГ-), закрытый (ГС-), прикрыто-закрытый (СГС-) [19, с. 78–79]. А в тюркских языках слог, по определению А.М. Щербака, по структурным признакам характера вокально-консонантной вариативности представляет праязыковую природу: Г-, Г+С, Г+С+С, С+Г, С+Г+С, С+Г+С+С [1, с. 109]. Поэтому такая система форм функционирует во всех тюркских языках и как носитель древних односложных типичных слоговых структур: открытый (Г-), приоткрытый (ГС-), призакрытый (СГ-), закрытый (С+Г+С). Позиционное распределение слогов в якутском языке четкое: открытый и приоткрытый слоги встречаются только в сильной фонологической позиции, т.е. не встречаются в серединных финальных позициях структуры словоформ. А призакрытый и закрытый слоги являются универсальными в формировании любой величины словоформы (т.е. речевого сигнала). Такая четкая дифференциация слогов продиктована с импловивно-эксплозивными особенностями произношения тюркского слова, которые четко определяют начало и конец слога (например, *а+ба* ‘отец’, *ап+на* ‘лог’, *са+ха* ‘якут’, *дыах+тар* ‘женщина’ и др.) [1, с. 108].

Слоговой тип Г-СГС (*а+мах* ‘нога’) с общей длительностью 450 мс распределяется на слоги <Г-> – 75 мс, а <-СГС> – 375 мс, где гласный <а> второй позиции составляет 50 мс. Тональный контур гласных в обоих слогах разный, с нисходящим (280–200 Гц) и монотонным (200 Гц) контурами с положительным малосекундным интервалом во втором слоге. Интенсивность второго слога превышает в два раза первый слог.

Общая картина произношения словоформы *атах* характеризуется тем, что компоненты интонирования, взаимодействуя между собой, формируют тенденцию слогового выделения. Второй слог *-тах* со значительными динамическими и квантитативными проявлениями соответствует статусу ударяемого слога.

По всей вероятности, к такому исходу способствовал его слоговой тип с глухими консонантными элементами. Озвончение начала согласного <-t-> и слабая эксплозия <-q> формируют облик ударного слога относительно начальному открытому слогу <а-> (рис. 1.1).

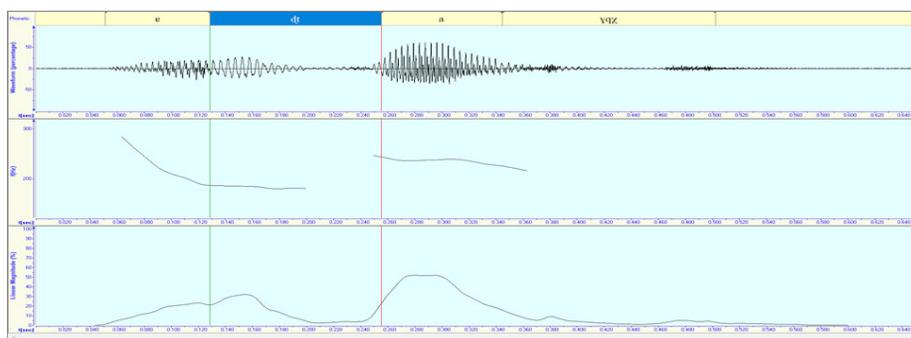
Слоговой тип Г₁-СГ₁ (*ыарыы* ‘болезнь’) с усложненной вокальной осью произносится по сравнению с *а+мах*, на 250 мс дольше (650 мс), что, очевидно, связано и со структурой <открытый+призакрытый> слогов. Сонант [л], разделяющий слоги, является самым кратким относительно другим глухим и звонким согласным (25 мс). Следовательно, слово *ыарыы* воспринимается как ‘вокалическое’ произношение, где распределение квантитативности соразмерно (275 и 325 мс). А тональная реализация *ыа* и *ыы* создает такое впечатление, что на общей плоскости протяжения второго слога происходит нарастающий подъем ч.о.т. на исходе слога (210–260 Гц). Инициальное кратковременное (25 мс) повышение тональности дифтонга [уа] не повлияло на весь контур движения ч.о.т., хотя намечается малосекундный интервал повышения речи на втором слоге.

В синхронном срезе компонентов интонирования слова *ыарыы* наибольший кратковременный подъем интенсивности происходит у дифтонга (80%), тогда как у долгого [ъ] такие показатели равны к 50% на всей его плоскости. Следовательно, незначительные величины акустических параметров относятся к долгому гласному второго слога (рис. 1.2).

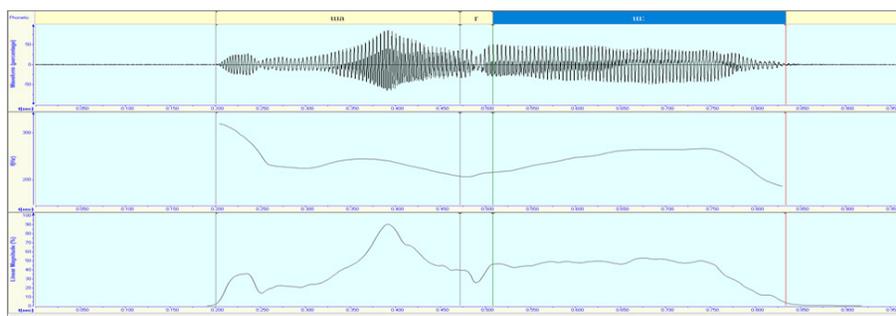
Слоговой тип СГ-СГС (*батас* ‘сабля’). Общей длительностью 550 мс распределяется по сегментам 105 – 90 – 100 – 103 – 160 мс, соответственно: первый слог – 195 мс, второй – 363 мс.

Тональный признак наиболее контрастен из-за взрывного губного [b], у которого формируются две фразы артикуляции (300–200 Гц). При деллабиализации ч.о.т. понижается на ч. 4. А уровень интервала вокальных сегментов равна к м. 3 с превосходством второго [a].

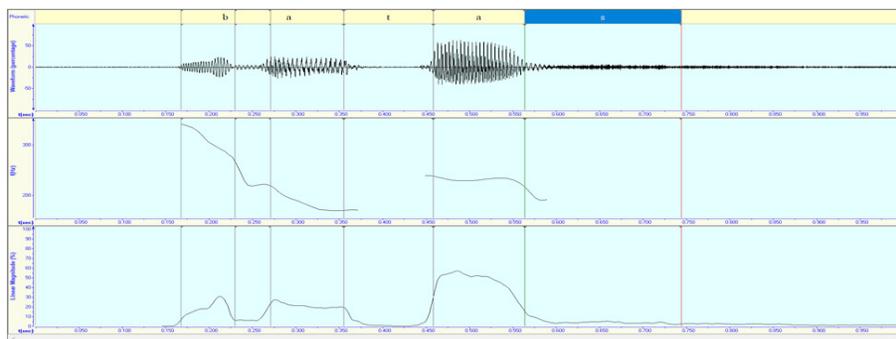
Показатели интенсивности линейной реализации *батас* характеризуются ступенчато усиливающимися к финалу произношением: 20 – 20 – 45% соответственно. Ударение на втором слоге отмечается положительными параметрами длительности и интенсивности при слабом тональном его выражении и явной взаимокомпенсирующей реализацией акустических показателей (рис. 1.3).

Атах

Ылары

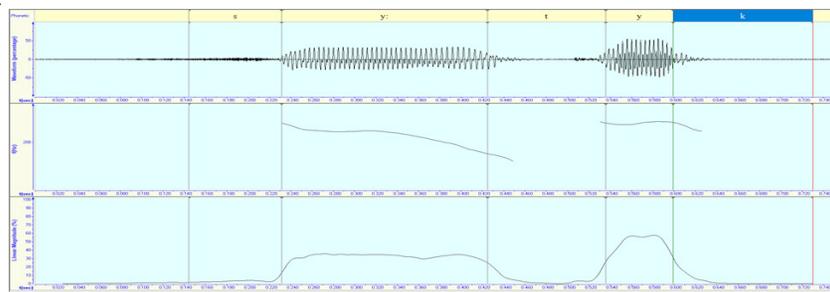
Батас

Рис. 1.1–3. Двусложные словоформы

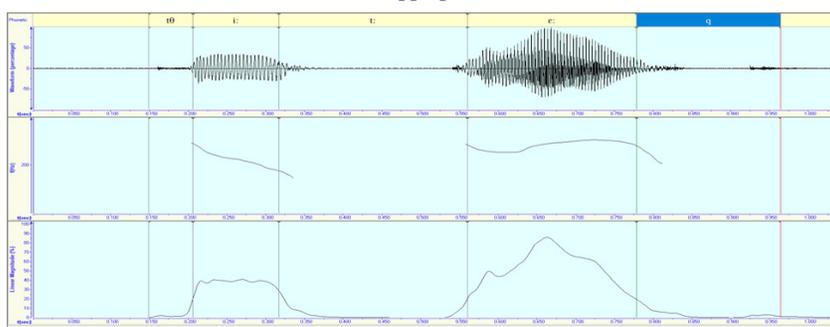
Слоговой тип СГ-СГС (*суутук* ‘наперсток’). Общая длительность – 575 мс, что соразмерно с другими двусложными структурами. Наибольшая длительность приходится у долгого сегмента [u:], который превышает гласного второго слога [u] в три раза (180–65 мс). При такой ситуации тональность второго вокального элемента незначительная. Зато динамический показатель его больше на 20 %. Таким образом, при меньшей квантитативности второй ударный слог (тук) акустически более воспринимаемый, чем первый суу- (рис. 1.4).

Слоговой тип $C\bar{Г}\bar{С}-C\bar{Г}\bar{С}$ (*тuттээх* ‘лиственнич лес’) с общей длительностью 800 мс с распределением: <t̄> – 50, <ī:> – 120, <t:> – 250, <e:> – 200, <q> – 180 мс. Формируется малотерцевым повышением ч.о.т. (200–240 гц) и значительным динамическим показателем (40–80 %) гласного второго слога. Слоги закрытые с глухими консонантами <t̄> и <q>. В отличие от предыдущих словоформ здесь конечная позиция выделена всеми тремя компонентами акцентности, причем в значительной мере (рис.1.5).

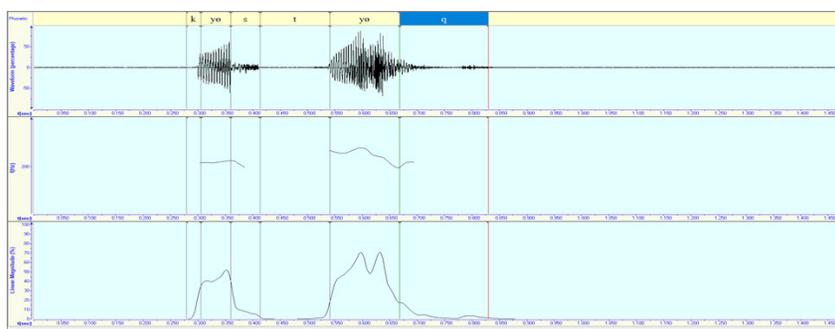
Слоговой тип с дифтонгами $C\bar{Г}_1C-C\bar{Г}_1C$ (*күөстүөх* ‘сварим суп’) произносится в пределах 500–540 мс с распределением длительности в слогах 140–400 мс. Акустический эффект достигается с увеличением длительности второго слога при малосекундном повышении ч.о.т. и усилением динамики на 20 %. Следовательно, намечается специфический признак двусложных словоформ, характеризующий нарастающий акцент отдельно произносимых словоформ (рис. 1.6).

Сүүтук

Тuттээх

Күөстүөх

Рис. 1.4–6. Двусложные словоформы

Вторая группа: трехсложные словоформы (рис. 2.1–6)

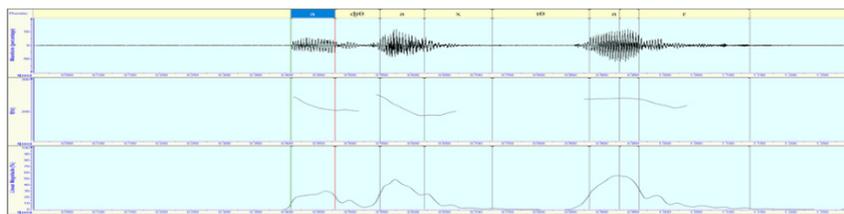
Структура $Г-C\bar{Г}\bar{С}-C\bar{Г}\bar{С}$ (*атахтар* ‘ноги’) с начальным открытым и последующими закрытыми слогами произносится в пределах 600 мс, на третий слог приходится почти половина общей длительности слова, где вокальный элемент <-a-> слога <C $\bar{Г}\bar{С}$ >(-лар) произносится

в 50 мс и повышением ч.о.т. одинаковых <a> и <-a>. Динамический параметр его незначительно положителен. Следовательно, перемещение словесного ударения со второго на третий слог происходит при значительной квантитативности конечного слога. Заметно, что реализация сингармонической дифференциации согласного аффикса <l> на <t> и озвончение части <-t> второго слога характеризует закономерные структурные образования консонантной оси словоформы (рис. 2.1).

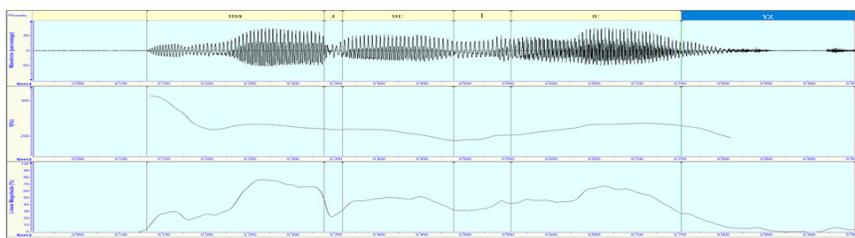
Структура Г₁-СГ-СГС (*барылаах* ‘больно’), реализующаяся в пределах 800 мс, показывает, что третий слог *-лаах* составляет по длительности более половины общей длительности при незначительных положительных тонально-динамических величинах. Эти показатели свидетельствуют, что переход ударенности со второго на третий слог сопровождается не только положительными показателями конечного слога с озвончением финального глухого <-q> и контактно-тембральных свойств монофтонга <-ā>, но и, что наблюдается на рис. 2.2, сокращением <-гц̄> квантитативности второго слога. Такой механизм перемещения словесного ударения со второго на третий слог словоформы вполне является релевантным свойством фонетических реализаций (рис. 2.2).

Структура СГ-СГ-СГ (*батаһы* ‘саблю (дать)’) с общей длительностью 600 мс распределяется по слогам на 175–150–270 мс, где второй слог по всем параметрам уступает конечному и большие компоненты ударенности сосредоточены на финальном слоге: наибольшая квантитативность, большештерциевый интервал, нарастающая интенсивность (рис. 2.3).

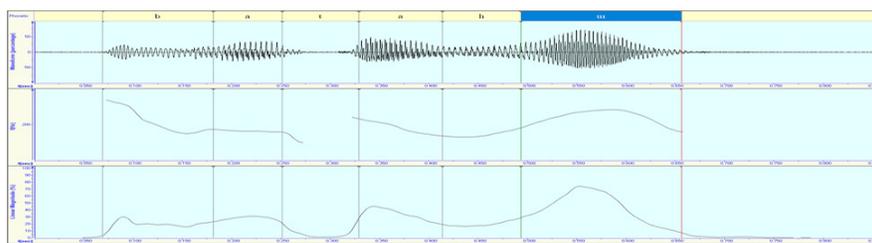
Структура СГ₁С-СГ₁С-СГС (*күөстүөхтээх* ‘должен сварить суп’) с одинаковыми слоговыми типами произносится в 1000 мс с распределением на слоги: 250–325–475 мс; 230–180, 210–170, 210–190 Гц, 10–75–60%. Из всего расклада фактических фонетических данных видно, что последний слог характеризуется наибольшей квантитативностью с зонально-динамическим сопровождением. Все эти составляющие ударенности нарастающе-дифференцированные и четко соответствуют с информативностью трехсложной словоформы *күөстүөхтээх* (рис. 2.4).

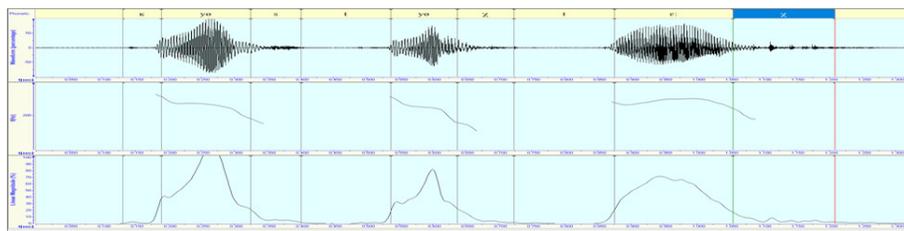
Атахтар

Барылаах

Батаһы

Күөстүөхтээх

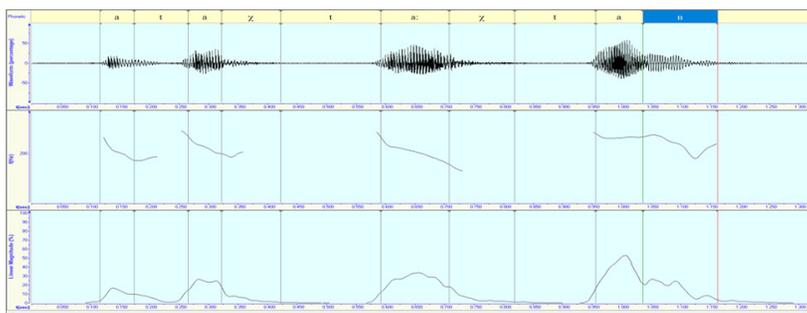
Рис. 2.1–4. Трехсложные словоформы

Третья группа: многосложные словоформы

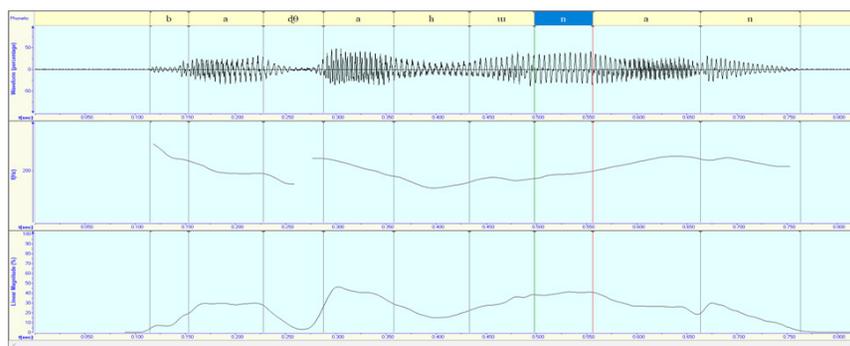
Структура Г-СГС-СГС-СГС (*атахтартан* ‘из ног’) с одним открытым и тремя закрытыми слогами, где вокальная ось – краткий широкий гласный <a>. Консонантные компоненты слогов – глухие, кроме финального носового сонанта <-n>. Распределение длительности по слогам: 90–200–280–460 мс. При такой нарастающей длительности слоговых структур наблюдается аналогичные тонально-динамические фигуры с положительными величинами (ч.о.т. – м.4, интенсивность – 45%) сосредоточены на финальном слоге. Все это происходит на фоне, когда нисходящие контуры ч.о.т. и минимальные величины их интенсивности срединных слогов демонстрируют утрату качеств словесного ударения, т.е. преместившаяся ударенность локализуется на финали словоформы. (рис. 3.1).

Структура СГ-СГС-СГ-СГС (*батаһынан* ‘саблей’) с прикрыто-закрытыми слогами произносится в промежутке 650 мс с распределением на прикрытых слогах 100–175 мс, закрытом – 2700 мс. Финальный слог, состоящий из носовых сонантов с назализованным широким гласным <-a->, реализуется положительными величинами тональности (б.2). А относительно меньшая интенсивность, вероятно, подпадает на механизм взаимокompенсации акустических величин. Другими словами, при перемещении словесного ударения от слога к слогу не все компоненты могут быть положительными. Тем не менее, финальный слог четко выделяется квантитативно-тональными средствами акцентуации, у которого дифференцирующими факторами становится умеренная и нарастающая картина общего произносительного эффекта (рис. 3.2).

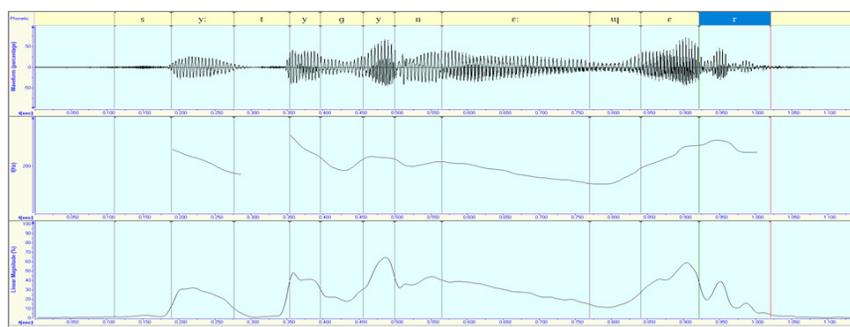
Структура СГ-СГ-СГ-СГ-СГС (*сүүтүгүнээбэр* ‘в сравнении с его наперстком’). Общая длительность словоформы – 900 мс. Распределение по слогам: 140–130–120–205–280 мс, т.е. самым квантитативным становится последний слог <-бэр->. Вокальная ось соразмерна ее консонантной архитектуре словоформы, т.к. слоги прикрытого и закрытого типа многосложного слова образуются путем эксклюзивно-имплозивной артикуляции и в акустическом формате воспринимаются как проявление ритмомелодической конструкции. При таком восприятии дифференцирующихся компонентов вокально-консонантной конструкции многосложной словоформы осознаются не только перемещение ударения, но и механизмы образования главного и второстепенного ударений (рис. 3.3).

Атахтаахтан

Батаһынан

Сүүтүгүнээзэр

Рис. 3.1–3. Многосложные словоформы

Заключение

Анализ экспериментального материала по акцентуации якутского языка согласно теории обсуждения их как источника акустического многообразия речевой культуры, унаследованной из древнейшего общетюркского ареала, позволяет наметить некоторые закономерности формирования дифференцирующих компонентов, наряду с линейной последовательностью сверхсегментных характеристик речевого сигнала.

Ключевым теоретическим положением для данной работы является понятие дифференциального признака (ДП) и сфера его проявления в качестве речевого сегмента. Существует положение, что ДП есть определитель фонетического свойства элементов слова – фонем. Исходя из исследований в области речевой культуры и фоносинтаксиса, ДП вполне может стать ориентиром для определения взаимосвязи и сингармонизации речевых сегментов любой величины. И статическое слово, и коммуникативные величины – фразы, высказывания, построенные фонологическими критериями членения на сегменты речи, являются объектами семантического и формального осмысления. Именно фонологизация интонации и акцентуации, определение их дифференциальных признаков, подобно фонетическим реалиям слова, позволит всесторонне рассмотреть весь компонентный уровень (квантитативность, тональность, динамичность, тембр и спектр) речевого сигнала и построить взаиморегулирующую модель произносимых и воспринимаемых собеседниками конструкций речи.

Конкретные слоговые структуры, проанализированные нами экспериментально-фонетическим методом «Speech Analyzer», сгруппированные в двусложных, трехсложных многосложных словоформах, представляют аналоги тех речевых конструкций, которые достигают своей семантической и акустической самостоятельности и отличаются присущей им коммуникативной принадлежностью. Их двусложные варианты несут лексическую нагрузку, а трех- и более сложные слова, судя по своей агглютинативности, чаще всего подпадают в ареал фоносинтаксических реализаций.

Следовательно, акцентуационный признак более сложных синтаксических конструкций тяготеет к синтаксическим формам, так как каждый слог-аффикс вносит новое содержание, а их акустические преобразования имеют синтаксическую нагрузку.

Традиционно наблюдаемый «переход ударения» на следующий (конечный) слог словоформы привносит синтаксический эффект с помощью компонентов интонации. Именно взаимокompенсационный процесс придает определенному ударяемому слогу новое содержание, выходящее за рамки первого лексического значения. Поэтому словесное ударение, формирующееся большими акустическими параметрами, функционально может расцениваться в качестве показателя переходных сверхсегментных качеств, дифференциация которых происходит при нарастающих их величинах. Дополнительное ударение в многосложной словоформе, отмеченное исследователями как акустический показатель, появляется в начальной (сильной) позиции, свидетельствуя о том, что, чем дальше отдалается основное ударение, тем больше выражен дифференциальный баланс энергии словоформы.

Литература

1. Щербак А.М. Сравнительная фонетика. – Л.: Наука, 1970. – 202 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. II том. – Новосибирск: Наука, 1995. – 333 с.
3. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 10.
4. Николаева Т.М. Фразовая и интонация славянских языков. – М.: Наука, 1977. – 277 с.
5. Касевич В.Б. Проблемы семантики. – СПб.: Изд-во СПб университета, 2019. – 301 с.
6. Гречко В.А. Теория языкознания. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.
7. Трубецкой Н.С. Основы фонологии (пер. с нем.). – М., 1960. – 336 с.
8. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – Л., 1960. – 312 с.
9. Бетлингк О.Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 644 с.
10. Касевич В.Б. проблемы семантики. – СПб.: изд-во СПб. университета, 2019. – 302 с.
11. Алексеев И.Е. Вопросительное предложение в якутском языке. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1982. – 172 с.
12. Алексеев И.Е. Ответный компонент диалога в якутском. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – 140 с.
13. Алексеев Побудительная фраза в якутском языке (структурно-коммуникативный аспект). – Новосибирск: Наука, 1992. – 124 с.
14. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 613 с.
15. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. – С. 33 // В кн. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 427 с.
16. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. – М., 1955. – 308 с.
17. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. – Якутск, 1977. – 191 с.
18. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. – Якутск, 1971. – 254 с.
19. Алексеев И.Е. О.Н. Бетлингк и изучение словесного ударения в якутском языке (предварительное сообщение) // Бетлингк О.Н. и его труд о языке якутов. – Якутск, 1973. – С. 70–101.

References

1. Shherbak A.M. Sravnitel'naja fonetika. – L.: Nauka, 1970. – 202 s.
2. Grammatika sovremennogo jakutskogo literaturnogo jazyka. Sintaksis. II tom. – Novosibirsk: Nauka, 1995. – 333 s.
3. Matusevich M.I. Vvedenie v obshhuj fonetiku. – M.: Uchpedgiz, 1959. – S. 10.
4. Nikolaeva T.M. Frazovaja i intonacija slavjanskih jazykov. – M.: Nauka, 1977. – 277 s.
5. Kasevich V.B. Problemy semantiki. – SPb.: Izd-vo SPb universiteta, 2019. – 301 s.
6. Grechko V.A. Teorija jazykoznanija. – M.: Vysshaja shkola, 2003. – 375 s.
7. Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii (per. s nem.). – M., 1960. – 336 s.
8. Zinder L.R. Obshhaja fonetika. – L., 1960. – 312 s.
9. Betlingk O.N. O jazyke jakutov. – Novosibirsk: Nauka, 1990. – 644 s.
10. Kasevich V.B. problemy semantiki. – SPb.: izd-vo SPb. universiteta, 2019. – 302 s.
11. Alekseev I.E. Voprositel'noe predlozhenie v jakutskom jazyke. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. – 172 s.

12. Alekseev I.E. Otvetnyj komponent dialoga v jakutskom. – Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1990. – 140 s.
13. Alekseev Pobuditel'naja fraza v jakutskom jazyke (strukturno-kommunikativnyj aspekt). – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 124 s.
14. Potebnja A.A. Jestetika i pojetika. – M.: Iskusstvo, 1976. – 613 s.
15. Shherba L.V. O trojakom aspekte jazykovyh javlenij i ob jeksperimente v jazykoznanii. – S. 33 // V kn. Shherba L.V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. – L., 1974. – 427 s.
16. Shherba L.V. Fonetika francuzskogo jazyka. – M., 1955. – 308 s.
17. D'jachkovskij N.D. Zvukovoj stroj jakutskogo jazyka. – Jakutsk, 1977. – 191 s.
18. D'jachkovskij N.D. Zvukovoj stroj jakutskogo jazyka. – Jakutsk, 1971. – 254 s.
19. Alekseev I.E. O.N. Betlingk i izuchenie slovesnogo udarenija v jakutskom jazyke (predvaritel'noe soobshhenie) // Betlingk O.N. i ego trud o jazyke jakutov. – Jakutsk, 1973. – S. 70–101.

Н. А. Ефремова

Антонимы в якутском языке: типы и стилистические функции

СВФУ и. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье представлено научное описание антонимов как одного из малоизученных пластов лексикологии якутского языка, в ходе которого выявлены типы антонимов и закреплены примерами из устного народного творчества, художественной литературы и современной якутской публицистики. Целью исследования является выявление типов антонимов в якутском языке, опираясь на труды отечественных лингвистов как Л.А. Новиков, Л.А. Введенская. Предпосылкой исследования послужили учебные пособия исследователей якутского языкознания Н.А. Аллахского, Н.К. Антонова, П.С. Афанасьева, Г.Г. Филиппова, И.П. Винокурова. В ходе работы применялись структурно-семантический анализ, методы лексико-грамматической и стилистической интерпретации. Объектом исследования выступают типы антонимов в якутском языке. Предметом изучения являются лексические антонимические оппозиции имен существительных, имен прилагательных, наречий и глаголов, отобранные из словарей современного якутского языка. Объем выборки составил 450 антонимичных пар. Материалом для анализа послужили пятнадцатитомный большой толковый словарь якутского языка, якутско-русский словарь, а также тексты якутской классической литературы и устного народного творчества. Научная новизна и теоретическая значимость исследования состоят в анализе сущности антонимии путем раскрытия парадигматических и синтагматических свойств лексических антонимов; выявлении роли лексических антонимов в формировании структурно-семантического единства текста; описании видов антонимии в якутском языке. Материалы и результаты исследования могут быть использованы для разработки учебника и учебных пособий по лексикологии, а также академического словаря антонимов якутского языка. Основные выводы по результатам исследования: 1) в якутском языке, как и во всех других языках, существуют противоположные по смыслу слова, которые называются антонимами (для номинации в якутском языке мы предлагаем использовать термин “утарсык тыллар”); 2) опираясь на труды Л.А. Новикова, можно выделить три класса языковых антонимов по семантико-смысловому принципу: а) контрарные (градуальные); б) комплементарные (контрадикторные); в) векторные. Кроме них, как отдельную группу противоположных слов можно выделить прагматические антонимы, которые фигурируют в художественном стиле речи; 3) антонимы в якутском языке в основном, образуются лексическим, реже – аналитическими способами; 4) антонимы представляют богатый лексический ресурс разговорного, художественного, публицистического стилей речи, широко используются в фольклоре и литературных произведениях для создания выразительности.

Ключевые слова: якутский язык, антонимы, семантика слова, контрарные (градуальные), комплементарные (контрадикторные), векторные, прагматические.

N. A. Efremova

Antonyms in the Yakut language: methods of education, typology, use in speech

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article presents an academic description of antonyms as one of the poorly studied layers of the lexicology of the Yakut language, during which the types of antonyms are identified and consolidated with examples from oral folk art, fiction and modern Yakut journalism. The aim of the study is to identify the types of antonyms in the Yakut language, based on the works of Russian linguists such as L.A. Novikova,

---

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: enadin1979@mail.ru

EFREMOVA Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

L.A. Vvedenskaya. The prerequisite for the study was the teaching aids of the Yakutov researchers N.A. Allahsky, N.K. Antonova, P.S. Afanasyeva, G.G. Filippova, and I.P. Vinokurov. In the course of the work, we used the structural and semantic analysis, methods of lexico-grammatical and stylistic interpretation. The object of the research is the system-semantic relations between the elements of the lexical system of the modern Yakut language. The subject of study is the lexical antonymic oppositions of nouns, adjectives, adverbs and verbs, selected from the dictionaries of the modern Yakut language. The sample size was 450 examples of antonymous pairs. The material for the analysis was the fifteen-volume large explanatory dictionary of the Yakut language, the Yakut-Russian dictionary, as well as the texts of the Yakut classical literature and oral folk art. The academic novelty and theoretical significance of the research consists in the analysis of the essence of antonymy by revealing the paradigmatic and syntagmatic properties of lexical antonyms; identifying the role of lexical antonyms in the formation of the structural and semantic unity of the text; description of the types of antonymy in the Yakut language. The materials and results of the research can be used to develop textbooks on the vocabulary of the Yakut language for higher and secondary educational institutions, as well as an academic dictionary of the antonyms of the Yakut language. The main conclusions based on the research results: 1) in the Yakut language, as in all other languages, there are words that are opposite in meaning, which are called antonyms (“*utarsyk tyllar*”); 2) based on the works of L.A. Novikov, three classes of linguistic antonyms can be distinguished according to the semantic-semantic principle: a) contra (gradual); b) complementary (contradictory); c) vector. In addition to them, as a separate group of opposite words, pragmatic or stylistic antonyms can be distinguished that appear in the artistic style of speech; 3) antonyms in the Yakut language are mainly formed lexically, less often – analytically; 4) antonyms represent a rich lexical resource of colloquial, artistic, journalistic styles and are used in speech to create expressiveness.

Keywords: Yakut language, antonyms, word semantics, contra (gradual), complementary (contradictory), vector, pragmatic.

Введение

Актуальность исследования состоит в недостаточной изученности проблемы лексической антонимии в якутском языкознании, в частности, определения критериев ее выделения, классификационных характеристик ее типов.

Целью исследования является изучение особенностей реализации семантической категории противоположности антонимов в лексике якутского языка.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) проведение анализа научных работ по проблемам антонимии для определения исходных теоретических положений и основных направлений исследования; 2) выявление корпуса антонимических лексических оппозиций современного якутского языка и описание их семантических особенностей; 3) установление видов антонимических оппозиций, типичных для якутского языка; 4) раскрытие функций антонимов в реализации связности художественного текста, его когезии и когерентности.

Понятие об антонимии в отечественном языкознании

Антонимия и антонимы, по мнению многих исследователей отечественного языкознания, есть выражение противоположности в языке [4], [7, 8] [19], [24]. В современном учебнике русского языка дается следующее определение: “Антонимы (гр. *anti* – против+*онума* – имя) – это слова, различные по звучанию, имеющие прямо противоположные значения: *правда* – *ложь*, *добрый* – *злой*, *говорить* – *молчать*. Антонимы, как правило, относятся к одной части речи и образуют пары [21, с. 47].

Будучи категорией лексико-семантической системы языка, антонимия представляет собой одну из универсалий языковых: она свойственна всем языкам, а её единицы обнаруживают принципиально общую структуру противоположных значений и большое сходство в структурной и семантической классификации антонимов. Существенные различия в предметах и явлениях объективного мира отражаются в языке как противоположность. Антонимия представляет собой противоположность внутри одной сущности. Её логическую основу образуют противоположные видовые понятия, представляющие собой предел проявления качества (свойства), определяемого родовым понятием: горячий – холодный («температура»), тяжёлый – лёгкий («вес»), падать – подниматься («вертикальное движение») и т. п.

По мнению К.В. Гудковой, противоположные слова отражают свойство человеческого мышления поляризовать опыт, то есть являются средством категоризации действительности [9, с. 68]. Именно поэтому, очевидно, интерес к изучению антонимии в современном языкознании не угасает. Это объясняется, кроме того, «всё возрастающим вниманием к семантическому аспекту языка, а также развитием исследований, подтверждающих тезис о системном характере языка и речи» [13, с. 127], в том числе о системной организации лексической семантики.

В лингвистической литературе антонимы принято определять как слова с противоположным значением, выражающие соотносительные друг с другом понятия. При этом в определении антонимов подчеркивается то противоположность их значения, то способность их выделять противоположные понятия. Антонимы – это слова, имеющие соотносительные противоположные значения.

В связи с характеристикой антонимии как лексического явления возникло мнение, что длинными антонимами являются лишь разнокорневые слова. Такого мнения придерживаются Г.А. Нечаев, А.А. Реформатский.

Такое узкое понимание антонимии справедливо было подвергнуто критике. Некоторые лингвисты, – пишет Л.А. Новиков, – считают антонимами только разнокорневые слова с противоположными значениями. Однако такое определение является слишком жестким и не учитывает всех возможностей выражения противоположного в языке [19, с. 240].

Таким образом, антонимы определяются как пары слов, имеющих противоположное значение (логическое основание). Развитие антонимических отношений в лексике отражает наше восприятие действительности во всей ее противоречивой сложности и взаимообусловленности. Поэтому контрастные слова, как и обозначаемые им понятия, не только противопоставлены друг к другу, но и тесно связаны между собой. Слово, *добрый*, например, вызывает в нашем сознании слово *злой*, *далекий* напоминает о близком, *ускорить* – о *замедлить*.

По утверждению В.Н. Комиссарова понятие «антоним» в качестве дефиниции «слова с противоположным значением» впервые было употреблено английским лингвистом Ч. Смитом в 1867 г., при создании первого словаря антонимов в английском языке.

Проблема антонимии в отечественном языкознании стала объектом изучения, начиная с 50-х гг. XX века. В русском языкознании антонимы рассматривались такими учеными как Л.А. Введенская, Н.М. Шанский, Л.А. Новиков, В.Н. Клюева, М.Х. Шпахацева, Н.М. Меркурьева, О.Н. Лихачева.

Интерес к антонимам якутского языка начался в 50-60 гг. прошлого века. Достоверное объяснение о противоположных по значению словах – антонимах – впервые в якутском языкознании дал Н.А. Аллахский (1957), который собрал 157 антонимичных пар и в 1976 опубликовал первый иллюстративный «Словарь антонимов якутского языка» [2]. Далее тюрколог Н.К. Антонов посвятил целый параграф антонимам якутского языка в своем учебнике «Современный якутский язык» (1967). Н.К. Антонов пишет, что антонимы служат стилистическим средством передачи экспрессии в художественной литературе и они являются одним из интересных и богатых пластов якутской разговорной речи и помогут правильному использованию лексики родного языка [3, с. 24].

Более развернутое описание об антонимах якутского языка дал П.А. Афанасьев в своем учебнике «Саха билинни тыла. Лексикология» (1996). По его мнению, не все слова имеют антонимичные пары. Противоположную по значению пару могут иметь слова, выражающие качество, свойство предмета или слова называющие действия или состояние человека в обратном измененном виде. В якутском языке антонимичные пары в большинстве случаев выражаются именами прилагательными, глаголами и наречиями [5].

В учебниках якутского языка имеются общие понятия о языковых и речевых антонимах как одного из пластов лексики якутского языка [27].

Таким образом, специальных исследований, посвященных антонимам якутского языка, критериям их выявления, определению по типам, функционально-стилистическому употреблению нет.

Способы образования антонимов в русском и якутском языках

Антонимия обычно характеризуется как лексическое явление. Это подчеркивает и термин – лексическая антонимия, который – привязывает ее именно к лексике. В связи с характеристикой антонимии как лексического явления возникло мнение, что подлинными антонимами являются лишь разнокорневые слова. Так, Г.А. Нечаев утверждает, что – настоящими антонимами являются слова разнокорневые. По мнению А.А. Реформатского, для лексикологии интереснее разнокорневые антонимы [20].

В отдельных работах вся антонимия сводится лишь к лексическим антонимам. Так, в БСЭ отмечается: Антонимы бывают только у слов, содержащих в своем значении указание на качество, и являются словами обязательно разных корней: тихий–шумный, приятный–отвратительный; поэтому шумный–бесшумный, приятный–неприятный не антонимы [6].

Такое понимание антонимии справедливо было подвергнуто критике. Некоторые лингвисты, пишет Л.А. Новиков, считают антонимами только разнокорневые слова с противоположными значениями. Однако такое определение является слишком жестким и не учитывает всех возможностей выражения противоположного в языке [19, с. 240].

Слишком узкое понимание антонимии обедняет это явление, получившее свое яркое выражение не только на уровне лексики, но и словообразования. Ср.: 1) имена прилагательные: безударный–подударный; усатый–безусый, рогатый–безрогий; виноватый–безвинный, волевой–безвольный; 2) имена существительные: прогресс–регресс; пролог–эпilog; вера–неверие; вкус–безвкусица; власть–безвластие; 3) глаголы: закрыть–открыть, заморозить–отморозить; выиграть–проиграть; привязать–отвязать и т. п. 4) наречия: замужем–не замужем; много–немного; 5) предлоги: в–из, над–под.

В русском языке в системной организации антонимии, – пишут А.Н. Тихонов и С.А. Емельянова, – важную роль играет словообразование [22, с. 41].

Система антонимии состоит из двух неравных частей – лексической и словообразовательной. Причем, по нашим предварительным подсчетам, чисто лексическая часть сравнительно невелика. Большую часть составляют словообразовательные антонимы: в современном русском языке их около 70%. Главным средством выражения антонимии являются словообразовательные аффиксы (префиксы). Русская антонимия преимущественно словообразовательная [22, с. 42].

В выражении антонимических отношений участвуют не только отдельные слова, но и целые словообразовательные гнезда слов. Ср: белый – черный (прил.), беленький – черненький (прил.), беловик – черновик (сущ.), добела – дочерна (наречье), белеть – чернеть (глагол),

В якутском языке антонимы, в основном, образуются лексическим способом: *дьол – сор* ‘счастье – обида’, *тыһы – атыыр* ‘самка – самец’, *улахан – кыра* ‘большой – маленький’, *эдэр – кырдьабас* ‘молодой – старый’, *үһээ – аллараа* ‘вверх – вниз’, *уна – ханас* ‘направо – налево’, *тур – олор* ‘стоять – садиться’, *үөр – хомой* ‘радоваться – огорчаться’, *утуй – уһугун* ‘спать – проснуться’.

В отличие от русского языка, в якутском языке антонимичные пары, имена прилагательные, могут образовываться аналитическим способом, т.е. примыканием к одному из компонентов частицы *суох*: *сүрэхтээх – сүрүбэ суох* ‘трудолюбивый, работающий – ленивый, неработающий’, *болдьомтолоох – болдьомтото суох* ‘внимательный – невнимательный’, *оттомноох – оттомо суох* ‘серьезный – несерьезный’, *тулуурдаах – тулуура суох* ‘терпеливый – нетерпеливый’.

Кроме этого большинство парных слов в якутском языке представляют устойчивые модели речевых оппозиций, которые активно употребляются в разговорной речи, художественном стиле: *сир-халлаан* ‘земля-небо’, *киһи-сүөһү* ‘люд-скот’, *илии-атах* ‘рука-нога’, *аба-балыс* ‘старше-младше’, *уна-ханас* ‘правый-левый’, *үһэ-аллара* ‘вверх-вниз’, *киир-табыс* ‘зайди-

выйди’, *сыт-тур* ‘лежать-стоять’, *ытаа-ыллаа* ‘плакать-петь’, *өл-тилин* ‘умереть-воскреситься’. Следует обратить внимание, что при таком парном употреблении семантика слов расширяется и приобретает некую экспрессию, придавая тем самым художественную выразительность речи.

По мнению Л.А. Новикова, антонимия, как явление языка должна быть определена как смысловая противоположность, закрепленная в нормах словоупотребления [19, с. 243].

Контрарные (градуальные) антонимы

Для современной семантики и лексикографии характерно широкое понимание антонимии, которая не ограничивается кругом только качественных и разнокорневых слов и предполагает определенную типологию семантически противоположных слов и самой противоположности. В учебнике Л.А. Новикова выделены следующие ее разновидности.

Контрарную противоположность выражают крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний противоположный, промежуточный член: молодой < нестарый, немолодой, пожилой > старый ‘эдэр < саастаах, аҕам > кырдыаҕас’ [19, с. 245].

Контрарные или, как их называют градуальные антонимы, в русском и якутском языках образуют градуальную (ступенчатую) оппозицию, которая отражает постепенное изменение качества, признака, свойства. Например: *улахан* < *орто* > *кыра* ‘большой < средний > маленький’, *баай* < *сэниэ* > *дыдангы* ‘богатый < зажиточный > бедный’, *тымныы* < *сөрүүн, сылаас* > *итиһи* ‘холодный < прохладный, теплый > горячий’; *аһыы* < *ньулуун* > *минньигэс* ‘горький < пресный > вкусный’, *инчэбэй* < *үөл, сииктээх* > *курааннах* ‘мокрый < сырой, влажный > сухой’; *мааны* < *сэнэх* > *мара* ‘нарядный < приличный > неряшливый (об одежде)’, *аҕа* < *саастыылаах* > *балыс* ‘старший < ровесник > младший’ (о возрасте человека), *бытаан* < *набыл, тиэтэл* > *түргэн* ‘медлительный < неторопливый, торопливый > быстрый’, *амарах* < *тонгуй* > *тыйыс* ‘добрый < неотзывчивый, равнодушный к чужому горю > злой’ (о характере человека).

Обратим внимание на парадигму антонимов: *инчэбэй* < *үөл, сииктээх* > *курааннах* ‘мокрый < сырой, влажный > сухой’. Такую характеристику можно дать только дровам, т.к. слово “*үөл*” используется только в словосочетании *үөл мас*, которое означает “свежесрубленное, еще не засохшее дерево” [12, с. 543].

Компоненты градуального антонимного ряда могут образовывать другой параллельный ряд антонимов. Например: *аһыы* < *ньулуун* > *минньигэс* ‘горький < пресный > вкусный’. Слово “*минньигэс*” может иметь противоположное по значению пару “*сымсах*”: ‘вкусный – невкусный’. Однако в этом случае данный вид антонимии не будет иметь среднего промежуточного компонента, который образует ступенчатый ряд. Антонимы со значением конкретности, не допускающего другого какого-либо дополнительного значения, часто встречаются в пословицах: *Элбэх тыл сымсах, аҕыйах тыл минньигэс* ‘Много слов невкусно (воспринимать?), мало слов вкусно (досл. перевод)’.

Компоненты контрарного ряда антонимов также могут иметь синоним. Например: *бастын* (*чулуу*) < *уот курдук орто* > *мөлтөх (көһүүн)* ‘лучший < находящийся в золотой середине > худший’; *элбэх (үгүс)* < *добуочча (үгүөрү)*, *ахсааннаах* > *аҕыйах* ‘много (множество, многочисленный) < достаточно много, немного > мало (малочисленный)’

Названия цветовой гаммы тоже порождают градуальную ступенчатую парадигму: *үрүн* < *борон* > *хара* ‘белый < серый > черный’. Однако эти цветообозначения не могут одновременно примыкать одному и тому же слову. В якутском языке слово *үрүн* ‘белый’ в сочетании с другими словами может иметь множество значений: *үрүн тулук* ‘белая пуночка’, *үрүн чаанньык* ‘чайник для заварки чая’, *үрүн күн* ‘белое солнце’, *үрүн чөмчүүк* ‘белый жемчуг’, *үрүн ас* ‘белая пища, т.е. молочные продукты’, *үрүн санаа* ‘светлые/добрые мысли’, *үрүн үлэһит* букв. пер. ‘белоручка; человек, занимающий высокую должность, интеллигент с высшим образованием’, *үрүн саллаата* ‘белогвардеец’, *үрүн ойуун* ‘белый шаман’, *Үрүн Аар тойон* ‘Божество, обитающее в Верхнем мире’ и т.д. Не принято употреблять *хара тулук*

‘черная пуночка’ (в природе нет такого вида птиц) или *борон санаа* ‘серые мысли’ (принято употреблять светлые/черные мысли в паре) [11, с. 202].

Далее приводим примеры со словом хара ‘черный’: *хара буор* ‘черная земля’, *хара харах* ‘очи черные’, *хара дьай* ‘темные силы’, *хара санаа* ‘черные мысли’, *хара ойуун* ‘черный шаман’, *хара мэн* ‘черное пятно’, *хара быллыт* ‘черные тучи’, *хара ас* ‘мясные продукты’, *хара үлэһит* ‘чернорабочий’.

Если сопоставить словосочетания *үрүн – хара*, то можем найти много антонимизирующихся пар. Например: *үрүн ас – хара ас* (молочные и мясные продукты), *үрүн ойуун – хара ойуун* (белый и черный шаман), *үрүн быллыт – хара быллыт* (белые облака – черные тучи. Примечательно, что в русском языке контрастные явления природы выражаются разными лексемами), *үрүн үлэһит – хара үлэһит* (интеллигент и рабочий).

Контрарными могут быть глаголы, выражающие действия или эмоции человека: *кыай < тэннэс > хоттор* ‘победить < равняться > проиграть’, *үөр < мунчаар, санныый > хомой* ‘радоваться < унывать, печалиться > грустить’, *утуй < нухарый > уһугун* ‘спать < находиться в полусне, дремать > просыпаться’, *ыарый < аматый, бэттэх кэл > үтүөр* ‘заболеть < так говорят об улучшении состояния больного человека > выздороавливать’. Но таких глаголов в якутском языке немного.

В вышеприведенных примерах наблюдается постепенное противоположное изменение действия или эмоции человека.

Способность антонимических парадигм не только образовывать свои собственные микро-системы, но и вступать во взаимодействие с другими семантическими категориями лексико-семантической системы, служит доказательством системности. Каждый член антонимической парадигмы может вступать в семантические отношения с другими словами. Например, любой из антонимов может иметь свой синоним, т. е. в языке прослеживается тесная взаимосвязь антонимии и синонимии. Так, в якутском языке наблюдается наличие синонимичных пар антонимов *үрүн – хара* / белый -черный, *үрүн – манган* / белый – белый.

Антонимия тесно связана с другим системным явлением лексики – полисемией. Многозначные слова могут вступать в антонимические отношения во всех или в нескольких своих лексических значениях. Например: словосочетание *үрүн саллаата* ‘белогвардеец’ может иметь антоним *кыһыл саллаат* ‘красногвардеец’, т.е. в данном случае антонимизируются слова *үрүн – кыһыл* ‘белый – красный’.

С помощью контрарных антонимов в сочетании с именами существительными создаются фразеологические единицы, которые часто встречаются в якутской мифологии. Например: *Үөһээ дойду < Орто дойду > Аллараа дойду* ‘Верхний мир < Средний мир > Нижний мир’. Надо сказать, что вертикальное трехярусное расположение мира в представлении якутов имеет особую философию. Известно, что Верхний мир предназначен для святых небожителей как *Айыы* во главе с *Үрүн Аар тойон*. В Среднем или, как принято употреблять в фольклорных текстах, Срединном мире живут люди, те, кто своим трудом создает жизнь. В Нижнем мире обитают *абаасы*, или злые духи, которые постоянно вторгаются в Средний мир, чтобы навредить его жителям.

В якутском языке наречия могут образовывать парадигмы контрарных антонимичных пар: *сарсыарда < күнүс > киэһэ* ‘утро < день > вечер’, *сайын < саас, күһүн > кыһын* ‘лето < весна, осень > зима’, *сырдык < борунуй > харанга* ‘светло < сумеречно > темно’.

Примечательно, что средний промежуток между парами *сарсыарда – киэһэ* ‘утро – вечер’ *күнүс* ‘день’, может самостоятельно выступать антонимичной парой слова *туун* ‘ночь’. Но среднего звена при этом иметь не будет.

Еще одной особенностью якутского языка является использование в разговорной и художественном стилях речи парных слов, образованных с помощью антонимов. При таком употреблении лексическое значение слова расширяется и приобретает некую дополнительную экспрессию и устойчивый характер. Например: Кулуупка *эдэрдиин-кырдыабаастыын* бары

мустубуттар (публ. ‘В клубе собрались и стар, и млад’ (все)); *Уругу-хараны* көрбүт киһи (разг. переживший много горя, натерпевшийся, много испытывавший на себе горе); *Сайыннары-кыһыннары* өрүү күөх баар үһү (фолькл. Говорят, есть нечто что зимой и летом зеленеет); Сырдык-харана охсуһуутугар халлаан арыт кытаран, арыт көбөрөн ылара (публ. ‘Вспышки надвигались, чередовались блеск и тьма, сиянье белое, сиянье розовое, сияние фиолетовое’).

С известными оговорками сюда можно отнести и противоположность основных понятий-координат, предполагающих “середины” (точку отсчета): *уна – хангас* ‘левый – правый’, *үөһэ – аллараа* ‘верх – вниз’, *хоту – собуруу* ‘север – юг’, *илин – арбаа* ‘восток – запад’.

Особую группу антонимичных пар в якутском языке создают образные имена прилагательные. Лексико-семантическая классификация образных слов якутского языка рассмотрена в трудах Л.Н. Харитонова [28] и С.Д. Егиновой [10]. С.Д. Егинова выделяет 7 подгрупп образных имен прилагательных якутского языка в сопоставлении с бурятским и киргизским языками: 1) имена прилагательные, характеризующие внешний вид человека; 2) имена прилагательные, характеризующие внешний вид животных, 3) имена прилагательные, описывающие формы деревьев и кустарников, 4) имена прилагательные, описывающие формы посуды, 5) имена прилагательные, описывающие одежду человека, 6) имена прилагательные, обозначающие цветоцветовые признаки, 7) имена прилагательные со значением обладания каким-либо качеством или свойством.

Именно в картинно-образных словах проявляется национально-культурная специфика якутского языка. Среди таких стилистически окрашенных слов с экспрессивной окраской нам несложно найти слова с противоположными значениями, предполагающие “золотую середину” (нейтральный признак). Например: *аччабар* < *көнө (атахтаах)* > *кыпсыгыр* ‘широко разведенный, расставленный (с раскоряченными ногами) < прямые ноги > с плотно прижатými в коленях ногами (о ногах человека)’, *нүксүгүр* < *дьулугур (унуохтаах)* > *кэдэгэр* ‘сутулый, сгорбленный < стройный, длинный и прямой > выгнутый назад, с прогнутой спиной’ (об осанке человека), *күкэгэр* < *хохобор (моойдоох)* > *лыкыгыр, лыхабар* ‘длинный, тонкий, вытянутый < имеющий прямую тонкую шею > имеющий настолько короткую шею, что кажется, будто голова ушла в плечи’ (о человеке, птице), со слегка откинутой назад головой на короткой шее, *сунтугур – тэрэгэр* ‘узкий к низу – широкий, расширенный’ (напр. подол платья), *экчэгэр – дэдэгэр* ‘впалый, втянутый (о животе), поджарый – с большим выпирающим животом и выгнутой спиной (обычно о человеке)’.

Таким образом, контрарные антонимы в русском и якутском языках выражаются в большинстве случаев именами прилагательными, в редких случаях – глаголами. Это наиболее характерный и распространенный вид противоположности: он лежит в основе антонимии слов, содержащих указание на качество, признак и состояние.

Комплементарные (контрадикторные) антонимы

Комплементарная противоположность (или дополнительность, англ. complementarity) в отличие от контрарной характеризуется тем, что между противопоставляемыми членами (видовыми понятиями), дополняющими здесь друг друга до единого целого (родового понятия) и являющимися по своей природе предельными, нет никакого среднего, промежуточного члена: *живой – мертвый, истинный – ложный, можно – нельзя, вместе – врозь, занято – свободно* (о месте) [19, с. 245].

Комплементарные или контрадикторные антонимы образуют только двучленные оппозиции, отрицание одного означает утверждение другого. Например: *кырдьык – сымыйа* ‘правда – ложь’, *олох – өлүү* ‘жизнь – смерть’, *өл – төрөө* ‘родиться – умереть’, *сөп – сыһа* ‘правильный – неправильный’. Между комплементарными антонимами не должно быть среднего члена. И как, правило, комплементарные антонимы выражаются различными частями речи: именами существительными, прилагательными, глаголами, частицами.

Главное отличие данного типа антонимов – конкретное утверждение одного из противопоставляемых слов. Например, либо “есть” (*баар*), либо “нет” (*суох*).

Комплементарную противоположность следует отличать от простой контрадикторности (противоречащих понятий) типа “молодой – немолодой” (т.е. “средних лет”, “пожилой”, “старый”), представляющий собой несильную, ослабленную противоположность из-за неопределенности второго члена оппозиции и не выражающей истинной антонимии. Для того, чтобы выразить истинную противоположность, второй член должен быть обозначен более определенно (“немолодой” → “старый”), “в нем определенность должна определить себя точнее, должна стать определенностью в себе, противоположением” [19, с. 245].

В якутском языке комплементарные антонимы выражаются, в основном, именами существительными, прилагательными, наречием, глаголами в паре: *дьол – сор* ‘счастье – обида’, *сэрши – эйэ* ‘война – мир’, *быһаҕас – толору* ‘неполный – полный’, *көнө – токур* ‘прямой – кривой’, *мындыр – салан* ‘умелый – неумелый’, *имигэс – көнтөрүк* ‘упругий, гибкий – неловкий, неуклюжий’. Реже наблюдаются случаи, когда компоненты антонимов представлены разными частями речи: *тыыннаах – өлбүт* ‘живой – мертвый’, *уһуктаҕас – утуйбут* ‘проснувшийся – заснувший’, *эрдээх – кус* (сүрэх) ‘храброе, отважное – трусливое (букв. пер. “утиное сердце”)’.

Данный тип антонимов выражен именами прилагательными и часто встречается в тех случаях, когда слово имеет антоним только в одном определенном значении: *сыппах – сытты* (быһах) ‘тупой – острый’ (нож), *кистэлэн – аһаҕас* (куоластааһын) ‘тайное – открытое’ (голосование), *босхо – төлөбүрдээх* (киири) ‘свободный – платный’ (вход), *уулаах – байтаһын* (сүөһү) ‘жеребая/отелая – нагульная’ (скот), *сиикэй – буспут* (эт) ‘вареное – сырое’ (мясо).

Компоненты таких “конкретных” антонимов-прилагательных могут иметь синонимы: *чуор* (кулгаах) – *дөйүнү, дьүлэй, истибэт* ‘иметь острый слух – глуховатый, имеющий проблему со слухом, тугоухий’, *хорсун, хоодут – куттас, хоргус* ‘смелый, отважный – трусливый, боязливый, робкий’, *албын, сымыа – дьиннээх* (табаар, оноһук) ‘поддельный, пиратский – настоящий, оригинал’ (изделие, товар), *төрөлкөй – ириннээх, хачаайы* (оҕо) ‘здоровый, крепкий, рослый – болезненный, слабый, хилый, худой’ (ребенок).

Комплементарные антонимы также образуются из слов, не имеющих противоположные значения, однако имеют логическую оппозицию относительно одного определенного слова. В основном это качественные имена прилагательные: *ыраас – былтытаах* (халлаан) ‘чистое, безоблачное – пасмурное’ (небо), *иттиллээх – холостуой* (саа) ‘заряженное – разряженное’ (ружье), *иллэн – солото суох* ‘свободный от дел, незанятый – занятый, не имеющий свободного времени’.

Сгущение стилистических красок антонимичных пар якутского языка происходит в том случае, когда к противоположным по значению словам добавляются постоянные эпитеты: *өһүрүк куйаас – бытарбан тымны* ‘палящий зной – леденящий холод’, *аар акаары – улуу өйдөөх* ‘глупец, “дурья башка” – гений’.

Кроме имен прилагательных комплементарные антонимы выражаются глаголами. Но при этом следует учитывать то, что больший процент глаголов-движений входят в другой тип антонимии, в векторный. Поэтому к данному типу можем отнести глаголы, которые имеют противоположное значение только по семантическому смыслу, в основном это глаголы-состояния. Например: *аччыктаа – тот* ‘голодать – насытиться’, *абааһы көр – таптаа* ‘любить – ненавидеть’, *боп – көнүллээ* ‘запрещать – разрешать’, *буруйдаа – көмүскэс* ‘обвинять – защищать’, *дьаархан – дьөрбөй* ‘побаиваться, настораживаться – проявлять смелость, отважиться’, *иллэс – атааннас* ‘сориться – мириться’, *мичээрдээ – кынчарый* ‘улыбаться – бросать злобный взгляд’.

Комплементарные антонимы часто используются в пословицах и поговорках: *Кырдьык үрдүгэр сымыа* ыттыбат ‘На правду ложь не взбирается; *Дьол укки сор укки сиэттиһэ сылдьаллар* ‘Счастье и горе вместе находятся; *Акаары алдьархайы, өйдөөх үтүнү сатыыр* ‘Глупый умеет безобразничать, умный – творить добро; *Тот тонуй, аччык амарах* ‘Сытый (человек) – безжалостный, голодный – отзывчивый’.

Таким образом, комплементарные антонимы в русском и якутском языках имеют схожую специфику.

Векторные антонимы

Векторная (от лат. *vector* ‘везущий, несущий’, направленный отрезок) противоположность представляет собой противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков: *ытын – түс* ‘подниматься – спускаться’, *киир – табыс* ‘зайти – выйти’, революционный – контрреволюционный [19, с. 245].

Данный тип антонимов можно истолковать как единство противоположных действий, движений, признаков, имеющие между собой неразрывную семантическую связь, которую невозможно отделить. Схематично это можно показать следующим образом: ↔ (“войти – выйти”).

В якутском и русском языках большее количество векторных антонимов выражается глаголами-движениями с нейтральным значением: *ас – сап* ‘заккрыть – открыть’, *бар – кэл* ‘уходить – приходиться’, *биэр – ыл* ‘давать – брать’, *куөрэй – тимир* ‘всплывать – утонуть’, *тангын – сыгыннахтан* ‘одеваться – раздеваться’, *сүөр – баай* ‘завязывать – развязывать’. В этом плане антонимичные пары имеют схожесть.

Кроме нейтральных глаголов в якутском языке имеются глаголы-движения, имеющие яркие стилистические оттенки образности, которые также могут образовывать антонимичные пары: *хантай – төнкөй* ‘задирать голову назад – наклоняться, нагибаться’ (речь идет о движении взад-вперед верхнего корпуса: головы, шеи); *дьорой – дьөгдьөй* ‘быть стройным – корчиться’ (о походке человека); *куйбаннаа – чиккэй* ‘извиваться; вилять – натянуться, выпрямляться’ (о походке, в частности женщины); *мөлбөрүй – мэлэкчий* ‘медленно двигаться – быстро двигаться’ (о скорости движения; образная характеристика походки человека); *аннай – оптой* ‘широко открыть рот – выпячивать округленные губы’ (о гримасе человека, где основную функцию выполняет рот).

Противопоставления типа *утуй – уһугун* ‘заснуть – проснуться’, *ытаа – кул* ‘плакать – смеяться’, *бул – сүтэр* ‘находить – потерять’, *атааннас – добордос* ‘вступить в неприятельские отношения, повздорить – подружиться’ также не образуют антонимов, т.к. они не обозначают взаимной противоположности в отличие от соотносительной пары антонимичных глаголов *тур – олор* ‘вставать – садиться’ (со стула – на стул), *киир – табыс* ‘войти – выйти’ (в комнату – из комнаты), *абал – илт* ‘приносить – уносить’ (вещь, предмет) выражающих векторную противоположность.

Однако мнение якутских ученых по поводу антонимов пространственного и временного отношения неоднозначно. Как пишет П.С. Афанасьев, антонимичные пары *хоту – собуруу* ‘север – юг’, *уна – ханас* ‘левый – правый’, *ис – тас* ‘внутри – снаружи’ не имеют никакой взаимосвязи, но их принято считать антонимами, т.к. обозначают противоположные стороны в пространстве [5, с. 71-72].

Многозначное слово может входить различными своими лексико-семантическими вариантами сразу в несколько антонимических противопоставлений: *үтүө1* ‘добрый, отзывчивый’ (о характере человека) – *холуон* ‘человек с необузданным нравом, плохим характером’ (=майгы ‘характер, нрав’); *үтүө2* ‘хороший’ – *мөкү* ‘плохой’ (о поступках человека) (=быһы ‘поступок’); *үтүө3* ‘добрые мысли’ – *хара* ‘нехорошие, черные мысли’ (о мыслях, намерениях кого-либо) = санаа ‘мысли’; *үтүө4* ‘благодатная, прекрасная’ – *хобдох* ‘чахлая, бедная’ (о местности) (=дойду ‘страна, земля’); *үтүө5* ‘приятельские, теплые’ – *куһаҕан* ‘неприятельские, натянутые’ (о взаимоотношениях людей) (=сыһыан ‘отношения между индивидами’), образуя целый ряд различных оппозиций противоположности.

В русском языке однокорневые антонимичные пары, образованные приставочным способом (‘приходить – уходить’, ‘войти – выйти’, ‘заселиться – выселиться’, ‘расстаял – оттаял’) принято считать антонимами, т.к. приставки имеют противоположное значение. В якутском языке однокорневые глаголы типа *бар – барыма* ‘иди – не ходи’, *тур – турума* ‘встань – не вставай’, *хамсаа – хамсаама* ‘двигайся – не двигайся’ не антонимируются, хотя имеют про-

тивоположные значения. Если в русском языке отрицательная форма глагола образуется с помощью приставки не-, то в якутском языке данная форма образуется агглютинативным способом, т.е. к глагольной основе прибавляется аффикс *-ма (-ы)ма*.

Сравнение семантических компонентов, составляющих значение антонимов, свидетельствует о том, что антонимам свойственно не только сходство, но и различие. Совмещение общего и различного в лексическом значении антонимов приводит к тому, что они, во-первых, способны сочетаться с одними и теми же словами, во вторых, каждый из них может иметь характерную только для него сочетаемость [8, с. 9].

В русском языке противоположные разнонаправленные признаки предмета выражаются с помощью приставок **без-, (бес-), не-, анти-, контр-, а-**: *алкогольный – безалкогольный, толковый – бестолковый, интересный – неинтересный, террористический – антитеррористический, революционный – контрреволюционный, моральный – аморальный*.

Структура векторных антонимов, выражающих противоположное качество или признак предмета отличается тем, что второй компонент антонимичной пары представляет определенную модель, образованную аналитическим способом, т.е. путем примыкания к имени прилагательному с аффиксом *-лаах* частицы *суох*: *сүрэхтээх – сүрэбэ суох*, ‘трудолюбивый – ленивый’, *оттомноох – оттомо суох* ‘разумный, толковый, дельный – безалаберный, неразумный, рассеянный’, *өйдөөх – өйө суох* ‘умный – глупый’, *сиэрдээх – сиэрэ суох* ‘нравственный – безнравственный’, *буруйдаах – буруйа суох* ‘виновный – невиновный’. Обращаем внимание на то, что в таких парах второй компонент, состоящий из двух разных частей речи можно заменить одним словом-синонимом. Например: *сүрэхтээх – сүрэбэ суох, көлдүүн* ‘бездельник’. Здесь речь идет о качествах человека, об его отношении к труду. Или же: *оттомноох – оттомо суох, ыһыллабас* ‘рассеянный, невнимательный’ (черты характера, качества); *өйдөөх – өйө суох, акаары* ‘глупый, не сообразительный’ (оценка интеллектуальных способностей человека); *сиэрдээх – сиэрэ суох, сүөргү* ‘непристойный’ (оценка поступков человека); *буруйдаах – буруйа суох, ыраас* ‘чист, без вины’ (речь идет о виновности или невиновности человека).

Таким образом, векторные антонимы в отличие от контрарных и комплементарных, имеют логическую направленность друг против друга, образуя тем самым особую категорию.

Можно говорить и о так называемых антонимах-конверсивах, но они не образуют самостоятельный тип лексико-семантических антонимов. Они возникают за счет особого употребления антонимов, принадлежащих к названным выше их типам и обладающих свойством обозначать “обратные” отношения между участниками ситуации. “Конверсивы – это слова, выражающие отношение противоположности в исходном (прямом) и измененном (обратном) высказывании” [16, с. 49]. Под конверсией в собственном смысле слова понимается «обращение» высказывания, т.е. такая операция, когда в предложении меняются местами антецедент (предшествующий член) и консеквент (последующий член). Конверсированное суждение называет то же самое отношение (имеет тот же самый денотат), что и исходное, но взятое в ином направлении, т.е. с перестановкой мест. Например: *победа – поражение, покупать – продавать, тушить – разжечь*.

У русских существительных антонимы-конверсивы представлены почти исключительно отглагольными существительными или словами с глагольными корнями. Такие слова, как правило, соотносительны с соответствующими глагольными конверсивами. Например: *взятие – сдача, господство – подчинение, выигрыш – проигрыш*. Большое количество антонимов-конверсивов в русском языке представлено формами сравнительной степени прилагательных и наречий [16, с. 2].

Ясно, что такие конверсивы регулярно образуются от слов с качественными и координационными значениями. Например: *быстрее – медленнее, левее – правее*. Следует также указать на антонимы-конверсивы среди предлогов, выражающих, преимущественно, пространственные и временные отношения. Например: *за – перед, над – под*.

Конверсивная противоположность тесно связана с векторной противоположностью, составляющей один из компонентов логико-семантической основы антонимии. Вместе с тем в специальной литературе наблюдается неоднозначная трактовка конверсивов: часть ученых отождествляет конверсивы с антонимами, а другая – различает их между собой и рассматривает конверсивность вне рамок понятия «антонимия». Еще Дж. Лайонз, который и ввел термин «конверсивная противоположность» применительно к соотносимым друг с другом словам, типа buy «покупать» – sell «продавать», husband «муж» – wife «жена», обособлял данное понятие от собственно антонимии [15, с. 493]

В якутском языке антонимами-конверсивами могут быть глаголы, выражающие действия, состояния, свойства: *былдьаа – бэрис* ‘отобрать – угощать’, *хомуй – ыс* ‘собери – раскидай’, *сүтэр – бул* ‘найти – потерять’, *холбос – арабыс* ‘сойтись – разойтись’, *тон – ир* ‘замерзать – греться’, *мичий – түрдэһин* ‘улыбаться – коробиться’, *оргуй – сой* ‘кипеть – остывать’, *ыарый – үтүөр* ‘заболеть – выздороавливать’, *этис – эйэлэс* ‘ругаться – мириться’.

В якутском языке антонимы-конверсивы выражаются глаголами и в паре довольно часто встречаются в загадках: Аҕаһа *алдьатар*, убайа *онгорор* ‘Сестра ломает, брат строит’; Сайын *таннар*, кыһын *сыгыннахтанар* баар үһү ‘Зимой одевается, летом раздевается’; Тыаһа суох *кэлэр*, тыаһа суох *барар* баар үһү ‘Без шума приходит, без шума уходит’.

Л.А. Новиков в своей классификации акцентирует внимание на антонимах, представленных глаголами-конверсивами, которые обладают выраженной направленностью, что позволяет обозначать с их помощью одно и то же действие с противоположных точек зрения. Например: *брать – давать, получать в подарок – дарить, снимать – сдавать* и др. [19]. Вопрос включения / невключения конверсивов в состав антонимии требует более особого внимания, поскольку имеет принципиальное значение при решении задач лексикографической фиксации антонимов.

Прагматические антонимы

Небольшую группу слов, выражающих особого рода противоположность, образуют так называемые прагматические антонимы.

Противоположность выражается здесь не чисто семантически, а путем частого образного употребления в речи (в практике использования слов) взаимно противопоставляемых лексических единиц, употребления, приравниваемого к противоположности: отцы – дети = (предки – потомки=старое поколение – молодое поколение), земля – небо, рай – ад, душа – тело, ум – сердце и др. [19, с. 254].

В русском языке одинаковые или очень близкие антонимические отношения могут выражаться с помощью формально различных средств, образующих варианты. В этом случае одному и тому же антониму (в одном и том же значении) противопоставляются два слова или даже несколько слов) *правда – ложь, неправда; везде, всюду – нигде; друг – враг, недруг; грамотный – неграмотный, безграмотный; сильный – слабый, бессильный* и мн. др. Данный случай наблюдается и в якутском языке: *абыйах – элбэх, үгүс* ‘мало – много, многочисленный’; *албын, сымыйа – кырдьык* ‘ложь, вранье – истина’; *элэккэй – тонкуруун, хабыс* ‘общительный – необщительный, грубый’; *баарабай – тэттик, дьобус, дьаһамыр* ‘крупный, огромный – небольшой, компактный, удобный’; *бардам – көрсүө, сэмэй* ‘дерзкий (наглый) – покладистый, скромный’; *бастын, чулуу – мөлтөх* ‘лучший, лучший из лучших – слабый’, *бөбө – кэбирэх, алдьанымтыа* ‘долговечный – недолговечный, хрупкий’.

От истинных (точных) антонимов необходимо отличать “приблизительные”, не совсем точные по компонентному составу и толкованию или по другим основаниям слова – квазиантонимы: это семантически неоднородные, несоразмерные, несимметричные лексические единицы. В якутском языке квазиантонимов достаточно много: *кэмчи – элбэх* ‘меньше (количество) – много’; *сүүнэ – кыра* ‘гигантский – маленький’; *модь, суон – синнигэс* ‘прочный/толстый – тонкий’, *баабый – ньулдьабай* ‘окрепший / сильный – неокрепший, молодой’, *мөккүөрдээх – быһаччы, чуолкай* ‘спорный – бесспорный’, *кэрэ – томороон, дьулаан* ‘прекрас-

ный – уродливый, страшный’, *кэнэн – угаайылаах, оуруктаах* ‘наивный – хитрый, вероломный’, *тэбиэс – намычы, холку* ‘беспокойный – спокойный, уравновешенный’.

Яркие примеры квазиантонимов встречаются в якутских сказках: *Улахан кыыһа Кэлии Куо диэн ааттаах, модороон ньуурдаах, этиргэн көйгө кыыс. Кыра кыыс Кырынаас Куо диэн ааттаах, туртабар ньуурдаах, нарын бэйэлээх кыыс* ‘Старшую зовут Кэлии Куо, некрасивая, нелюбимая, работающая. Младшую зовут Кырынаас Куо, красивая, белолицая, изнеженная’.

Квазиантонимы (речевые антонимы) подобно истинным лексическим противоположностям играют важную роль в языке как важнейшее средство выражения контраста и связанных с ним других значений.

От квазиантонимов в якутском языке образуются парные слова, которые активно используются в разговорной речи: *куһи-сүөһү* ‘люд-скот’, *бас-атах* ‘голова-нога’, *сирэй-харах* ‘лицо-глаза’, *өй-сүрэх* ‘ум-сердце’, *түүл-илэ* ‘сон-явь’, *үрүҥ-кыһыл* ‘белый-красный’, *күн-ый* ‘солнце-луна’, *бишр-биэс* ‘один-пять’, *ытаа-ыллаа* ‘плакать-петь’. Большинство этих парных слов используется в фразеологических оборотах. Например: *сирэй-харах анньар* ‘укорять, попрекать кого-либо’, *сирэйэ-хараба суох* ‘нагло, беззастенчиво, бесцеремонно’, *сирэйэ-хараба турбут* ‘быть полным решимости, набраться духу’, *баһа-атаба биллибэт* ‘1. Без начала и конца; 2. Неопределенный, неизвестный’, *күн-ый буол* ‘стань спасителем, помоги’ (мольба о помощи), *бишр-биэс тыла суох* ‘беспрекословно, без всяких разговоров’, *өй-сүрэх мөккүөрэ* ‘душевное раздражительность (спор между умом и сердцем)’.

Следует обратить внимание на то, что по смыслу не имеющие противоположные значения пары слов, антонимизируются, находясь только в контексте. Подобного рода антонимы принято называть контекстуальными.

Контекстуальные антонимы часто встречаются в малых жанрах устного народного творчества, а также в художественной литературе. Например, в пословицах: *Аттаахтан кымньы-тын, сатыыттан тайабын былдыаабыт* ‘У всадника отобрал кнут, у пешего – посох’. Здесь в качестве контекстуальных антонимов выступают пары слов *аттаах – сатыы* ‘всадник – пеший’. Или же: *Алгыс баһа сыалаах, кырыыс баһа хааннаах* ‘От благопожелания идет жир, от проклятья – кровь’ (букв. пер). Использование противоположных по значению пары слов *алгыс – кырыыс* ‘благопожелание – проклятье’, *сыа – хаан* ‘жир – кровь’ придало пословице не только выразительность речи, но и образовало стилистический прием – **антитезу**.

Тэбиэн саба хара санаатаабар түөн саба үрүҥ санаа ордук ‘Добрые мысли размером в трут сильнее чем, черные мысли размером в верблюд’ (букв. перевод). Здесь антонимичные пары *тэбиэн – түөн* ‘верблюд – трут’ не являются антонимами, они окказиональны.

Контекстуальные антонимы находят свое место в художественной речи писателей, публицистов, журналистов и передают в нем выразительность, экспрессию, порождая различного рода стилистические приемы.

Акротеза – подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного [5, 19]. Данный прием использован в названии широкопопулярного рассказа народного писателя Суорун Омоллоона “Харанаба тыкпыт сырдык” (“Свет в темноте”). Автор сделал акцент на слово “сырдык”, придав ему более глубокое значение: стремление мальчика из бедной семьи к новой, светлой жизни; желание учиться, стать грамотным, образованным человеком.

Иной по характеру является стилистическая фигура – **амфитеза**. Суть ее заключается в том, что утверждается не один, как в акротезе, а оба противоположных явления или оба признака и тем самым явление или признак охватывается полностью, включается и среднее, и промежуточное звено, если оно имеется. Амфитеза в якутском языке может передаваться в виде парных слов, которые встречаются в художественных, публицистических текстах, а также в разговорном стиле речи. Например: *Эдэрдиин-кырдыабаастыын бары кулуупка му-стубуттар* ‘И стар, и млад все собрались в клубе’; *Көтөр-сүүрэр биһин ууһа саас кэлэн, уһун уутуттан уһуктубут* ‘[Род летающего и бегающего] (пернатые и звери) проснулся после

долгой зимней спячки (букв. пер.)'. Здесь парные слова, образованные от противоположных по значению слов, приобрели собирательное, обобщающее значение.

Диатеза – прием утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков. Ее образуют антонимы с частицами “диэ́би”, “эмиэ да”, а также соединенные бессоюзно: *Үрүн диэ́би үрүн буолбатах, хара диэ́би хара буолбатах* ‘Не то белый, не то черный (что-то вроде серого)’; *Эмиэ да итии, эмиэ да тымны* ‘Ни холодно, ни тепло’ (неустойчивая температура).

Оксюморон – это художественный прием, который создается соединением слов, выражающих несовместимые с точки зрения логики понятия. Например: “Большой маленький человек”, “Что за умница дурак!”. В якутском языке оксюморон можно проиллюстрировать из авторской сказки: “*Сымыйа-кырдьык* икки ардынан кэпсээннэ кэпсээ. Оччоҕо уот биэриэм”, – диир оҕонньор. ‘Расскажи-ка мне, что-нибудь лживое, но правдивое, т.е. правдивую, но лживую историю. Тогда я дам тебе огоньку’, – сказал старец’. Как видно из примера, просьба старика – рассказать ему впечатляющий, фантастический рассказ. С помощью оксюморона создаются оригинальные, противоречащие в своей природе образы и понятия.

Вышеприведенные стилистические фигуры представляют собой определенную систему художественно-изобразительных средств. В поэтических произведениях они вступают во взаимодействие, дополняют друг друга и в совокупности создают образы и картины впечатляющей силы.

Заключение

Основываясь на классификации антонимов в русском языке, в якутском языке нами выделены две категории антонимов: 1) языковые; 2) контекстуальные. Среди языковых антонимов можно обнаружить следующие семантические типы антонимов: 1) контрарные (градуальные); 2) комплементарные; 3) векторные. Так как антонимы активно употребляются в речи, выделяется еще один особый тип антонимов – это прагматические или контекстуальные.

Антонимы широко используются в художественном стиле речи, в частности в текстах устного народного творчества, а также в литературных произведениях. Благодаря прагматическим антонимам, создаются такие фигуры речи как антитеза, акротеза, амфитеза, оксюморон, придающие тексту изобразительность.

Таким образом, антонимы якутского языка представляют собой богатый материал для сбора и создания нового обновленного словаря, а также привлекают внимание лексикологов и лингвокультурологов с точки зрения спектрального анализа на стыке языка и культуры.

Литература

1. Ааллааҕыскай Н.А. Саха тылын антонимнарын тылдьыта. – Якутскай, 1976. – 54 с.
2. Ааллааҕыскай Н.А. Саха тылын синонимнарын, омонимнарын уонна антонимнарын тылдьыта. – Якутскай, 1957. – С. 12-15.
3. Антонов Н.К. Саха билинни тылын лексиката. – Якутскай, 1967. – С. 40-42.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974. – С. 288-302.
5. Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология. Саха филологиятын уонна төрүт культууратын факультетыгар үөрэнэр кинигэ. – Дьокуускай, 1996. – С. 69-73.
6. Большая Советская Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
7. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 445 с.
8. Введенская Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. – М, Ростов-на-Дону, Изд. Центр МарТ, 2005. – 320 с.
9. Гудкова К.В. Бинарные оппозиции и проблемы лексикографического описания антонимов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Секция 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2012. – С. 109-115. <http://elibrary.ru/item.asp?id=17671596>
10. Егинова С.Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Отв. ред. М.В. Зайнуллин. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 41-188.
11. Ефремова Н.А. Антонимичное значение слов Үрүн/Хара: лингвокультурологический аспект // Успехи гуманитарных наук. – № 5. – 2020. – С. 200-205. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42735743>

12. Ефремова Н.А. Саха тылыгар антоним арааһа // Наследие предков и современный тюркский мир: языковые и культурные аспекты. Сборник Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.ф.н., профессора, тюрколога Н.К. Антонова. – Якутск: ИД СВФУ, 2020. – С.542-548. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44390916&pf=1>
13. Кашицына Е.Г. Система антонимов как средство выражения контрастов в прозе М.И. Цветаевой. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Казань, 2019. – 24 с.
14. Ключева В.Н. Проблема антонимов // Ученые записки Московского пед. Института. – 1956. – Т. 9. – С. 75-86.
15. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М., 1978. – 543 с.
16. Лихачева О.Н., Орлов А. Особенности антонимов-конверсивов в русском и английском языках // Научные труды. КубГТУ. – № 6. – 2015. – Режим доступа: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/13>
17. Меркурьева Н.М. Антонимия сложных слов в современном русском языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. – М., 1996. – 24 с.
18. Молонова Л.Б. Антонимы в бурятском языке: лексико-грамматический аспект (в сопоставлении с антонимиями русского языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 24 с.
19. Новиков Л.А. Семантика русского языка. Учебное пособие. – М: Высшая школа, 1982. – 272 с.
20. Пустошило Е.П. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебно-методический комплекс по русскому языку для студентов педагогических специальностей. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011. http://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/9-antonimiya-tipy-antonimov.htm
21. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Издание 5-ое, исправленное. – М: АйрисПресс, 2003. – С. 47-55.
22. Саидова С.М., Хакимов Ш.Д., Фозилжонов И.С., Абдужабборов О.А. Особенности и место лексических антонимов в системе лексики русского языка // Современные тенденции развития науки и технологий : сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции 30 июня 2015 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. – Часть VI. – С. 39-42.
23. Саха тыла: уус-уран истиил. Научнай ыстатыа хомуурунньуга. 2-с таһаары. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2006. – С. 74-76.
24. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка 30-40 г. XIX в. – М. – Л., 1965. – 439 с.
25. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М., 1975. – С. 115.
26. Толковый словарь антонимов русского языка. / Сост. Львов М.Р. – М.: АстПресс, 2012. – 512 с.
27. Филиппов Г.Г., Винокуров И.П. Саха тыла. Тыл баайа. Саҥа дорҕооно. Тыл тутула. – Дьокуускай, 2005. – С. 15-17.
28. Харитонов Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
29. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М: Просвещение, 1972. – С. 64.
30. Шхапацева М.Х., Пазова Л.М. Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Выпуск 3 (164). – 2015. – С. 88-94.
31. Якутско-русский словарь. 25 000 слов. Под редакцией П.А. Слепцова. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1972. – 605 с.

References

1. Aallaajyskaj N.A. Saha tylyn antonimnaryn tyld'yt'a. – Jakutskaj, 1976. – 54 s.
2. Aallaajyskaj N.A. Saha tylyn sinonimnaryn, omonimnaryn uonna antonimnaryn tyld'yt'a. – Jakutskaj, 1957. – S. 12-15.
3. Antonov N.K. Saha bilinni tylyn leksikata. – Jakutskaj, 1967. – S. 40-42.
4. Apresjan Ju.D. Leksicheskaja semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka. – М., 1974. – S. 288-302.
5. Afanas'ev P.S. Saha bilinni tyla. Leksikologija. Saha filologijatyn uonna teryt kultuuratyn fakul'tetygar yorjenjer kinigje. – D'okuuskaj, 1996. – S. 69-73.
6. Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija. – М: Sovetskaja jenciklopedija, 1970.
7. Vvedenskaja L. A. Slovar' antonimov russkogo jazyka. – М.: AST: Astrel', 2006. – 445 s.
8. Vvedenskaja L.A. Uchebnyj slovar' antonimov russkogo jazyka. – М, Rostov-na-Donu, Izd. Centr MagT, 2005. – 320 s.
9. Gudkova K.V. Binarnye oppozicii i problemy leksikograficheskogo opisanija antonimov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sekcija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika. – 2012. – S. 109-115. <http://elibrary.ru/item.asp?id=17671596>

10. Eginova S.D. Obraznye prilagatel'nye jakutskogo jazyka (v sopostavlenii s burjatskim i kirgizskim jazykami). Otv. red. M.V. Zajnullin. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – S. 41-188.
11. Efremova N.A. Antonimichnoe znachenie slov Yryr/Hara: lingvokul'turologicheskij aspekt // Uspehi gumanitarnyh nauk. – № 5. – 2020. – S. 200-205. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42735743>
12. Efremova N.A. Saha tylygar antonim araaha // Nasledie predkov i sovremennyy tjurkskij mir: jazykovye i kul'turnye aspekty. Sbornik Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija d.f.n., professora, tjurkologa N.K. Antonova. – Jakutsk: ID SVFU, 2020. – S.542-548. <https://elibrary.ru/item.asp?id=44390916&pf=1>
13. Kashicyna E.G. Sistema antonimov kak sredstvo vyrazhenija kontrastov v proze M.I. Cvetaevoj. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk. – Kazan', 2019. – 24 s.
14. Kljueva V.N. Problema antonimov // Uchenye zapiski Moskovskogo ped. Instituta. – 1956. – T. 9. – S. 75-86.
15. Lajonz Dzh. Vvedenie v teoreticheskiju lingvistiku. – M., 1978. – 543 s.
16. Lihacheva O.N., Orlov A. Osobennosti antonimov-konversivov v russkom i anglijskom jazykah // Nauchnye trudy. KubGTU. – № 6. – 2015. – Rezhim dostupa: <https://ntk.kubstu.ru/tocs/13>
17. Merkur'eva N.M. Antonimija slozhnyh slov v sovremennom russkom jazyke. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk. – M., 1996. – 24 s.
18. Molonova L.B. Antonimy v burjatskom jazyke: leksiko-grammaticeskij aspekt (v sopostavlenii s antonimami russkogo jazyka). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk. – Ulan-Udje, 2008. – 24 s.
19. Novikov L.A. Semantika russkogo jazyka. Uchebnoe posobie. – M: Vysshaja shkola, 1982. – 272 s.
20. Pustoshilo E.P. Leksikologija. Frazeologija. Leksikografija. Uchebno-metodicheskij kompleks po russkomu jazyku dlja studentov pedagogicheskikh special'nostej. – Grodno: GrGU im. Ja. Kupaly, 2011. http://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/9-antonimiya-tipy-antonimov.htm
21. Rozental' D.Je., Golub I.B., Telenkova M.A. Sovremennyy russkij jazyk. Izdanie 5-oe, ispravlennoe. – M: AjrisPress, 2003. – S. 47-55.
22. Saidova S.M., Hakimov Sh.D., Fozilzhonov I.S., Abduzhabborov O.A. Osobennosti i mesto leksicheskikh antonimov v sisteme leksiki russkogo jazyka // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tehnologij : sbornik nauchnyh trudov po materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 30 ijunja 2015 g.: v 6 ch. / Pod obshh. red. E.P. Tkachevoj. – Belgorod : IP Tkacheva E.P., 2015. – Chast' VI. – S. 39-42.
23. Saha tyla: uus-uran istiil. Nauchnaj ystatyja homuurunn'uga. 2-s tahaaryy. – D'okuuskaj: SGU izd-ta, 2006. – S. 74-76.
24. Sorokin Ju.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo jazyka 30-40 g. XIX v. – M. – L., 1965. – 439 s.
25. Stepanov Ju.S. Osnovy obshhego jazykoznaniya. – M., 1975. – S. 115.
26. Tolkovyj slovar' antonimov russkogo jazyka. / Sost. L'vov M.R. – M.: AstPress, 2012. – 512 s.
27. Filippov G.G., Vinokurov I.P. Saha tyla. Tyl baaja. Saha dorsoono. Tyl tutula. – D'okuuskaj, 2005. – S. 15-17.
28. Haritonov L.N. Tipy glagol'noj osnovy v jakutskom jazyke. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 312 s.
29. Shanskij N.M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka. – M: Prosveshhenie, 1972. – S. 64.
30. Shhpaceva M.H., Pazova L.M. Antonimy, antonimija, antonimicheskaja paradigmatica v russkom jazyke // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 3 (164). – 2015. – S. 88-94.
31. Jakutsko-russkij slovar'. 25 000 slov. Pod redakciej P.A. Slepceva. – M.: Izd-vo Sovetskaya jenciklopedija, 1972. – 605 s.

Н. В. Малышева, И. А. Данилов

Мотивационные признаки в основе якутских ихтионимов (на материале некоторых наименований карася)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В настоящее время народная ихтиологическая лексика представляет собой многообразную лексико-семантическую группу, тесно связанную с миром духовной жизни и материальной культуры носителя языка. Так, в данной статье проведен анализ основных мотивационных признаков номинации 13 слов, обозначающих карася в якутском языке. Новизна и актуальность темы определяется тем, что впервые в якутском языкознании в номинационном аспекте рассматривается якутская лексика названий рыб, и вводятся в научный оборот интересные диалектные лексические единицы, ранее не привлеченные для лингвистических анализов. Исследуемый языковой материал был взят из различных лексикографических источников и архивных фондов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН путем сплошной выборки. В исследовании использован комплекс методов и приемов анализа лингвистического материала: метод словообразовательного анализа, лексико-семантический анализ, описательный и количественно-статистический методы. Цель исследования заключается в выявлении мотивационных признаков номинации карася в якутском языке. В результате исследования установлено, что основными способами номинации ихтионимов, обозначающих наименования карася в якутском языке, являются номинации по следующим основным признакам: 1) по определенной форме; 2) по определенному цвету или форме глаз; 3) по месту обитания в водоеме; 4) по месту обитания в определенном водоеме; 5) по особенностям передвижения. Определяется, что система ихтионимов якутского языка отличается разнообразием способов номинации, в основе которых лежат ассоциативные признаки, раскрывающие отношение якутов к живой природе и отражающие особенность мировоззрения народа саха. Изучение номинаций рыб в якутском языке представляется наиболее интересным пластом словарного состава, отличающегося этимологической и лингвокультурологической спецификой лексических единиц. Более того, исследование лексики животного мира в якутском языке позволит усовершенствовать существующие результаты и открыть новые направления в исследовании лексического фонда национального языка.

Ключевые слова: зоонимы, якутская лексика, народная ихтиологическая лексика, наименование карася, наименования рыб, рыболовство, способы образования названий рыб, мотивационные признаки, диалектные единицы, словообразовательный анализ, основы-носители номинационного признака.

Благодарности: авторы выражают искреннюю благодарность Институту гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН за оказанную помощь в поиске и сборе эмпирического материала исследования из архивных источников института. Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации по проекту МК-427.2020.6 «Комплексное исследование якутской лексики живой природы: этимология, лингвогеография и лингвокультурология».

МАЛЫШЕВА Нинель Васильевна – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова.

E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

MALYSHEVA Ninel Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ДАНИЛОВ Игорь Альбертович – студент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,

E-mail: igor_danilov_2000@mail.ru

DANILOV Igor Albertovich – student, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

N. V. Malysheva, I. A. Danilov

Motivational signs at the heart of the Yakut ichthyonyms (based on some names of crucian carp)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. At present, folk ichthyological vocabulary is a diverse lexico-semantic group closely related to the world of spiritual life and material culture of a native speaker. This article analyzes the main motivational features of the 13 nominations of crucian carp in the Yakut language. The relevance of the topic is determined by the fact that for the first time in Yakut linguistics, the Yakut vocabulary of fish names is considered in the nominal aspect and interesting dialectal lexical units that have not previously been used for linguistic analyzes are introduced into scientific circulation. The linguistic material was taken from various lexicographic sources and archival funds of the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Federal Research Center of the YSC SB RAS by means of a continuous sample. The study used a set of methods and techniques for analyzing linguistic material: the method of word-formation analysis, lexical-semantic analysis, descriptive and quantitative-statistical methods. The aim of the study is to identify the motivational features of the nomination of crucian carp in the Yakut language. As a result of the study, it has been established that the main way of nominating ichthyonyms denoting the names of crucian carp in the Yakut language is nomination based on 5 motivational characteristics: 1) form; 2) color or shape of the eyes; 3) place of habitation in the reservoir; 4) place of residence in a certain body of water; and 5) peculiarities of movement. It is determined that the system of ichthyonyms of the Yakut language is distinguished by a variety of methods of nominations, which are based on associative signs that reveal the attitude of Yakuts to wildlife and reflect the peculiarity of their worldview. The study of fish nominations in the Yakut language seems to be the most interesting layer of the vocabulary, which is distinguished by antiquity, diversity and originality of lexical units. Moreover, the study of the vocabulary of the animal world in the Yakut language will improve the existing results and open new directions in the study of the lexical fund of the national language.

Keywords: zoonyms, Yakut vocabulary, folk ichthyological vocabulary, name of crucian carp, names of fish, fishing, methods of forming fish names, motivational features, dialectal units, word-formation analysis, bases-carriers of the nominal feature.

Acknowledgments: The authors express their sincere gratitude to the Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Federal Research Center of YSC SB RAS, for the assistance in finding and collecting empirical research material from the Institute's archival sources. The study was carried out within the framework of the grant of the President of the Russian Federation under the project МК-427.2020.6 "Comprehensive study of the Yakut vocabulary of wildlife: etymology, linguo-geography and cultural linguistics".

Введение

С древнейших времён традиционным занятием якутов является рыболовство. Согласно историческим документам, к приходу русских землепроходцев в бассейне Лены в XVII в. наши предки на озерах и небольших речках ловили рыбу волосяными и конопляными сетями, вершами и мордами. Антонов Н.К. отмечал, что «предки якутов, перекочевав в современную область обитания, должны были перенимать новые навыки лова новых северных рыб у каких-то местных аборигенов или изобретать свои собственные способы и снасти для ловли» [1, с. 67]. Издревле рыба для народа саха служила не только пищей, но и приманкой для пушных зверей, кормом для упряжных собак и шла на продажу. Видовое разнообразие рыб в реках и озерах республики очень широкое: «в озерных и речных водоемах Якутии обитает 39 видов и подвидов рыб, включая проходных и полупроходных рыб, 14 семейств» [2, с. 16]. Вышесказанные факты способствовали формированию особенной и богатой ихтиологической лексики в якутском языке. Данный пласт лексики с точки зрения этимологического, структурного и лексико-семантического аспектов был рассмотрен в трудах якутских исследователей – А.Е. Кулаковского [3], Н.К. Антонова [1], А.С. Луковцева [4, 5, 6], Ю.И. Васильева [7, 8, 9], А.Е. Шамаевой [10], А.А. Кузьминой [11], А.С. Нестеровой [12] и других авторов. Безусловно, важное значение в изучении ихтиологической лексики якутского языка занимает работа А.Е. Кулаковского под названием «Виды животных и растительных царств, известные яку-

там», опубликованная в 1929 г., в которой один из разделов посвящен списку рыб. Согласно Мордосову И.И., «эта фаунистическая работа была одной из первых, где приведены не только якутские, русские и латинские названия рыб, но и их распространение, т. к. по некоторым малоизвестным видам он указывает район описания вида. В работе приведены названия рыб в пределах Якутской губернии: бассейна р. Витим, побережья Охотского моря (окрестности Аяна и Охотска) и сопредельных территорий бассейна р. Амур» [13, с. 17]. По мнению И.И. Мордосова, в работе А.Е. Кулаковского впервые был представлен наиболее полный список фауны рыб Якутии, которые дают представление о значении отдельных видов для населения Якутии [там же]. Большой вклад в дело изучения рыболовной лексики якутского языка внес Н.К. Антонов. Исследование словообразовательной системы и происхождения терминов о рыбе, названий рыб и рыболовных снастей отражено в его работе «Материалы по исторической лексике якутского языка». По его мнению, «якутские именные основы о рыбе (названия частей тела и т.д.) являются в основном исконными, ... а иноязычное влияние (монгольское, русское и эвено-эвенкийское) более всего заметно в якутских названиях предметов рыболовства» [1, с. 67]. Также автор предполагает, что «якутские термины о рыбе, видах и возрастных различиях рыб возникли в основном самостоятельно, позже, в отрыве от общей тюркоязычной среды ... в названиях рыболовных снастей более заметно монгольское влияние» [там же, с. 80]. Интересным также представляется суждение ученого в части того, что «специфические северные способы подледного рыболовства впервые были созданы монголоязычными племенами, жившими на севере до прихода якутов» [там же]. Якутский лингвист А.С. Луковцев посвятил ряд своих научных работ изучению терминов охоты и рыболовства [4, 5, 6]. Уникальным в его работе представляется собранный им диалектный материал по названиям рыб в рамках Анабарско-Булунской диалектологической экспедиции ИЯЛИ в 1973 г. и диалектологической экспедиции ИЯЛИ по Вилюйским районам (Мирнинский район) в 1976 г. Лингвист вводит в научный оборот значительное количество нового диалектного материала названной лексической группы. Определенный вклад в изучение якутских названий рыб также внес тюрколог Ю.И. Васильев. Собранные им диалектологические материалы по названиям рыб в рамках диалектологической экспедиции в Горный район Якутской АССР и Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края в 1987 г. и анкетные данные по говору Аллаиховского района, зафиксированные в рамках полевых работ в 1984 г., существенно обогатили рыболовную лексику якутского языка. Интересным с точки зрения этимологического исследования представляется работа якутского исследователя А.Е. Шамаевой «Термины монгольского происхождения в диалектной лексике якутского языка (на примере названий рыб)», которая посвящена выявлению и системному описанию монгольских параллелей в диалектной лексике якутского языка, обозначающих наименования рыб. В рамках своей работы исследователь выявляет 21 название рыбы, имеющее монгольские параллели и определяет, что «основы названий рыб восходят к монгольским корням и образованы при помощи аффиксов разного происхождения» [10, с. 264]. Работы А.А. Кузьминой [11] и А.С. Нестеревой [12] также посвящены изучению происхождения названий рыб в якутском языке.

В данной статье в номинационном аспекте исследуется якутская ихтиологическая лексика, зафиксированная на территории Республики Саха (Якутия). Актуальность рассматриваемого вопроса определяется тем, что вводится в научный оборот новый диалектный материал названной лексической группы. Цель исследования, основные результаты которой отражаются в данной статье, заключается в выявлении мотивационных признаков номинаций карася в якутском языке. Под мотивационным признаком в данной статье следует понимать признак номинируемого объекта, ставший основой наименования и закрепленный во внутренней форме слова.

Материал исследования

Народная ихтиологическая лексика представляет собой многообразную лексико-семантическую группу, тесно связанную с миром духовной жизни и материальной культуры носи-

теля языка. Человек давал особое название не любой рыбе, а только такой, которая имела для него определенное значение и выступала основным источником питания. Наиболее распространенным промысловым видом рыб в Якутии является карась. Согласно современной систематике, карась, обитающий в озерах Якутии, относится к золотому или обыкновенному карасю (*Carassius carassius* Linnaeus, 1758). Этот вид распространен широко и имеет огромное значение в питании местного населения [13, с. 24]. Согласно данным биологических источников, на водоемах Якутии обитает также карась якутский (*Carassius carassius jacuticus*, Kirillov), наибольшее количество которых отмечается в озерах Центральной Якутии. Согласно Ческидович А.Н., «эта рыба имеет ценные вкусовые и биохимические свойства, является источником полноценного белка, легкоусвояемого жира, витаминов и минеральных элементов. Употребляя именно эту рыбу, наши предки долго сохраняли молодость и здоровье» [14, с. 1]. Якутская лексика обладает более 150 различными наименованиями карася, включая диалектные единицы, функционирующие в разных территориальных частях Якутии. В данной же статье рассмотрим только некоторую часть данных лексических единиц, обозначающих различные наименования карася в количестве 13 единиц, большинство которых относятся к народной ихтиологической лексике: як. **уу күөгэйэ** «карась» [6, с. 70], як. **уу кымньыта** «карась» [6, с. 70], «очень тощие караси» [15, с. 266], як. **уу мээнтэ** «карась» [6, с. 70], як. **күөндэ уола** «самый мелкий карась» [15, с. 132], як. **күндэ уола** «карась» [6, с. 70], як. **үрүн тумус** «карась» [6, с. 70], «одно из возрастных названий карася» [15, с. 271], як. **куралай бочоох** (М.-Ханг.) «мелкий карась» [15, с. 127], як. **курадай бөчөөх** «карась» [6, с. 70], як. **күн харах** (Уус-Алд.) «карасевая молодь» [15, с. 131], «карась» [6, с. 70], як. **хомуос харах** (М.-Ханг.) «сеголетки карася» [15, с. 290], «карась» [7, с. 94], як. **кэтэх харах** (Кэб., М.-Ханг., Т.) «карасевые мальки» [15, с. 147], «карась» [2, с. 70], як. **эбиэн чэркэй** (Нам.) «мелкий карась» [15, с. 317], (Нам.) «карсенок» [3, с. 412], як. **куобах кулгаах** «карась» [2, с. 70]. Выбор перечисленных ихтионимов объясняется особенностями их номинации, невозможностью без подробного семантического анализа установления их мотивационных признаков. Материал исследования был извлечен путем сплошной выборки из различных лексикографических источников, биологических словарей и указателей, архивных материалов Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН.

Способы номинации карася в якутском языке

В основе всех видов номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Человек в своем сознании выделяет определенные черты в интересующих его объектах и классифицирует, давая им наименования. При этом из множества признаков выбирается самый характерный, который ложится в основу наименования [16, с. 330]. Мотивационными признаками, легшими в основу номинации карася в якутском языке, являются: а) отражение собственных свойств объекта (внешний вид и внутреннее строение) и б) отражение связи с определенным объектом или объектами (место обитания, характер передвижения и т.д.).

По мотивационному признаку номинации «отражение собственных свойств объекта (внешний вид и внутреннее строение)», а именно – «номинация по внешним признакам рыбы» образовано 8 лексических единиц, обозначающих названия карася в якутском языке: **күн харах** «букв. глаза подобно солнцу», **кэтэх харах** «букв. с глазами на затылке», **хомуос харах** «букв. глаза подобно ковшу», **куобах кулгаах** «букв. заячьи уши», **үрүн тумус** «букв. белый нос», **куралай бочоох** «букв. мелкий карась словно утка», **курадай бөчөөх** «букв. мелкий карась словно утка», **эбиэн чэркэй** «букв. мелкий карась словно острый сердцевидный наконечник стрелы». С синтаксической точки зрения, словосочетания образованы путем примыкания. В составе всех представленных ихтионимов наблюдаются соматические компоненты: **харах** 'глаза' – 3, **кулгаах** 'уши' – 1, **тумус** 'нос' – 1, которые легли в основу номинации по признакам, отражающим особенности строения тела карася. Три первые ихтионимы, содержащие в своем составе компонент-соматизм **харах** 'глаза', который является основой-носителем номинационного признака лексической единицы, образованы путем обозначения особенностей

строения глаза карася. Итак, якутский двухкомпонентный ихтионим *кун харах* состоит из основы *кун* ‘солнце’ и основы-носителя номинационного признака лексемы – *харах* ‘глаза’, в дословном переводе означает «глаза подобно солнцу». Согласно биологическим данным, радужки глаза золотого карася имеют желтоватый оттенок и по форме являются круглыми, поэтому внешне похожи на солнце (см. рис. 1).

Рис. 1

Зооним *кэтэх харах* в якутском языке обозначает наименование карася [2, с. 70], а в Кобяйском, Мегино-Кангаласском и Таттинском районах республики данный ихтионим функционирует в качестве диалектной единицы и обозначает «карасевые мальки» [15, с. 147]. С точки зрения словообразовательной структуры, первый компонент *кэтэх* обозначает в якутском языке «затылок/задняя сторона», тем самым определяет особенность расположения глаз карася. Якутское название карася и сеголетки карася *хамуос харах* в лексикологических источниках представлено в качестве диалектной единицы, функционирующей на территории Мегино-Кангаласского района Якутии. Первый компонент *хамуос* обозначает «черпак, ковш» и в сочетании со словом *харах* именуется карася и сеголетки карася. Таким образом, данное название образовано по мотивационному признаку – форма глаз. Диалектная единица *куобах кулгаах* обозначает также наименование карася: первый компонент – *куобах* именуется зайца в якутском языке, второй компонент – *кулгаах* в переводе означает “уши”. В дословном переводе лексическая единица *куобах кулгаах* представляется как “заячьи уши” и тем самым, по нашему предположению, указывает на форму тела карася, похожую на заячьи уши (см. рис. 2).

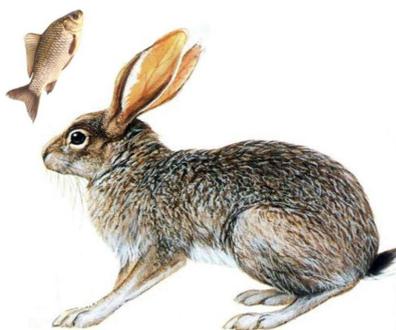

Рис. 2

Название карася в якутском языке также наименовано лексической единицей *урун тумус*, которая также наряду с общим названием карася обозначает «одно из возрастных названий карася» [15, с. 271]. Ихтионим состоит из двух компонентов: первый компонент – цветообозначающая лексема *урун* ‘белый’, второй компонент – *тумус* ‘клюв’, в дословном переводе обозначает «белый клюв». Предполагается, что номинация по признаку, характеризующую рыбу как имеющую тело определенной формы, и номинация по признаку, характеризующую карася как имеющую ту или иную часть тела определенного цвета, легли в основу образования ихтионима *урун тумус*. Ихтионим *куралай бочоох* является диалектной основой, функ-

ционирующей на территории Мегино-Кангаласского района Якутии, и состоящей из двух компонентов: первый компонент – *куралай* ‘веретенник пестрохвостный’, второй компонент – *бочоох* ‘мелкий карась’. Итак, в дословном переводе лексическая единица *куралай бочоох* означает «мелкий карась словно утка». Действительно, туловище веретенника пестрохвостного издали напоминает карася (см. рис. 3). Ихтионим *курадай бочоох* является фонетической вариацией диалектизма *куралай бочоох*.

Рис. 3

Лексическая единица *эбиэн чэркэй* со значениями «мелкий карась», «карасенок», «самый мелкий карась» представляет собой диалектную единицу и функционирует на территории Намского района Якутии. Ихтионим состоит из двух компонентов, в котором первый компонент *эбиэн* означает «острый сердцевидный наконечник стрелы, самострела или черкана» [17, с. 134], а второй компонент *чэркэй* – название мелкого карася. Тем самым дословный перевод данной лексической единицы представляется как «мелкий карась словно острый сердцевидный наконечник стрелы». Таким образом, мотивационным признаком номинации *эбиэн чэркэй* является обозначение определенной формы тела рыбы (см. рис. 4).

Рис. 4

По мотивационному признаку номинации – отражение связи с определенным объектом или объектами (место обитания, характер передвижения и т.д.) образованы ихтионимы *уу күөгэйэ*, *уу кымньыта*, *уу мээнэтэ*, *күөндэ уола*, *күндэ уола* «самый мелкий карась» [15, с. 132]. С синтаксической точки зрения, все представленные наименования карася образованы путем подчинительного словосложения в притяжательной форме с аффиксами ‘-а’ (*уу кымньыта*, *күөндэ уола*) и ‘-э’ (*уу күөгэйэ*, *уу мээнэтэ*). Якутские ихтионимы *уу күөгэйэ*, *уу кымньыта*, *уу мээнэтэ* в своем составе имеют компонент *уу*, который обозначает воду в якутском языке и, по всей видимости, является основой-носителем номинационного признака, характеризующего карася как имеющую место обитания в водоеме. Вторые компоненты – *күөгэй* «плавно качаться из стороны в сторону, колыхаться» [18, с. 659], *кымньы* «веревка или ремень, привязанные к палке и служащие для понукания животного, в старину

– для телесных наказаний (ремень может быть витым и ветвистым), кнут, плеть, нагайка» [19, с. 255], *мээнэ* «зря, попусту, понапрасну» [20, с. 242] в составе ихтионимов также обозначают определенные признаки, характерные для обитателей воды. Лексическая единица *уу күөгэйэ*, по нашему предположению, образована по признаку, характеризующему караса как имеющую определенный характер движения. Наименование караса в форме *уу кымньыыта* могло получить свое название по месту обитания и по форме тела, а ихтионим *уу мээнэтэ* мог быть образован по признаку “не имеющий особой ценности обитатель воды, по сравнению с другими видами рыб”. Якутские ихтионимы *күндэ уола* и *күөндэ уола* в своем составе имеют два компонента: первый компонент первого словосочетания *күндэ* обозначает наименование небольшой части озера, отделившейся от основного водоема, а первый компонент второй лексической единицы *күөндэ* означает неглубокое озеро с прозрачной и чистой водой, вторые же компоненты представлены основой *уол* ‘сын’. Таким образом, дословный перевод двух ихтионимов представляется как “сын озера”, и мотивационным признаком номинации караса является определение места обитания рыбы в определенном водоеме.

Заключение

Итак, в данной статье рассмотрены способы образования 13 наименований караса в якутском языке, позволившие выявить 5 мотивационных признаков, побудивших носителей языка к созданию ихтионимов. Необходимо подчеркнуть, что система ихтионимов в якутском языке отличается разнообразием способов номинации, в основе которых лежат следующие ассоциативные признаки, представленные в порядке убывания по критерию продуктивности мотивемы: 1) по определенной форме тела – 6 единиц; 2) по определенному цвету или форме глаз – 3 единицы; 3) по месту обитания в водоеме – 3 единицы; 4) по месту обитания в определенном водоеме – 2 единицы; 5) по особенностям передвижения – 1 единица. Анализ рассмотренного материала также показывает, что некоторым названиям караса присущи наименования, мотивированные несколькими признаками. Такими, например, являются ихтионимы *уу күөгэйэ* и *уу кымньыыта*. Первая лексическая единица могла получить свое название по месту обитания и по особенностям передвижения, а вторая – по форме тела и по месту обитания.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якутское книжное издательство. 1971. – С. 174.
2. Кириллов А.Ф. Промысловые рыбы Якутии. – М.: Научный мир, 2002. – 194 с.
3. Кулаковский А. Е. Виды животных и растительных царств, известные якутам // Известия Якутского отдела государственного географического общества. – Якутск, 1929. – Т. 2. – С. 17-40.
4. Луковцев А.С. Материалы Анабарско-Булунской диалектологической экспедиции ИЯЛИ. Сбор материала по теме: «Термины охоты и рыболовства», 1973. – 98 с.
5. Луковцев А.С. Материалы диалектологической экспедиции ИЯЛИ по Вилюйским районам (Мирнинский район) по теме “Термины охоты и рыболовства”. 1976. – 49 с.
6. Луковцев А.С. Саха тылыгар бултааһын уонна балыктааһын терминологията. – Дьокууска, 1978. – 214 с.
7. Васильев Ю.И. Анкетные данные по говору Аллаиховского района. 1984. – 136 с.
8. Васильев Ю.И., Иванов С.А. Материалы диалектологической экспедиции в Горный район Якутской АССР, проведенной в 1987 г. – 185 с.
9. Васильев Ю.И. Материалы диалектологической экспедиции в Тугуро-Чумиканский района Хабаровского края. 1987. – 91 с.
10. Шамаева А.Е. Термины монгольского происхождения в диалектной лексике якутского языка (на примере названий рыб) / А.Е. Шамаева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. №12 (89): Аспирантские тетради: науч.журнал. – СПб., 2009. – С. 261-265.
11. Кузьмина А.А. Типы корневых основ имен существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ). Дисс. ... канд. филол. наук. – Якутск. 2017. – 287 с.
12. Нестерева А.С. Названия рыб тюркского происхождения в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(70). – С. 147-149.
13. Мордосов И.И., Мордосова О.Н. Комментарии к списку рыб Якутии А.Е. Кулаковского // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2016. – С. 17-28.

14. Ческидович А.Н. Пищевая ценность караса якутского // Наука и техника в Якутии. 2008. №2 (15). – С. 1-3.
15. Дialeктологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. – Москва: Наука, 1976. – 390 с.
16. Пикшеева Э.И. Основные принципы номинации марийских названий рыб // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. – С. 330-332.
17. Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. 15 (Буквы Э). – 2018. – 575 с.
18. Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. 4 (Буквы К). – 2007. – 672 с.
19. Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. 5 (Буквы К). – 2008. – 516 с.
20. Большой толковый словарь якутского языка / под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. 6 (Буквы Л, М, Н). – 2009. – 518 с.

References

1. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. – YAKUTSK: YAKUTSKOE KNIZHNOE IZDATEL'STVO. 1971. – 174 p.
2. Kirillov A.F. Promyslovye ryby YAKUTII [Commercial fish of Yakutia]. – M.: Nauchnyj mir, 2002. – 194 p.
3. Kulakovskij A. E. Vidy zhivotnyh i rastitel'nyh carstv, izvestnye yakutam [Types of animal and plant kingdoms known to the Yakuts] // Izvestiya YAKUTSKOGO OTDELA gosudarstvennogo geograficheskogo obshchestva. – YAKUTSK, 1929. – Т. 2. – P. 17-40.
4. Lukovcev A.S. Materialy Anabarsko-Bulunskoj dialektologicheskoy ekspedicii IYALI. Sbor materiala po teme: “Terminy ohoty i rybolovstva” [Materials of the Anabar-Bulun dialectological expedition of the IYALI. Collection of material on the topic: «Terms of hunting and fishing»], 1973. – 98 p.
5. Lukovcev A.S. Materialy dialektologicheskoy ekspedicii IYALI po Vilyujskim rajonom (Mirninskij rajon) po teme “Terminy ohoty i rybolovstva” [Materials of the IYALI dialectological expedition in the Vilyui districts (Mirninsky district) on the topic «Terms of hunting and fishing»]. 1976. – 49 p.
6. Lukovcev A.S. Saha tylygar bultaahyn uonna balyktaahyn terminologiyata [Saha tylygar bultaahyn uonna balyktaahyn terminologiyata]. – D'okuuska, 1978. – 214 p.
7. Vasil'ev YU.I. Anketnye dannye po govoru Allaihovskogo rajona [Personal data on the dialect of the Allaihovskiy region]. 1984. – 136 p.
8. Vasil'ev YU.I., Ivanov S.A. Materialy dialektologicheskoy ekspedicii v Gornyj rajon YAKUTSKOJ ASSR, provedennoj v 1987 [Materials of a dialectological expedition to the Gorny region of the Yakut ASSR, carried out in 1987]. – 185 p.
9. Vasil'ev YU.I. Materialy dialektologicheskoy ekspedicii v Tuguro-CHUMIKANSKIJ rajona Habarovskogo kraya [Materials of the dialectological expedition to the Tuguro-Chumikansky district of the Khabarovsk Territory]. 1987. – 91 p.
10. Shamaeva A.E. Terminy mongol'skogo proiskhozhdeniya v dialektnoj leksike yakutskogo yazyka (na primere nazvanij ryb) [Terms of Mongolian origin in the dialectal vocabulary of the Yakut language (for example, the names of fish)] / A.E. SHAMAeva // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. №12 (89): Aspirantskie tetradi: nauch.zhurnal. – SPb., 2009. – P. 261-265.
11. Kuz'mina A.A. Tipy kornevyh osnov imen sushchestvitel'nyh yakutskogo yazyka (formirovanie odno- i dvuslozhnyh osnov) [Types of root bases of nouns in the Yakut language (the formation of one- and two-syllable bases)]. Diss. ... kand. filol. nauk. – YAKUTSK. 2017. – 287 p.
12. Nestereva A.S. Nazvaniya ryb tyurkskogo proiskhozhdeniya v yakutskom yazyke [The names of fish of Turkic origin in the Yakut language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 4(70). – P. 147-149.
13. Mordosov I.I., Mordosova O.N. Kommentarii k spisku ryb YAKUTII A.E. Kulakovskogo [Comments to the list of fish in Yakutia A.E. Kulakovskiy] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2016. – P. 17-28.
14. Cheskidovich A.N. Pishchevaya cennost' karasya yakutskogo [Nutritional value of Yakut crucian carp] // Nauka i tekhnika v YAKUTII. 2008. №2 (15). – P. 1-3.
15. Dialektologicheskij slovar' yakutskogo yazyka: sodержit svyshe 8500 slov [Dialectological dictionary of the Yakut language: contains over 8500 words] / sost.: P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. – Moskva: Nauka, 1976. – 390 p.
16. Piksheeva E.I. Osnovnye principy nominacii marijskih nazvanij ryb [Basic principles of nominating Mari fish names] // Vestnik CHUVASHSKOGO universiteta. 2011. № 2. – P. 330-332.

17. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language] / pod obshch. red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004. T. 15 (Bukvy E). – 2018. – 575 p.
18. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language] / pod obshch. red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004. T. 4 (Bukvy K). – 2007. – 672 p.
19. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language] / pod obshch. red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004. T. 5 (Bukvy K). – 2008. – 516 p.
20. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Yakut language] / pod obshch. red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004. T. 6 (Bukvy L, M, N). – 2009. – 518 p.

С. И. Шарина

Имена числительные в диалектах и говорах эвенского языка

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. Имена числительные в тунгусо-маньчжуроведении представляют собой материал, степень изученности которого далека от совершенства, хотя имеются опыты сопоставления количественных числительных в работах зарубежных и отечественных исследователей. Целью настоящей статьи является обобщение новых материалов по именам числительным эвенского языка, набранных в ходе полевых исследований диалектов и говоров в разных регионах проживания эвенов и извлеченных из опубликованных источников XIX – начала XX веков, которые не были использованы предшествующими исследователями. Рассмотрение системы числительных по отдельным диалектам и говорам с привлечением некоторых новых материалов дает возможность внести некоторые поправки и уточнения в интерпретацию разрядов числительных эвенского языка, обогащает исследовательскую практику. В статье подчеркивается, что система простых числительных и названия десятков едины для всех эвенских диалектов и говоров. Выявляется пять способов образования составных числительных второго десятка, по-разному представленных в диалектах эвенского языка: простое сочетание двух числительных, с помощью слов *хулэк* 'лишний' или *ойдун* 'сверх', с использованием названия слова *дяи* 'десять'. Образование составных числительных от 21 до 99 является универсальным почти для всех диалектов эвенского языка, исключение составляет только говор эвенов Чукотки, используемый в пос. Кеппервеем Билибинского района. В лингвистических материалах, собранных Г. Майделем в XIX веке и в тексте Евангелия этого же периода представлены довольно разнообразные разряды числительных, встречаются и необычно оформленные числительные, которые более нигде не фиксировались. В характеристику разрядов числительных эвенского языка вносятся существенные уточнения и дополнения, демонстрирующие вариативность внутри отдельных диалектов и существенные междиалектные различия. При специальном описании морфологии и лексики диалектов и говоров, следует как можно более детально рассматривать все возможные варианты образования отдельных семантических разрядов числительных. Это может существенно пополнить морфологический раздел грамматики эвенского языка, посвященный именам числительным как части речи.

Ключевые слова: эвенский язык, имена числительные, простые числительные, составные числительные, разряды числительных, словообразовательные разновидности, опубликованные материалы, диалекты, говоры, новые данные.

S. I. Sharina

Numerals in dialects and subdialects of the Even language

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. Numerals in Tungus-Manchurian studies are still not well researched, although there are some experiments in comparing numerals in the works of foreign and Russian researchers. The aim of this article is to summarize the new material of the Even language numerals, compiled during field studies of the Even dialects in different regions, and extracted from published sources of the 19th – early 20th centuries, which were not used by previous researchers. The examination of the system of numerals for individual dialects and dialects with the involvement of some new materials provides an opportunity to make some corrections and clarifications in

---

ШАРИНА Сардана Ивановна – к. филол. н., ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: sarshar@mail.ru

SHARINA Sardana Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

the interpretation of the classes of the Even language numerals and enriches the research practice. The article emphasizes that the system of simple numerals and the names of tens are the same for all Even dialects and accents. It reveals five ways of forming composite numerals of the second tens, differently represented in the dialects of the Even language: a simple combination of two numerals, using the words *hulek* 'extra' or *oidun* 'over', using the name of the word *dyan* 'ten'. The formation of compound numerals from 21 to 99 is universal for almost all dialects of the Even language, the only exception is the dialect of the Evens of Chukotka, used in the village. Keperveem, Bilibino region. In the linguistic materials collected by G. Maydel in the 19th century and in the text of the Gospel of the same period, rather diverse categories of numerals are presented, there are also unusually designed numerals that were not recorded anywhere else. The characterization of numeral classes in Even language is substantially refined and supplemented, demonstrating variation within individual dialects and significant inter-dialectal differences. A special description of the morphology and vocabulary of dialects and dialects should consider in as much detail as possible all the possible variants of the formation of separate semantic divisions of numerals. This could substantially enrich the morphological section of the grammar of the Even language, devoted to numerals as a part of speech.

Keywords: Even language, numerals, simple numerals, compound numerals, classes of numerals, word-formation variations, published materials, dialects, accents, new data.

Acknowledgments: The study was conducted within the framework of the state grant – the project “Verbal traditions of the indigenous small-numbered peoples of the North: documentation, description, systematization” (state registration number: 121033100192-9).

Введение

Имена числительные в тунгусо-маньчжуроведении представляют собой материал, степень изученности которого далека от совершенства, хотя имеются попытки сопоставления количественных числительных в работах В. Котвича [1], В.И. Цинциус [2] и И. Бенцинга [3]. Эвенский язык, как известно, стал активно изучаться с середины XIX столетия. Так, в исследованиях А. Шифнера [4; 5] дается краткое описание языка охотских и анадырских эвенов. Начиная с его исследований во всех работах по эвенскому языку имя числительное выделяется как самостоятельная часть речи. Все авторы грамматических работ по эвенскому языку не обходят вниманием числительные, ими описано основное содержание форм и разрядов, употребление их в речи, выявлена специфика числительных в отдельных диалектах и говорах. Вместе с тем у исследователей имеются довольно существенные расхождения по вопросу классификации разрядов числительных, не учитываются данные по отдельным диалектам, не привлекаются некоторые опубликованные материалы.

Целью настоящей статьи является обобщение новых материалов по именам числительным эвенского языка, почерпнутых в ходе полевых исследований диалектов и говоров в разных регионах проживания эвенов и извлеченных из опубликованных источников XIX – начала XX веков, которые не были использованы предшествующими исследователями. В статье приводятся материалы по говорам эвенского языка, распространенным на территории Камчатки (быстринский говор), Магаданской области (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский, рассохинский говоры ольского диалекта, тенькинский диалект), Хабаровского края (аркинский, ульинский говоры), Чукотки (ольский) и Якутии (абыйский, оймяконский, томпонский, момский говоры индигирского диалекта, березовский, тюгесирский, нижнеколымский говоры и другие говоры западного наречия).

Рассмотрение системы числительных по отдельным диалектам и говорам с привлечением некоторых новых материалов дает возможность внести некоторые поправки и уточнения в интерпретацию разрядов числительных эвенского языка, обогащает исследовательскую практику.

Числительных в эвенских диалектах и говорах

Числительные в эвенском языке – это именная часть речи, выражающая существующую счетную систему, единицы этой системы, имеющие общую парадигматику по семантико-дезивационным разрядам.

Система простых числительных едина для всех эвенских диалектов: *өмэн* 'один', *дөр* 'два', *илан* 'три', *дыгэн* 'четыре', *туннан* 'пять', *нюэнэн* 'шесть', *надан* 'семь', *дяккан* 'восемь', *уюн*

‘девятя’, *мян* ‘десять’, *няма* ‘сто’. Название тысячи *тыкичэ*, *тыхичэ*, судя по всему, заимствовано из русского языка посредством якутского языка, причем это будет справедливо не только для говоров бассейна Яны и Индигирки, но и для говоров восточного наречия. Названия десятков, образующиеся по модели – «обозначение количества десятков + числительное “десять” в форме множественного числа» (*дөрмер* ‘двадцать’, *иланмяр* ‘тридцать’, *дыгэнмяр* ‘сорок’, *туннунмяр* ‘пятьдесят’, *нюнэнмяр* ‘шестьдесят’, *наданмяр* ‘семьдесят’, *дяпканмяр* ‘восемьдесят’, *уюнмяр* ‘девяносто’) также являются единичными для всех эвенских диалектов. Стоит обратить внимание, что сложные слова-названия десятков из всех тунгусо-маньчжурских языков представлены только в эвенском языке.

Составные числительные второго десятка образуются сочетанием числа *мян* ‘десять’ с числами первого десятка. В эвенском языке имеются несколько способов образования данных числительных, по-разному представленных в диалектах эвенского языка.

1. Названия чисел второго десятка образуются из слова *мян* ‘десять’ и чисел первого десятка: *мян өмэн* ‘одиннадцать’, *мян дөр* ‘двенадцать’, *мян илан* ‘тринадцать’, *мян дыгэн* ‘четыренадцать’. В данном случае при образовании составных числительных происходит простое сочетание двух числительных. Этот способ образования числительных второго десятка принят в качестве способа образования числительных второго десятка для эвенского литературного языка.

2. В восточных говорах эвенского языка числительные второго десятка образуются следующим образом: *мян өмэнь хулэк* ‘одиннадцать’ (букв. десять с одним лишним), *мян дөрди хулэк* ‘двенадцать’ (букв. десять с двумя лишними) или *дөрди хулэк* ‘двумя лишними’, *илань хулэк* или *мян илань хулэк* ‘тринадцать’, *дыгэнь хулэк* или *мян дыгэнь хулэк* ‘четыренадцать’, *туннэнь хулэк* или *мян туннэнь хулэк* ‘пятнадцать’, *нюнэнь хулэк* или *мян нюнэнь хулэк* ‘шестнадцать’, *надань хулэк* или *мян надань хулэк* ‘семнадцать’, *дяпкань хулэк* или *мян дяпкань хулэк* ‘восемнадцать’, *уюнь хулэк* или *мян уюнь хулэк* ‘девятнадцать’. Данный способ образования числительных второго десятка характеризуется тем, что название единицы стоит в творительном падеже. Употребление числительного *мян* ‘десять’ в таких сочетаниях является факультативным и компонент *мян* может отсутствовать, особенно в устной речи. В ряде говоров, в частности, в языке эвенов пос. Меренга Омсукчанского района Магаданской области, числительные от 11 до 19 имеют иной порядок компонентов с постпозитивным расположением числительного “десять”: *өмэнь хулэк мян* – ‘одиннадцать’, *дөрди хулэк мян* – ‘двенадцать’ и т.п. Однако наиболее важно то, что в ольском говоре представлены не менее трех способов образования составных числительных второго десятка. В обиходной разговорной речи трехкомпонентные конструкции типа *мян дыгэнь хулэк* ‘четыренадцать’.

В быстринском говоре камчатского диалекта отмечается функционирование следующих числительных: *өмын илук* ‘одиннадцать’, *дөрди илук* ‘двенадцать’, *илун илук* ‘тринадцать’, *дыэн илук* ‘четыренадцать’, *тунэн илук* ‘пятнадцать’, *нюнэн илук* ‘шестнадцать’, *надын илук* ‘семнадцать’, *дякун илук* ‘восемнадцать’, *уюн илук* ‘девятнадцать’. Здесь следует иметь в виду, что для камчатского диалекта характерна одна особенность – отпадение начального [х]: *отаран* ‘дорога’, *улра* ‘одеяло’, вместо *хотаран* и *хулра* соответственно. Эта черта диалектов Камчатки и отделяет их от других диалектов восточного наречия. Вероятно, *илук* – это общеэвенское слово *хулэк* ‘лишний’, где отпал начальный [х].

3. Конструкция также включает слово *хулэк* ‘лишний’, но строится следующим образом: *мян хулэкин өмэн* ‘одиннадцать’ (досл. десять, его остаток один), *мян хулэкин дөр* ‘двенадцать’ (досл. десять, его остаток два); *мян хулэкин илан* ‘тринадцать’ (досл. десять, его остаток три) и т.д. Этот способ образования числительных второго десятка характерен для диалектов эвенов бассейна Индигирки (абыйский, оймаконский, томпонский, момский говоры).

4. Образование чисел осуществляется при помощи особой конструкции, включающей наречие *ойдун* ‘сверху’: *мян ойдуэн өмэн* ‘одиннадцать’ (досл. десять, сверху один), *мян ойдуэн дөр* ‘двенадцать’ (досл. десять, сверху два), *мян ойдуэн илан* ‘тринадцать’ (досл. десять, сверху

три) и т.д. Данный способ характерен для говоров западного наречия, например, нижнеколымскому: *Утэрэптукун Андрюшкала миан ойдун умэн стада биһин*. 'Издавна В Андрюшкино одиннадцать стад было.'

5. В охотском диалекте у эвенов отмечается употребление слова *дян* в качестве 'десять'. При образовании чисел от одиннадцати до девятнадцати конструкция включает слово *дян* в отложительном падеже: *дяндук өмэн* 'одиннадцать' (досл. от десяти один), *дяндук дөр* 'двенадцать' (досл. от десяти два), *дяндук илан* 'тринадцать' (досл. от десяти три) и т.д.

Для письменного языка принята модель образования составных числительных «десяток+единицы», хотя в региональном варианте письменной формы восточных эвенских говоров встречаются числительные с послелогом *хулэк*.

Примеры: *Дюду мян тунуань хулэк бэй чакатан*. 'В жилище собралось пятнадцать (досл. десять с пятью лишними) человек'. *Есчимэчкэлэ мян надан икэмүэл есчимэттитэн*. 'На конкурсе семнадцать певцов соревновались'. *Мяндук дюкчадук хулэку уэндэ*. 'Прошли более десяти остовов чума'. *Мян дяпкан мурань эмчэл*. 'Приехали на восемнадцати лошадях'. *Чакабакла мян хулэкун уюн-тэкэн бэй эмчэ*. 'На собрание пришли только девятнадцать человек'. *Мян ойдун дөрбу орам илбичэл*. 'Пригнали двенадцать оленей'. *Өмэнь хулэк ясалални*. (*Колака*). 'Девушка без плеч, без рук, у нее одиннадцать глаз. (Шумовка)' [4].

Образование составных числительных от 21 до 99 в ольском говоре представлено одной моделью – «название десятков + название единиц», *дөрмер өмэн* 'двадцать один', *иланмяр дыгэн* 'тридцать четыре', *тунуанмяр уюн* 'пятьдесят девять' и т.п. Такой способ образования составных числительных выше второго десятка является универсальным для всех диалектов эвенского языка. Только в говоре эвенов пос. Кепервеем Билибинского района, владеющих чукотским языком, отмечены образования составных числительных типа *нюнэнмер илан хулэк* 'шестьдесят три', очевидно, калькирующие аналогичные чукотские числительные с послелогом *парол*. Аналогичная форма встретилась в записях Г.Майделя: *Тир өсил эвэсэл өриучиритэн, дер мер тунуан хулэк биситэн дю, чукчал нюрмадитни, дыгэн няма бидэтэн, надытан [= надытан], эвэсэл, тачин нюрмадакатни, (нюрмадилбу) дер хуркэр иттэ, тарбач бэйлтэн чакмачилда, тарбач дюдукур горкандула хөрридюор дыкнэ; чукчал нюрмаридюр дюлатан исчидюр, эвэсэл хэкэркинидюор чукчалбу эрэли одыдюор кусикэчилдэ, нэмкумэчилдэ, таду чукчалбу эйду мар. Муднан*. 'Раньше когда-то давно эвены остановились стойбищем, двадцать пять и больше юрт было, чукчи подкрались, их вроде бы было четыре сотни (20х20: предел чукотского счета), напали, эвены, когда они подкрадывались, (подкрадывающихся) двое юношей увидели, после этого их люди собрались вместе, потом в отдалении от своих юрт отойдя, укрылись; чукчи, подкравшись, попытались войти в их юрты, эвены, выскочив, окружив чукчей, стали с ними биться, стрелять друг в друга из луков, там чукчей всех убили' [5].

В материалах XIX века, предположительно относящихся к западным диалектам, отмечена смешанная модель числительных второго десятка, содержащая сразу два послелога: *ойдун* 'свыше' (ныне представленный только в западных диалектах) и *хулэк* (характерный для восточных диалектов): *Өмэн багатир тарак багатир камандан мян ойдуң нюнэн хулэк ихин команда яв-да эти хуптур бэй коңдас турки[даватта]*. 'Один богатырь, у него "команда" в шестнадцать других, никогда не отстает, куда он прикажет, туда они идут. Олень со своими шестнадцатью копытами' (видимо, имеются в виду кости ног) [6].

Числительные свыше 100, употребляемые в эвенской речи достаточно редко, образуются путем соположения компонентов: *няма тунуанмяр* 'сто пятьдесят', *дөр няма* 'двести', *илан няма дыгэнмер илан* 'триста сорок три' и т.п. Однако более употребительными являются округленные числительные с названиями сотен: *дөр няма* 'двести', *тунуан няма* 'пятьсот', *дяпкан няма* 'восемьсот'. Слово *няма* 'сто' при этом по числу не изменяется. Все то же самое справедливо и по отношению к составным числительным со словом "тысяча": числительные типа *дөр тыкичэ илан няма дыгэнмер тунуан* 'две тысячи триста сорок пять' в принципе могут существовать, но в живой речи не употребляются.

Любопытной особенностью лингвистических материалов, собранных Г. Майделем, которая до сих пор не привлекала внимания эвеноведов, является необычное оформление количественных числительных, в состав которых входит слово *няма* `сто`: ср. *n'ama omkakan huluk* `сто один` или *n'ama omkakan huluk hetkanu* `сто один`, *n'ama mendi huluk hetkanu* `сто десять` и др. [5]. В других материалах такие формы количественных числительных не фиксировались.

В языке булунских эвенов нам встретилось числительное тридцать, состоящее из двух самостоятельных лексических единиц, причем слово *мян* `десять` не имеет показателя множественного числа -р: *Улу (эгден) олра илан мян урэгэсэлкэн, усу. Тавур як бидин? Тавур бидин өмэн илан.* `Большая рыба имеет 30 брюшек, так говорят. Что это будет? Это будет один месяц` [7].

Большой интерес для изучения имен числительных в эвенском языке и его диалектах представляют разнообразные формы имен числительных в языке эвенского перевода Евангелия от Матфея, так как в тексте Евангелия представлены достаточно разнообразные числительные, и к ним переводчиком подобраны эвенские эквиваленты, соответствующие числительным различных разрядов и разным структурным типам числительных из тех разновидностей образования сложных и составных числительных, которые известны нам по диалектным материалам: *мен дыгэн хулэк* `четырнадцать`, *мен дюр хулэк* `двенадцать`, *мен өмун хулэк* `одинадцать`, *мен өмэн хулэк час одилликама* `когда наступило одинадцать часов`, *мендюр хулуктук* `от двенадцати`, *мень дюр хулукал* `двенадцать, (в последнем случае послелог *хулэк* имеет форму множественного числа, что не отмечается более нигде)`; но *мер дюрди хулэк* `двенадцать`, *уюнмерьююнь* `девяносто девять`, *элан часал одилликама* `когда наступило три часа` и др. [8].

Примечательно, что способ образования числительных второго десятка без оформления названия единиц показателем творительного падежа типа *мен дюр хулэк* не отмечается в других источниках и является своего рода переходной формой от обычного для восточных говоров образования *мян өмэн хулэк* `одинадцать`, *мян дерди хулэк* `двенадцать` к известным по диалектам охотских эвенов способу образования типа *мян илан* `тринадцать`, *мян дыгэн* `четырнадцать` и т.п. В свете сделанного наблюдения соположение названия десятка и единиц при образовании числительных от 11 до 19 в тунгусо-маньчжурских языках невозможно однозначно трактовать как абсолютно архаичное явление.

В тенькинском диалекте эвенского языка (Тенькинский район Магаданской области) при образовании составных числительных явственно отмечается тенденция к слиянию сложных форм в одну словоформу: *уюняма* `девяносто`, *дөрняма* `двести`, *иланьяма иланмяр* `сто тридцать`, *иланьяма* `триста`. Еще более характерным этот процесс оказывается для числительных второго десятка, которые в рассматриваемом диалекте образуются при помощи послелога *хулэк* в ассимилированном виде: *өмэнилук* `одинадцать`, *дёрдилуктэн* `двенадцатый`. Однако слияние форм наблюдается или по крайней мере выражается в письменной речи не всегда. Числительное тысяча имеет в тенькинском диалекте вид *тыкича* и явно заимствовано посредством якутского языка.

Нормы согласования существительных с числительными в современном эвенском языке вариативны. Варианты сочетаний *илан бэй* – *илан бэйл* `три человека, трое людей` встречаются в самых разных типах текстов и имеют равноправный статус. Хотя напрашивается предположение, что форма множественного числа имен в этих словосочетаниях появилась под влиянием русского языка, придется констатировать, что в данном случае единство грамматической нормы отсутствует.

Порядковые числительные в ольском говоре эвенского языка образуются посредством суффикса -и/-ги- и притяжательных суффиксов. В устной речи в специфицированных контекстах порядковые числительные имеют полную притяжательную парадигму: *илив* `мой третий`, *дыгис* `твой четвертый`, *дыгин* `его четвертый`, *туннит* `наш с вами пятый`, *нюнживун* `наш шестой`, *надысан* `ваш седьмой`, хотя чаще всего такое наблюдается при абсолютивном употреблении порядковых числительных без существительного. Изредка встречаются даже формы

с безлично-притяжательными суффиксами: *иливур дептитэн* `третьего своего (они) съели`, *дыгий гадни* `четвертого своего (его) он взял`.

В литературе для говоров восточного наречия, в частности, для языка эвенов Березовки (Среднеколымский район Якутии, северо-западная часть Магаданской области, Билибинский район Чукотки) отмечены формы порядковых числительных с суффиксом -ис: *илис* `третий`, *дыгис* `четвертый`, *туннис* `пятый` [9]. Возможно, что суффикс порядковых числительных -ис заимствован из якутского языка. Однако можно полагать, что притяжательная форма 2 лица единственного числа типа *илис* `твой третий`, *дыгис* `твой четвертый` лексикализовалась и данная разрядная форма числительных утратила способность изменяться по лицам.

Ограничительные числительные представлены в ольском говоре двумя самостоятельными разновидностями, различающимися по оценочной характеристике. Уменьшительно-ограничительные числительные характеризуют количество, оцениваемое говорящим как малое по отношению к считаемым предметам или ситуации. Суффикс ограничительных числительных -ккан/-ккэн // -какан/-ккэн; форма -ккар/-ккэр// -какар/-ккэр представляет собой форму множественного числа, которая характерна для всех форм числительных кроме числительного "один". Примеры уменьшительно-ограничительных числительных: *өмэккэн*, *өмккэн* `только один`, *дөккэр* `только два, всего два`, *илкакар* `только три, всего три`, *дыгккэн* `только четыре` и т.д. Эти же формы числительных имеют еще одно значение – они используются для счета предметов, оцениваемых говорящим как предметы малого размера, например, *илкакар өликил* `три белки`, *тунуаккар мунруакар* `пять зайчиков`. Увеличительно-ограничительные числительные характеризуют количество, оцениваемое говорящим как большее по отношению к считаемым предметам или ситуации местонахождения предметов. Суффикс увеличительно-ограничительных числительных – -кая/-кэе. Форма -каял/-кээл, которая содержится во всех увеличительно-ограничительных числительных свыше одного, представляет собой форму множественного числа с именным показателем числа -л. Примеры уменьшительно-ограничительных числительных: *дөккэл* `целых два`, *илкаял* `целых три`, *дыгккэл* `целых четыре` и т.п. Формы этих числительных употребляются также для характеристики числа предметов, оцениваемых говорящим как предметы большого размера: *илкаял дүл* `три больших дома`, *дыгккэл нөккэр* `четыре лося`. Обе названные разновидности ограничительных числительных в отношении морфологического числа ведут себя иначе, чем количественные числительные. Данные числительные имеют показатель множественного числа как одно из составляющих формантов ограничительных числительных, и уже это означает, что они обязательно согласуются в числе с исчисляемыми существительными.

В тенькинском диалекте эвенского языка наряду с обычными формами ограничительных числительных с суффиксом -ккан/-какан типа *өмэккэн* `только один`, встретилась необычная форма *өмэгдэ* `только один`, имеющая адъективный суффикс -гда/-гдэ. Ограничительные числительные с суффиксами увеличительности в изученном материале по данному диалекту не встретились, но это не означает их отсутствие.

Повторительные числительные, как отмечено в литературе, представлены двумя морфологическими разновидностями – соответственно формами с суффиксами -ракан/-рэкэн и -ракая/-рэкэе. Учитывая то, что эти формы числительных образуются и от числительного «один», ср. *өмнэкэн* `один раз`, их можно было бы назвать и кратными числительными. В одном из текстов отмечена форма повторительного числительного на -йэ в виде *өмнэйэ*: *Өмэн багатир, яв-да-тит мамалми, өмнэйэ кунихникан бэй ядерин. Пэктэрэвун* `Один богатырь, когда что-нибудь захочет убить, только один раз крикнет, человек что сделает. (Ружье)` [4]. По другим источникам такие формы более неизвестны, хотя правила их образования понятны, видимо, элемент -кан/-кэн в этих числительных представляет собой диминутивный суффикс. Другой пример такого же числительного отмечен в записях Г.Майделя: *Окат холи-дун биддэ нонмир; өмнэкэн иттэ, дебмэгэн гиркаддан*. `На берегу реки живут люди, однажды видят, людоед идет` [5].

Образование форм повторительных числительных в тенькинском диалекте эвенского языка осуществляется с помощью суффикса -ракан/-рэкэн: *дыгрэкэн* `четыре раза`. Любопытно, что образование форм повторительных числительных в функции деепричастий вместо известных морфологических последовательностей на -и-в-ми осуществляется посредством того же суффикса -ракан: *гяракан* `во второй раз`. Из числа довольно редких форм, образованных от числительных, надо обратить внимание на отнумеративные глагольные образования: *геврин* `повторил во второй раз`, *иливрин* `повторил в третий раз`, которые встречаются также и в тексте эвенского перевода Евангелия от Матфея.

Умножительные числительные образуются в эвенском языке посредством суффикса -рман/-рмэн, например, *дёрмэн* `двойной`, *иларман* `тройной` и т.д. Эти формы преподносятся в описаниях как числительные для счета рядов, слоев и т.п. По нашим материалам, формы на -рман/-рмэн представляют собой адъективные формы числительных, имеющие значение “состоящий из названного количества частей (одной, двух, трех и т.д.)”.

Числительные для счета частей предмета, имеющие суффикс -рман/-рмэн, хотя и являются довольно экзотическим разрядом, но в материале эвенского перевода Евангелия от Матфея также имеются: *дыгэрмэн* `четверной`, *дёрмэнди* `двое`. Падежные формы, образованные от этих форм числительных, не фиксировались ранее в грамматических описаниях и требуют специального внимания при полевых исследованиях.

Собирательные числительные образуются посредством суффикса -и, присоединяемого к формам количественных числительных с суффиксом -р или к их основам. Чаще всего собирательные числительные встречаются в форме творительного падежа с безлично-притяжательным суффиксом множественного числа, например, *дёридюр* `двоем`, *илнидюр* `втроем`, *дыгнидюр* `вчетвером`. Иногда показатель -дюр даже рассматривался как морфологический компонент, образующий данные числительные. Позже было установлено, что формы собирательных числительных имеют почти полную падежную парадигму, за исключением именительного падежа. В.Д. Лебедев выделил в особый разряд формы “собирательных исчерпывающих числительных” типа *илниван* `всех троих`, *дыгнивэн* `всех четверых` [10], но данные формы не составляют отдельного разряда: это всего лишь одна из падежных форм собирательных числительных.

Кроме падежных суффиксов, формы собирательных числительных могут принимать также увеличительный суффикс -ндя/-нде- и уменьшительный суффикс -чан/-чэн-, например, *илнидэдюр* `все втроем`, *илничэндюр* `все (только) втроем`, *дыгниндевэн* `всех четверых`, *дыгничэмэн* `всех (только) четверых`. Значение этих форм собирательных числительных сравнимо со значением форм увеличительно-ограничительных и уменьшительно-ограничительных числительных. Формы с суффиксом -ндя/-нде- обозначают предметы большого размера или количество, оцениваемое говорящим как значительное, формы с суффиксом -чан/-чэн-, обозначают количество (совокупность) предметов малого размера или число предметов, оцениваемое как малое.

Разделительные или распределительные числительные в диалектах восточного наречия, как и во всех диалектах эвенского языка образуются посредством суффикса -тал/-тэл, например, *дэтэл* `по два`, *илатал* `по три`, *тунцатал* `по пять`. Эти формы также являются адъективными. Из производных форм разделительных числительных отмечены лишь образования, внешне сходные с формами творительного падежа при образовании их от форм множественного числа: *дэтэлди* `по два`, *илаталди* `по три`. Подобные образования функционируют как количественные наречия.

Распределительные числительные в тексте Евангелия от Матфея оказываются довольно необычными. При образовании распределительных числительных от составных числительных – названий десятков показатель разряда -тал/-тэл- стоит между обозначением единиц и показателем десятков-формативом -мяр/-мер: *нюэтэлмэрбэ* `по шестьдесят`, *елаталмэрба* `по тридцать`, *надыталмярди* `по семьдесят`. В современном эвенском языке формы рас-

пределительных числительных от составных и сложных числительных не употребляются. В тенькинском диалекте эвенского языка эти формы числительных не показывают какой-либо специфики и имеют суффикс -тал/-тэл: ср. *эмэтэл* 'по одному'.

Числительные приблизительного счета образуются от основ числительных посредством суффикса -кли, в котором нетрудно опознать суффикс направительно-продольного падежа -кли, например, *тунуакли* 'примерно пять, около пяти', *мякли* 'примерно десять, около десяти'. В устной речи числительные приблизительного счета с суффиксом -кли употребляются редко, чаще в их функции используются парные сочетания числительных *илан-дыгэн* 'три-четыре', *надан-дяпкан* 'семь-восемь'.

Числительные для счета животных образуются в диалектах восточного наречия посредством суффикса -нра/-нрэ: *тунуанра* 'пять (олений, лосей)', *илаура* 'три оленя, лося'. В настоящее время такие формы числительных в восточных диалектах эвенского языка не употребляются даже в устной речи.

Формы, называемые числительными для счета предметов – копыльев нарт, карт, представляющие собой производные формы числительных с суффиксом -рда/-рдэ, например, *эмэрдэ* 'единица', *дэрдэ* 'двойка', *иларда* 'тройка', *дыгэрдэ* 'четверка'. Их определение в грамматике В.И. Цинциус [11] напоминает формы числительных с классными показателями в нивхском языке, однако данные формы нельзя рассматривать как количественные числительные с классными показателями. Они представляют собой субстантивные формы, образованные от числительных, со значением, близким к русскому "двойка", "тройка", "десятка", и эти образования в эвенском языке также способны принимать разные предметные значения.

Заключение

Итак, рассмотренный выше материал показал, что даже довольно ограниченный по объему материал, как имена числительные в эвенском языке, при детальном рассмотрении позволяет выявлять достаточно много черт, существенно пополняющий морфологический раздел грамматики эвенского языка, посвященный именам числительным как части речи. Особого внимания требуют имена числительные в диалектах эвенского языка, которые при специальном описании морфологии и лексики диалектов требуют выявления всех возможных вариантов образования отдельных семантических разрядов и словообразовательных разновидностей числительных.

Литература

1. Котвич В. Исследование по алтайским языкам. = *Studia nad językami altajskimi* / В. Котвич. ред. Н.А. Баскаков, пер. с пол. А. И. Толкачева. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. – 351 с.
2. Цинциус В.И. Множественное число имен в тунгусо-маньчжурских языках / В.И. Цинциус // Уч.Зап.ЛГУ. – Серия филологических наук. – Вып. 10, № 69. Ленинград, 1946. С. 73-119.
3. Benzing J. *Lamutische Grammatik*. Wiesbaden, 1955.
4. Бурькин А.А. Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты) / А.А. Бурькин. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2001. – 288 с.
5. Schiefner A. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben // *Melanges Asiatiques*. Vol. VII, liv. 2 et 3.SPb., 1874. P. 333-377.
6. Schiefner A. Beitrage zum Kentniss der Tungusischen Mundarten // *Melanges Asiatiques*, 1859. T. III P. 682-706.
7. Sotavalta A. *Westlamutische Materialien*. Bearbeiter und herausgegeben von Harry Halen. Helsinki, 1978.
8. Евангелие Господа нашего Иисуса Христа от Матфея святое Благовествование на тунгусском языке. Казань, 1880. Переиздание: *St.Matthew in Lamut*. Debter. Debther. Debtelin. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies, 5. Budapest, 1984.
9. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки / В.А. Роббек. – Л., 1989. – 206 с.
10. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии / В.Д. Лебедев. – Л., 1978. – 207 с.
11. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка / В.И. Цинциус. – Л., 1947. – 270 с.

References

1. Kotvich V. Issledovaniye po altaiskim yazykam. = Studia nad językami altajskimi [Research on the Altai languages]. red. N.A. Baskakov, per. s pol. A. I. Tolkacheva. – Moskva: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1962. – 351 p. (in Russ.)
2. Tsintsius V.I. Mnozhestvennoye chislo imen v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Plural of names in the Tungus-Manchu languages] // Uch. Zap. LGU. – Seriya filologicheskikh nauk. – Vyp. 10, № 69. Leningrad, 1946. P. 73-119. (in Russ.)
3. Benzing J. Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955.
4. Burykin A.A. Malyye zhanry evenskogo fol'klora. Zagadki, poslovietsy i pogovorki, zaprety-oberegi, obychai i predpisaniya, primety (issledovaniye i teksty) [Small genres of Even folklore. Riddles, proverbs and sayings, prohibitions-amulets, customs and prescriptions, omens (research and texts)] /– SPb: Peterburgskoye Vostokovedeniye, 2001. – 288 p. (in Russ.)
5. Schiefner A. Baron Gerhard von Maydell's Tungusische Sprachproben // Melanges Asiatiques. Vol. VII, liv. 2 et 3. SPb., 1874. P. 333-377.
6. Schiefner A. Beitrage zum Kentniss der Tungusischen Mundarten // Melanges Asiatiques, 1859. T. III. P. 682-706.
7. Sotavalt A. Westlamutische Materialien. Bearbeiter und herausgegeben von Harry Halen. Helsinki, 1978.
8. Yevangeliye Gospoda nashego Iisusa Khrista ot Matfeya svyatoye Blagovestvovaniye na tungusskom yazyke. [The Gospel of our Lord Jesus Christ from Matthew is the Holy Gospel in the Tungus language] Kazan', 1880. Pereizdaniye: St. Matthew in Lamut. Debter. Debther. Debtelin. Materials for Central Asiatic and Altaic Studies, 5. Budapest, 1984.
9. Robbek V.A. Yazyk evenov Berezovki [The language of the Evens of Berezovka] – L., 1989. – 206 p. (in Russ.)
10. Lebedev V. D. Yazyk evenov Yakutii [Language Evens of Yakutia] – Leningrad: Nauka. 1978. – 208 p. (in Russ.)
11. Tsintsius V.I. Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka [Essay on the grammar of the Even (Lamut) language]. – L., 1947. – 270 p. (in Russ.)

И. В. Собакина

Русско-якутский перевод названий учреждений: уровень фонетики, лексики, грамматики

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Перевод призван передавать информацию в разных сферах общественной жизни, при этом он выступает не только главным составляющим межкультурного коммуникации, но и популяризатором языков-участников. Одним из способов сохранения и популяризации национальных языков России является присвоение им государственного статуса, который должен обеспечить функционирование языка во всех сферах общественной жизни. В Республике Саха (Якутия) якутский язык является государственным языком, что определяет актуальность исследований вопросов частной теории перевода. К переводчикам выдвигаются требования эквивалентной передачи информации, сохранения узуальных норм якутского языка и применения исконно якутских сочетаний во избежание калькирования форм русского языка. В 2015 году на заседании совета по языковой политике Республики Саха (Якутия) было принято решение об обязательном использовании вывесок с наименованием органов государственной власти, учреждений и организаций на двух государственных языках, русском и якутском. Это было обусловлено несистемностью, хаотичностью и некорректным переводом эргонимов на якутском языке. Статья посвящена анализу моделей перевода названий учреждений на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. В работе при сборе материала исследования для анализа и иллюстрации выдвигаемых положений применяется метод сплошной выборки; для выделения используемых языковых явлений, типичных признаков языковых форм – описательный метод; для изучения функционирования языковых форм – структурный метод; для выявления переводческих соответствий, эквивалентов – сравнительно-сопоставительный. При переводе названий учреждений на фонетическом уровне применяется транслитерация при отсутствии эквивалентов в якутском языке и переводе, неустоявшихся соответствий, имен собственных; способ полной транскрипции слов, зафиксированных в “Орфографическом словаре якутского языка”. Следует отметить, что транскрибированные в материале слова достаточно широко используются в современном якутском языке. На лексическом уровне эквивалентная замена используется при переводе слов и словосочетаний, обозначающих сферы деятельности учреждения; калькирование – самый распространенный способ, представлен полукальками, точными и модифицированными кальками; конкретизация – с целью уточнения информации; способ добавления обусловлен аналитическим способом передачи значений слов, устоявшимися эквивалентными соответствиями; амплификация используется для демонстрации варианта полного наименования на якутском языке, экспликация вызвана необходимостью использования устоявшегося терминологического соответствия. В грамматическом плане при переводе названий учреждений неизбежны перестановки и замены грамматических форм, вызванные системными отличиями русского и якутского языка. Перевод в современное время необходимо рассматривать не только как связующее звено между разными языками и народами, но и как фактор сохранения языка в условиях естественного билингвизма. В Якутии русский и якутский языки имеют государственный статус, однако в отношении якутского языка он реализуется несистемно, в связи с этим, считаем, что исследования предлагаемого направления способствуют систематизации и расширению лингвистического ландшафта на якутском языке.

Ключевые слова: якутский язык, частная теория перевода, эргонимы, модели перевода, популяризация национальных языков, официально-деловой стиль, фонетический уровень, лексический уровень, грамматический уровень, системные расхождения языков-участников межкультурной коммуникации.

СОБАКИНА Ирина Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: ivs1977@mail.ru

SOBAKINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

I. V. Sobakina

Russian-Yakut translation of the names of institutions: levels of phonetics, lexis, grammar

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Translation is designed to convey information in various spheres of public life, while it acts not only as the main component of intercultural communication, but also as a popularizer of the participating languages. One of the ways to preserve and popularize the national languages of Russia is to assign them a state status, which should ensure the functioning of the language in all spheres of public life. In the Sakha Republic (Yakutia), the Yakut language is the state language, which determines the relevance of research on the issues of private translation theory. Requirements are put forward for translators for an equivalent transfer of information, preservation of the usual norms of the Yakut language and the use of native Yakut combinations in order to avoid tracing the forms of the Russian language. In 2015, at a meeting of the Council for Language Policy of the Sakha Republic (Yakutia), a decision was made on the mandatory use of signs with the names of state authorities, institutions and organizations in two state languages, Russian and Yakut. This was due to the non-systematic, chaotic and incorrect translation of ergonyms in the Yakut language. The article is devoted to the analysis of translation models for the names of institutions at the phonetic, lexical and grammatical levels. In the work, when collecting research material for the analysis and illustration of the proposed provisions, the method of continuous sampling is used; to highlight the used linguistic phenomena, typical features of linguistic forms – a descriptive method; to study the functioning of linguistic forms – a structural method; to identify translation correspondences, equivalents – comparative-comparative. When translating the names of institutions at the phonetic level, transliteration is used in the absence of equivalents in the Yakut language and translation, unsettled correspondences, proper names; a method of complete transcription of words recorded in the “Spelling Dictionary of the Yakut Language”. It should be noted that the words transcribed in the material are widely used in the modern Yakut language. At the lexical level, equivalent replacement is used when translating words and phrases that indicate the areas of activity of the institution; loan translation (calque) is the most common method, represented by half calques, precise and modified calques; concretization – in order to clarify information; the way of adding is due to the analytical way of transferring the meanings of words, established equivalent correspondences; amplification is used to demonstrate a variant of the full name in the Yakut language; explication is caused by the need to use an established terminological correspondence. In grammatical terms, when translating the names of institutions, permutations and replacements of grammatical forms are inevitable, caused by systemic differences between the Russian and Yakut languages. Translation in modern times should be considered not only as a link between different languages and peoples, but also as a factor in the preservation of the language in the conditions of natural bilingualism. In Yakutia, Russian and Yakut languages have a state status, but in relation to the Yakut language, it is implemented non-systematically, in this regard, we believe that the research of the proposed direction contributes to the systematization and expansion of the linguistic landscape in the Yakut language.

Keywords: Yakut language, specific theory of translation, ergonyms, translation models, popularization of national languages, official business style, phonetic level, lexical level, grammatical level, systemic divergences of languages participating in intercultural communication.

Введение

Перевод в настоящее время является основным фактором развития не только межкультурной коммуникации, но и сферы функционирования языка. Государственное регулирование использования и развития национальных языков Российской Федерации прописано в законодательных и нормативно-правовых актах страны.

Важную роль в популяризации якутского языка играет перевод наименований учреждений на якутском языке, которое обусловлено государственным статусом якутского языка. В 2015 году на заседании совета по языковой политике Республики Саха (Якутия) было принято решение об обязательном использовании вывесок с наименованием органов государственной власти, учреждений и организаций на двух государственных языках, русском и якутском. Официальные наименования учреждений на якутском языке представляют собой калькированные формы русского языка, что определено требованиями официально-делового стиля.

Целью предлагаемой статьи является выделение и анализ моделей перевода названий учреждений на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. В работе при сборе материала исследования для анализа и иллюстрации выдвигаемых положений применяется метод сплошной выборки; для выделения используемых языковых явлений, типичных признаков языковых форм – описательный метод; для изучения функционирования языковых форм – структурный метод; для выявления переводческих соответствий, эквивалентов – сравнительно-сопоставительный.

По мнению С.В. Ивановой, «За последние пятнадцать лет значительно возрос интерес к изучению проблем стилистики якутского языка в связи с необходимостью разработки стилистических норм якутского языка в современных условиях его функционирования. С конца прошлого века начался этап специализированного изучения стилистики якутского языка, в частности, вышли работы, посвященные стилистике морфологии, синтаксиса и экспериментально-лингвистическому исследованию фоностилистики. Исследователи приходят к единому выводу, что рассматриваемым ими разным речевым фактам свойственны модальные, эмоциональные, экспрессивные качества, порождающие ограничения в употреблении в функциональных стилях. Также отмечают, что синонимичные и вариативные средства якутского языка имеют широкий спектр стилистических возможностей; основную функционально-стилистическую парадигму в современном якутском языке формируют языковые и речевые средства узуального характера и интерферентного происхождения» [1, с. 106].

В настоящее время официально-деловой стиль в якутском языке динамично развивается, несмотря на калькирование из русского языка, из которого и перенял сам официально-деловой стиль. Русский язык стал основой для формирования и становления данного стиля. Якутский язык, благодаря этому, с одной стороны, обогатился, а с другой стороны – слова-канцеляриты проникли в среду более широкого употребления, особенно в разговорный стиль, вытесняя исконно якутские узуальные формы. Официально-деловому стилю якутского языка посвящены работы П.А. Слепцова, Е.И. Оконешикова, В.И. Быгановой, Н.К. Антонова, М.С. Воронкина, Н.Е. Петрова и др. Влияние официально-делового стиля на другие функциональные стили якутского языка, особенности его перевода рассмотрены в работах известного якутского ученого Т.И. Петровой и ее учеников Торотова Г.Г., Васильевой А.А., Герасимовой Е.С., Манчуриной Л.Е., Ивановой С.В. и др. Вопросы перевода эргонимов на якутский язык не выступали объектом специального исследования, что обуславливает актуальность выбранного направления.

Эргонимам посвящены работы А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, Т.П. Романовой, Н.В. Шимкевича, Л.М. Щетинина и др. В современном языкознании общепризнанным определением эргонимов является определение Подольской Н.В., согласно которому «Эргоним – «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [2, с. 151]. Вслед за ней, Ермолович Д.И. рассматривает эргонимы как «Собственные имена деловых объединений людей, в том числе наименования компаний, учреждений, организаций и их подразделений, а также названия общественных объединений и движений» [3, с. 55].

Переводу эргонимов посвящены работы ученых Влахова С., Флорина С., Гиляревского Р. С., Старостина Б. А., Ермоловича Д.И. и др. Анализируя проблемы перевода эргонимов, Коновалова И.А. и Лупачева Т.А. приходят к справедливому выводу, что «при переводе эргонимов необходимо учитывать все особенности данной группы с точки зрения отнесения их к категории безэквивалентной лексики и с позиции их включения в ономастическое пространство. Практические решения по передаче названий организаций в огромной степени зависят от конкретной задачи, которая стоит перед участниками межъязыкового взаимодействия» [4, с. 119]. Согласно Ударовой Н.И., «Решение о том, какой способ передачи подходит для каждого из типов ИС / эргонимов, переводчик принимает в зависимости от того, что необходимо передать: внутреннюю форму, звучание имени или его графический облик» [5, с. 258].

Официально-деловой стиль якутского языка сформировался под прямым влиянием русского языка, подражал ему и многое перенял у него. Некоторые слова до сих пор не имеют прямых эквивалентов, принятых и стандартизированных методов передачи. Поэтому русские формы, передача иноязычных слов путем транскрипции частое явление в тексте документа. В переводе на якутский язык большое внимание уделяется аффиксам, так как они помогают при переводе терминов, клише и штампов. Многие исследователи упоминают в своих работах и уделяют большое внимание словам-канцеляритам, которые внедряются в бытовую речь, тем самым губят даже самый живой язык.

Материалом для изучения перевода названий учреждений послужил перевод наименований исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия), одобренный протоколом заседания Совета по языковой политике при Главе Республики Саха (Якутия) 16 февраля 2015 года. За последние десятилетие в практике русско-якутского перевода официальных названий учреждений было несколько мнений, направлений, все это обуславливалось обособленностью переводчиков, их разрозненностью. Рассматриваемая номенклатура не была представлена общественности, является практически только внутренним документом органов государственной власти Республики Саха (Якутия).

Фонетические способы перевода названий учреждений

Транслитерация применяется при переводе:

– безэквивалентной лексики и неустоявшихся соответствий: *Министерство по делам предпринимательства, развития туризма Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Предпринимательство дьыалатыгар уонна туризм сайдыытыгар министиэристибэтэ*. Несмотря на наличие в якутском языке эквивалента «урбаан – занятие торговлей, бизнес» [6, с. 254], слово «предпринимательство» находится в большем предпочтении у переводчиков и средств массовой информации Якутии. Некоторые компоненты переносятся механически, не учитывая транскрибированные формы, установленные в «Орфографическом словаре якутского языка» (2002 г.): *ГБУ Республики Саха (Якутия) «Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)» – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ил Дарханын иһинэн информационнай киин” Национальной агентство” судаарыстыбаннай бюджет тэриитэтэ*. В рассматриваемом примере слово «агентство» транслитерировано, тогда как в вышеупомянутом словаре есть вариант “аабыныстыба” [7, с. 11].

– имен собственных, в частности, названий городов, как группы безэквивалентной лексики: *г. Торонто – Представительство Республики Саха (Якутия) в Канаде – Канадаҕа Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бэрэстэбиитэлибэтэ – Торонто куорат, г. Анкоридж – Представитель Республики Саха (Якутия) в Секретариате Северного Форума – Хотугу Форум Сэкирэтирийээтигэр Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бэрэстэбиитэлэ – Анкоридж куорат*. Примечательным является пример перевода названия города Хабаровск, когда к основе слова прибавляется аффикс –ай. Согласно орфографическим правилам якутского языка, к топонимам с конечным –ск прибавляются аффиксы –ай, –эй.: *Хабаровск – Постоянное Представительство Республики Саха (Якутия) – Уһук Илин регионугар Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бастайааннай Бэрэстэбиитэлибэтэ – Хабаровскай куорат*

При транслитерации наблюдаются:

– подбор соответствий грамматических форм прилагательных: *Департамент биологических ресурсов Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Айылҕа харыстабылыгар министиэристибэтин Биологическай ресурсаларга департамента, Региональная энергетическая комиссия Республики Саха (Якутия) – Регионнааҕы энергетическэй хамыһыһа* и др.

– замена грамматических форм в изафетных конструкциях: *Государственный комитет по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Геологияҕа уонна сир аннын баайын туһаныыга кэммитэтэ, Счетная палата Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Счетнай палата, Министерство по федеративным отноше-*

ниям и внешним связям Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Федеративнай сьһыаннарга уонна тас сибээскэ министиэристибэтэ; падежных форм (родительный падеж русского языка передается на якутский язык формой дательного падежа): Министерство спорта Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Спорка министиэристибэтэ, Министерство архитектуры и строительного комплекса Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Архитектураҕа уонна тутуу комплексыгар министиэристибэтэ.

При переводе названий учреждений используется прием полной **транскрипции** слов, не имеющих эквивалентов в якутском языке, согласно установленным правилам транскрибирования в якутском языке, зафиксированных в “Орфографическом словаре якутского языка”: Министерство – министиэристибэтэ, государственный – судаарыстыбаннай, Республика Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтэ, заказчик – сакаасчыт, дирекция – дириэксийэ, комитет – кэмитиэт, комиссия – хамыһыйа, архивный – архыыбын, печать – бэчээт, главный – кылаабынай, контрольный – хонтуруолдуур, Правительство – Бырабыыталыстыба, ценность – сыаннас, Постоянное Представительство – Бастайааннай Бэрэстэбиитэлистибэ, представитель – бэрэстэбиитэл, акт – аакта. Заслуживает внимание транскрипция слова секретариат – сэкирэтирийээт, так как оно не зафиксировано в орфографических словарях 2001 г. и 2015 г. и является самостоятельным решением переводческой группы. Наряду с этим, хотим отметить, что к переводу слов спорт, бюджет мог быть применен способ транскрипции – успорт (зафиксирован в ОСЯЯ 2001, 2015 гг.), бүддьүөт (зафиксирован в ОСЯЯ 2015 г.).

Лексические способы перевода названий учреждений

Эквивалентная замена названий учреждений встречается при переводе отдельных слов, многие слова в составе словосочетаний представляют калькированный способ перевода: развитие – сайдыы, имущественный – баай-дуол, молодежи и семейной – ыччат уонна дьийэ кэрээн, образование – үөрэх, охрана природы – айылҕа харыстабыла, строительный – тутуу, продовольственный – ас-үөл, финансы – үп, охотничий – булт, водный – уу, запись – суруйар, будущее поколение – кэлэр көлүөнэ.

Калькирование – самый распространенный способ перевода названий учреждений, применяемый с целью точной передачи информации, но не характерный для узуальных норм якутского языка:

1) точная калька применяется наряду с другими способами перевода в случае отсутствия устоявшихся соответствий: Министерство по федеративным отношениям и внешним связям Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Федеративнай сьһыаннарга уонна тас сибээскэ министиэристибэтэ; Министерство имущественных и земельных отношений Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Баайга-дуолга уонна сирэ сьһыаннаһыга министиэристибэтэ, Управление государственного строительного надзора Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин тутууну кэтиир судаарыстыбаннай управлениета;

2) полукальки характеризуются использованием соответствий языка перевода и прямого переноса слова языка оригинала: Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Олорор дьийэ-коммунальнай хаһаайыстыбага министиэристибэтэ, Управление записи актов гражданского состояния при Правительстве Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бырабыыталыстыбатын иһинэн Гражданскай турук аактатын суруйар управление;

3) модифицированные кальки, при которых происходят количественные или качественные изменения: Министерство профессиональной подготовки и расстановки кадров Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Профессиональнай үөрэҕин, каадырдары бэлэмнииргэ уонна аттаран туруорууга министиэристибэтэ, Государственный комитет по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Геологияҕа уонна сир аннын баайын туһаныыга кэмитиэтэ, Некоммерческая организация (фонд) «Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия) – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин кэлэр көлүөнэ тус сыаллаах фондата” коммерческайа суох тэрилтэ (фонда).

Конкретизация в рассматриваемом материале наблюдается при переводе сочетания «жилищно-коммунальное хозяйство», где общее родовое понятие «жилище» заменено на частное «олорор дьээ – досл. жилой дом»: *Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Олорор дьээбэ-коммунальнай хаһаайыстыбаҕа министиэристибэтэ*. К приему конкретизации можно отнести перевод слова “паводок” – “халаан уута”, значение слова “халаан – весеннее половодие, разлив, наводнение” [8, с. 215] уточнено словом “уу”, в сочетании с которым приобретает значение “разлив реки весной при вскрытии ото льда, половодье, паводок” [6, с. 358]: *Исполнительная дирекция по ликвидации последствий весеннего паводка и организации восстановительных работ в Республике Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр сааскы халаан уутун содулларын туоратыыга уонна чөлүгэр түһэрии үлэтин тэрийишгэ толорор дириэксийэ*.

Способ **добавления** при переводе названий учреждений употребляется достаточно редко, вызван аналитическим способом передачи тех или иных значений языка оригинала: *Министерство профессиональной подготовки и расстановки кадров Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Профессиональнай үөрэбин, каадырдары бэлэмнииргэ уонна атта-ран туророрууга министиэристибэтэ, Департамент занятости населения Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Нэһилиэнньэ дьарыктаах буолуутугар департамена*; обусловлен узальными нормами якутского языка и прагматическими установками: *Исполнительная дирекция по ликвидации последствий весеннего паводка и организации восстановительных работ в Республике Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр сааскы халаан уутун содулларын туоратыыга уонна чөлүгэр түһэрии үлэтин тэрийишгэ толорор дириэксийэ*; при переводе сложных слов, которые в якутском языке не имеют эквивалентных соответствий: *Государственный комитет по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Геологияҕа уонна сир аннын баайын туһаныыга кэмितिэтэ*.

Амплификация используется в рассматриваемом документе при переводе сокращенных наименований, указывающих на форму собственности учреждений, возможно, для демонстрации варианта полного наименования на якутском языке: *ГУП «Комитет по драгоценным металлам и драгоценным камням Республики Саха (Якутия)» – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин күндү металлрга уонна күндү таастарга кэмितिэтэ” судаарыстыбаннай унитарнай тэрилтэ, ГУ «Государственное хранилище ценностей Республики Саха (Якутия)» – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин сыаннастарын судаарыстыбаннай харалтата” судаарыстыбаннай тэрилтэ, ГБУ Республики Саха (Якутия) «Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)» – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ил Дарханын иһинэн информационнай киин” Национальнай агентство” судаарыстыбаннай бюджет тэрилтэтэ*.

Экспликация обусловлена использованием устоявшегося терминологического соответствия: *Государственный комитет по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Геологияҕа уонна сир аннын баайын туһаныыга кэмितिэтэ*.

Грамматические способы перевода названий учреждений

Системные грамматические отличия русского и якутского языка становятся причиной частного использования способа **перестановки**:

– Конструкция «наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + предлог по + словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование края, области, города» передаются конструкцией «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности в дательном падеже + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа»: *Государственный комитет по геологии и недропользованию Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Геологияҕа уонна сир аннын баайын туһаныыга кэмितिэтэ, Департамент по водным отношениям Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ууга сыһыаннаһыыга департамена, Государственный комитет по размещению государственных заказов Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин*

Судаарыстыба сакааһын аттаран туруорууга кэмितिэтэ, Министерство по федеративным отношениям и внешним связям Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Федеративнай сыһыаннарга уонна тас сибээскэ министиэристибэтэ.

– Конструкция «наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + предлог по + существительное «делам» + словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование края, области, города в родительном падеже» – конструкция «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности в именительном падеже + существительное «дьыалаларыгар» + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа»: *Департамент по делам народов Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Норуоттар дьыалаларыгар департамена; Министерство по делам предпринимательства, развития туризма Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Предпринимательство дьыалатыгар уонна туризм сайдыытыгар министиэристибэтэ, Министерство по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ыччат дьыалатыгар уонна дьыэ кэргэн бэлиитикэтигэр министиэристибэтэ.* В следующем примере наблюдается некоторые неясности для восприятия реципиента, согласно порядку слов перевода «дела только печати», в русском варианте «дела могут быть не только печати, но телерадиовещания»: *Департамент по делам печати и телерадиовещания Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Бэчээт дьыалатыгар уонна тэлэбиисэринэн, араадыһыанан биэриигэ департамена*

– Конструкция «наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + предлог «по» + словосочетание, обозначающее сферу деятельности + предлог «в» + наименование края, области, города в предложном падеже» – конструкция «наименование края, области, города в дательном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности в дательном падеже + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа»: *Исполнительная дирекция по ликвидации последствий весеннего паводка и организации восстановительных работ в Республике Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр сааскы халаан уутун содулларын туоратыыга уонна чөлүгэр түһэриии үлэтин тэрийиигэ толорор дириэксийэ*

– Конструкция «наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование края, области, города в родительном падеже» – конструкция «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности в дательном падеже + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа: *Министерство жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Олорор дьыэбэ-коммунальнай хаһаайыстыбага министиэристибэтэ*

– Конструкция «наименование структурного подразделения учреждения + словосочетание, обозначающее сферу деятельности подразделения в родительном падеже + наименование учреждения в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности учреждения в родительном падеже + наименование края, области, города в родительном падеже» – «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности учреждения в дательном падеже + наименование учреждения в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности подразделения в дательном падеже + наименование структурного подразделения учреждения в притяжательной форме 3 лица, единственного числа»: *Департамент биологических ресурсов Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Айылба харыстабылыгар министиэристибэтин Биологической ресурсаларга департамена, Министерство здравоохранения Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Доруобуйа харыстабылыгар министиэристибэтэ; Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Култуураба уонна духуобунай сайдыыга министиэристибэтэ*

– Конструкция «наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + слово/словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование края, области, города в родительном падеже» – конструкция «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности в родительном падеже + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа: *Министерство финансов Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үбүн министиэристибэтэ, Министерство финансов Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Үбүн министиэристибэтэ, Департамент архивной службы Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Архыыбын сулууспатын департамена*

– Конструкция «слово/словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) + наименование края, области, города в родительном падеже» – конструкция «наименование края, области, города в родительном падеже + словосочетание, обозначающее сферу деятельности + наименование учреждения (министерство, комитет, дирекция и др.) в притяжательной форме 3 лица, единственного числа: *Счетная палата Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Счетнай палата, Главное контрольное управление Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Кылаабынай хонтуруоллуур управлениета, Управление государственного строительного надзора Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин тутууну кэтиир судаарыстыбаннай управлениета.*

Способ **замены** используется в следующих случаях:

1) притяжательные сочетания переданы формой дательного падежа: *Министерство здравоохранения Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Доруобуйа харыстабылыгар министиэристибэтэ, Министерство имущественных и земельных отношений Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Баайга-дуолга уонна сиргэ сыйһаннаһыга министиэристибэтэ, Министерство культуры и духовного развития Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Култуураба уонна духуобунай сайдыыга министиэристибэтэ.*

2) Часто используемый в наименованиях учреждений предлог «по» передан формой дательного падежа якутского языка: *Министерство по делам молодежи и семейной политике Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ыччат дьыалатыгар уонна дьэ кэргэн бэлиитикэтигэр министиэристибэтэ, Министерство по федеративным отношениям и внешним связям Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Федеративнай сыйһаннарга уонна тас сибээскэ министиэристибэтэ, Министерство по делам предпринимательства, развития туризма Республики Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтин Предпринимательство дьыалатыгар уонна туризм сайдыытыгар министиэристибэтэ.*

3) Предлог «при» передан формой послелога «иһинэн»: *ГБУ Республики Саха (Якутия) «Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)» – “Саха Өрөспүүбүлүкэтин Ил Дарханын иһинэн информационнай киин” Национальной агентство” судаарыстыбаннай бюджет тэрилтэтэ*

Заключение

Перевод призван передавать информацию в разных сферах общественной жизни, при этом он выступает не только главным составляющим межкультурном коммуникации, но популяризатором языков-участников.

Официально-деловой стиль – это стиль сферы официальных деловых отношений, документов, в котором нет эмоций, творчества и особенностей авторского стиля, его главная цель – ясное и точное изложение действительности. Якутский официально-деловой стиль развивается, несмотря на устоявшиеся традиции калькированных форм из русского языка, в последнее время ведется активная работа по привлечению внутренних ресурсов языка. Качественный перевод материалов официально-делового стиля должен отвечать принципам точности, сжатости, ясности, нормативности языка.

При переводе названий учреждений в рассматриваемом материале транслитерация применяется при отсутствии эквивалентов в якутском языке и переводе неустоявшихся соответствий, имен собственных, сочетается с другими способами перевода, вызванных необходимостью подбора соответствий грамматических форм. Наряду с этим, в случае перевода безэквивалентной лексики употребляется способ полной транскрипции слов, в основном, зафиксированных в «Орфографическом словаре якутского языка». Следует отметить, что транскрибированные в материале слова достаточно широко используются в современном якутском языке.

Лексические способы перевода представлены эквивалентной заменой, калькированием, конкретизацией, добавлением, амплификацией и экспликацией. Эквивалентная замена в названиях учреждений встречается при переводе слов и словосочетаний, обозначающих сферы деятельности учреждения. Калькирование – самый распространенный способ перевода названий учреждений представлен полукальками, точными и модифицированными кальками, применяется в случае отсутствия устоявшихся соответствий. Конкретизация зафиксирована в двух случаях, использована с целью уточнения информации. Способ добавления не характерен для данной категории материала, обусловлен аналитическим способом передачи значений слов, устоявшимися эквивалентными соответствиями. Амплификация, на наш взгляд, используется для демонстрации варианта полного наименования на якутском языке. Экпликация вызвана необходимостью использования устоявшегося терминологического соответствия.

В грамматическом плане при переводе названий учреждений неизбежны перестановки и замены грамматических форм, вызванные системными грамматическими отличиями русского и якутского языка. Конструкции, образованные способом управления в русском языке, в якутском языке приобретают обратный порядок – изафетные конструкции. При способе замены изменяются падежные формы (родительный падеж на дательный падеж), предлог «по» передается формой дательного, предлог «при» формой послелого «иһинэн».

В условиях современного естественного билингвизма в России перевод способствует сохранению национальных языков, реализации их государственного статуса, систематизации и расширению лингвистического ландшафта, в связи с этим разработка вопросов частной теории перевода на национальные языки является актуальной и первостепенной задачей.

Литература

1. Иванова С.В. Развитие изучения стилистики якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 103-106.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 198 с.
3. Ермолович Д.И. Русско-английский перевод. – М.: Аудитория, 2015. – 592 с.
4. Коновалова И.А., Лупачева Т.А. Проблемы перевода эргонимов Приморского края в электронных СМИ // Известия Восточного института. 2013, № 2 (22). – С. 118-125.
5. Ударова Н.И. К вопросу о принципах и способах передачи эргонимических единиц при переводе информационных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017, № 10 (783). – С. 248-268.
6. Большой толковый словарь якутского языка; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004-. Т. 13. – 2016. – 648 с.
7. Орфографический словарь якутского языка / Сахалыы таба суруйуу тылдыгыта. – Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2001. – 543 с.
8. Большой толковый словарь якутского; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. Т. 12. – 2015. – 595 с.

References

1. Ivanova S.V. Razvitie izuchenija stilistiki jakutskogo jazyka [Development of the study of the stylistics of the Yakut language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 10(76): v 3-h ch. Ch. 3. – P. 103-106.
2. Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. – М.: Nauka, 1988. – 198 p.
3. Ermolovich D.I. Russko-anglijskij perevod [Russian-English translation]. – М.: Auditorija, 2015. – 592 p.

4. Konovalova I.A., Lupacheva T.A. Problemy perevoda jergonimov Primorskogo kraja v jelektronnyh SMI [Problems of translating ergonyms of Primorsky Krai in electronic media] // Izvestija Vostochnogo instituta. 2013, № 2 (22). – P. 118-125.

5. Udarova N.I. K voprosu o principah i sposobah peredachi jergonimicheskikh edinic pri perevode informacionnyh tekstov [On the question of the principles and methods of transferring ergonomic units when translating informational texts] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2017, № 10 (783). – P. 248-268.

6. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]; pod obshh. red. P. A. Slepceva. – Novosibirsk : Nauka, 2004-. T. 13. – 2016. – 648 p.

7. Orfograficheskij slovar' jakutskogo jazyka / Sahalyy taba surujuu tyld'ytta [Spelling dictionary of the Yakut language]. – D'okuuskaj : Sahapoligrafizdat, 2001. – 543 p.

8. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo [Big explanatory dictionary of Yakut]; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepceva. – Novosibirsk: Nauka, 2004. T. 12. – 2015. – 595 p.

Л. Е. Манчурина

Формирование естественно-научной терминологии в переводных учебниках для младших школьников (на материале переводов учебников «Тулалыыр эйгэ»)

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Сегодня, когда усиливается обмен информацией между учеными и научными сообществами, перевод научного текста становится все более востребованным не только в паре мировых языков, но и в паре, включающей региональные языки Российской Федерации. Одним из таких региональных языков, составляющих пару русскому языку, является якутский язык. Однако, в силу недостаточной сформированности языка и нормы научного стиля якутского языка, а также исторически сложившейся традиции использовать заимствованные термины в транслитерации или транскрипции без непосредственного перевода, имеются некоторые трудности в передаче терминов разных отраслей и областей науки, в выражении обобщенно-абстрагированного научного мышления. Это особенно заметно в переводе терминов в конкретно взятом тексте, который в отличие от терминографического перевода требует некоторой терминотворческой и стилистической работы от переводчика. Актуальность и новизна исследования определяется тем, что впервые в частной теории русско-якутского перевода рассматриваются особенности перевода учебных терминов в тексте и определяются способы их перевода. Так, в данной статье проведен анализ перевода 892 терминов из учебника «Окружающий мир» для начальных классов якутских школ. Исследуемый языковой материал был взят из оригинального и переводного текстов указанного учебника. В исследовании использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа перевода с оригиналом, лексико-семантического, словообразовательного и статистического анализа языкового материала. Цель исследования заключается в определении способов перевода естественно-научной терминологии с русского языка на якутский язык. В результате исследования установлено, что естественно-научная терминология в основном переводится способом эквивалентного перевода, т.е. для терминов русского языка находятся их лексические замены на якутском языке. Также при русско-якутском переводе естественно-научной терминологии используются фонетические способы перевода как транслитерация и транскрипция. Затем идет калькирование, который делится на семантическое и структурное калькирование, также сюда примыкают полукальки. Следующим применяется способ одновременного использования в одном ряду якутского и русского вариантов терминов. Далее по убывающей идут описательный перевод, генерализация, смена части речи, способы добавления, опущения и текстового комментария к терминам. Изучение русско-якутского перевода терминов способствует развитию научного стиля якутского языка, расширяя сферу его функционирования в условиях естественного билингвизма. Кроме этого, исследование перевода естественно-научной терминологии позволит расширить существующие взгляды в терминоведении якутского языка.

Ключевые слова: русско-якутский перевод, учебные термины, естественно-научная терминология, якутский язык, сохранение национальных языков, способы перевода терминов, терминография якутского языка, эквивалентный перевод, транслитерация, транскрипция, калька.

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

L. E. Manchurina

Formation of natural-scientific terminology in translated textbooks for primary school students (based on the material of translations of textbooks «Tulalyyr eige»)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Today, when the exchange of information between scholars and academic communities is increasing, the translation of an academic text is becoming more and more popular not only in a pair of world languages, but also in a pair that includes regional languages of the Russian Federation. One of these regional languages that make up a pair of the Russian language is the Yakut language. However, due to the insufficient formation of the language and the norms of the academic style of the Yakut language, as well as the historically established tradition of using borrowed terms in transliteration or transcription without literal translation, there are some difficulties in the translation of terms of different branches and fields of science, in the expression of generalized and abstracted scientific thinking. This is especially noticeable in the text translation of terms, which, unlike the terminographic translation, requires some term-making and stylistic work from the translator. The relevance and novelty of the research is determined by the fact that for the first time in the specific theory of Russian-Yakut translation, the features of text translation of educational terms are considered and the ways of their translation are determined. Thus, this article analyzes the translation of 892 terms from the textbook "The World Around us" for primary classes of Yakut schools. The studied language material was taken from the original and translated texts of the specified textbook. The study uses methods of comparative analysis of the translation with the original, lexical-semantic, word-formation and statistical analysis of the language material. The purpose of the study is to determine the ways of translating natural science terminology from Russian into the Yakut language. As a result of the study, it was found that natural-scientific terminology is mainly translated by the equivalent translation method, i.e. for the terms of the Russian language, their lexical substitutions are found in the Yakut language. Also, in the Russian-Yakut translation of natural-scientific terminology, phonetic methods of translation are used, such as transliteration and transcription. Then comes semantic, structural calques, semi-calques. The following method is used for simultaneous use of the Yakut and Russian versions of the terms in one row. Then, in descending order, there are descriptive translation, generalization, change of part of speech, methods of adding, omitting and text commentary to terms. The study of the Russian-Yakut translation of terms contributes to the development of the academic style of the Yakut language, expanding the scope of its functioning in the conditions of natural bilingualism. In addition, the study of text translation of natural-scientific terminology will expand the existing views in the terminology of the Yakut language.

Keywords: Russian-Yakut translation, educational terms, natural-scientific terminology, Yakut language, preservation of national languages, methods of translation of terms, terminography of the Yakut language, equivalent translation, transliteration, transcription, calques.

Введение

В якутском языке научный стиль речи начал развиваться с 20-х годов XX века после распространения массовой гражданской письменности и с началом издания литературы различных видов и жанров. Тексты научного стиля на якутском языке разделяются на оригинальные и переводные. По определению П.А. Слепцова, перевод учебной литературы занимает значительное место в истории русско-якутского перевода по ряду объективных причин: 1) общественно-социальной значимости перевода учебников в период культурной революции в республике; 2) большому тиражу, опубликованных переводных учебников; 3) объему печатных листов переводного текста [1, с. 12].

Одной из проблем перевода текстов учебника является перевод терминов. В якутском языкознании и в частной теории русско-якутского перевода проблема перевода терминов, в том числе и учебно-научных терминов, всегда была в центре внимания. Изучение научного терминообразования в якутском языке проводилось в двух аспектах. Первое, это исследование способов образования терминов в якутском языке. Из ранних исследователей сюда относятся работы П.А. Ойунского, Тарского Г.С., Харитоновой С.П., А.Е. Кулаковского, И.Н. Попова, А.А. Иванова-Кюндэ, Г.В. Баишева-Алтан-Сарын [2, с. 10-17], также сюда относятся авто-

ры словарей, составленных, выпущенных в период с 1917 года до конца 80-х годов XX-го столетия [3, с. 7-15]; из современников терминосистему отдельных отраслей якутского языка исследовали Е.И. Оконешников, Л.А. Афанасьев-Тэрис, В.И. Быганова и другие авторы двуязычных словарей терминов, выпущенных с 90-х годов XX в. по сегодняшний день [4, с. 56-67].

Второй аспект связан с изучением способов перевода терминов с русского языка на якутский язык. Статья академика П.А. Слепцова «Якутская терминология» посвящена актуальной на сегодняшний день как в науке, так и в общественно-социальной жизни республики проблеме – вопросам терминологии. В этой работе исследуется история зарождения якутской терминологии и комплексно обосновываются этапы ее становления как отдельной науки. Особое внимание уделено описанию исторических, социально-культурных предпосылок зарождения якутской терминологии, также выделяются и описываются связи между терминообразованием и становлением норм якутского литературного языка. Несомненным достоинством работы является убедительная характеристика, преобладающих в каждом отдельном историческом этапе, принципам и способам образования терминов. Для русско-якутского перевода интересны взгляды автора о переводе терминов, которые касаются проблем их эквивалентной и адекватной передачи, семантической интерференции в терминотворчестве, подбора якутского соответствия к русским терминам, а также специальных морфологических и гибких аналитических способов перевода [5, с. 207-225].

Первым, кто выделил способы русско-якутского перевода терминов был Е.И. Оконешников. В своей монографии он выделяет четыре способа перевода терминов: эквивалентная передача, калькирование, фонетическая адаптация, заимствование без внешних изменений [4, с. 36-38]. Петрова Т.И. в своем учебном пособии также рассматривает способы перевода терминов и абстрактной лексики. Так, она выделяет такие способы перевода терминов как эквивалентный и адекватный перевод, транскрипцию и транслитерацию, использование русского варианта термина без внешних изменений, использование при переводе разных способов терминообразования [6, с. 12-13]. Однако у ранних исследователей терминологии якутского языка нет четкого разграничения между способами терминообразования и способами перевода терминов.

Молодые исследователи терминологии якутского языка, основываясь на работах теоретиков отечественного переводоведения как В.Н. Комиссаров, С.И. Влахов и С.П. Флорин, определяют закономерности русско-якутского перевода терминологии. Так, Акимова А.С. объектом исследования своих научных статей выбирает способы перевода терминов с русского языка на якутский [7]. В одном из них она анализирует два вида калькирования (структурной и семантической) и приходит к выводу, что этот способ является очень эффективным приемом для перевода терминов с русского языка на якутский [8, с. 12].

Исследование перевода терминов в качестве диссертационной работы было произведено Борисовой Ю.М. на примере перевода социально-экономических терминов. В этой диссертации рассматриваются словарные переводы (не текстовые), имеющие прямые межъязыковые соответствия в русском и якутском языках. При этом подчеркивается, что «Терминографический перевод зависит не от контекста, как при свободном переводе, а от терминологического поля, в котором термин получил терминологическое значение, будучи в системе отдельных отраслей» [9, с. 4]. Ею дается детальная классификация способов русско-якутского перевода социально-экономических терминов, которая разделена на такие виды: I. Терминологическая лексика, имеющая межъязыковые соответствия: 1) эквивалентный перевод (полный эквивалент, сложные и составные термины, парные образования, суффиксальное терминообразование); 2) вариантные соответствия (разнокоренные сигнификаты, дублетные образования, синонимы по денотату, синонимы по сигнификату); II. Терминологическая лексика, имеющая ситуативные соответствия: 1) сокращенный перевод (сокращение по той модели, как передано русское слово-термин, изафетные словосочетания, передача словосложения, слоговое сокращение); 2) конкретизация и генерализация; III. Терминографическое упорядочение

переводной социально-экономической терминологической лексики, не имеющей межъязыкового соответствия: 1) описательный перевод (описательный перевод, описательный перевод с кратким пояснением или комментарием); 2) калькирование (семантическое калькирование, структурное калькирование); 3) фонетическая адаптация и транскрибирование; прямое заимствование и транслитерация [9, с. 12-20].

В данной статье, в отличие от предыдущих работ, производится исследование перевода терминов непосредственно в конкретно взятом тексте, т.е. текстовый перевод терминов, основанный на анализе собственного перевода. Цель статьи заключается в определении наиболее приемлемых способов текстового перевода естественно-научной терминологии с русского языка на якутский язык. Актуальность темы исследования определяется тем, что в частную теорию русско-якутского перевода вводится вопрос текстового перевода терминологической лексики. Другим определением актуальности исследуемого вопроса становится недостаточная изученность лингвистических особенностей учебно-научного стиля якутского языка, который в большинстве своем является переводным.

Материал исследования

В качестве материала исследования были взяты оригинал и перевод учебника «*Окружающий мир*» (*Тулалыыр эйгэ*) под авторством Чудиновой Е.В., Букваревой Е.Н., соответствующий ФГОС. Перевод на якутский язык указанного учебника был выполнен автором данной статьи в 2011-2012 гг., по заказу республиканского издательства «Бичик» [10, 11, 12]. Таким образом, статья представляет собой анализ собственного перевода автора. В нашей выборке всего 892 термина, сфера распространенности которых довольно широка:

1) общеучебные и учебные термины (*книга – кинигэ, учебник – үөрэх кинигэтэ, школа – оскуола, класс – кылаас, начальная школа – алын сүһүөх оскуола, введение – кириитэ; раздел – салаа; глава – түһүмэх, практическая работа – практической үлэ, оглавление – иһинээбитэ, способ – ньыма, стиральная резина – сотор эрэһинэ*);

2) естественно-научные, в основном термины ботаники, зоологии, анатомии, географии, математики, физики, экологии (*ягель – лабыкта, яйцо – сымыт, шишка – туораах, усики – бытык, трицепс – илии былчынга, утес – суорба таас, устье реки – өрүс төрдө, течение – суурук, уголь – таас чох, горизонт – сабах, давление – баттааһын, частица – өлүүскэ, хрупкий – үлтүркэй, теплота – сылаас, скорость – түргэнэ, сила – күүс, поверхность – ньуур, площадь – иэн, плотность – чингэ*);

3) общественно-политические, в частности, термины истории, социальные, экономические, психологии (*страна – дойду, общество – уопастыба, происшествие – быһылаан, профессия – идэ, алтарь – кэрэх тутар сир, возраст дошкольный – чөмчүүк саастаах, возраст школьный – оскуола саастаах состояние предметов – предметтэр туруктара*);

4) военная терминология (*военный – байыаннай, генерал – генерал, ньядьараал*);

5) термины геологии (*газ природный – айылҕа гаһа, газ удушливый – тумнарар гаас, горная порода магматическая – магматической хайа боруодата, сир анныттан тобо ыһыллан тахсыбыт хайа боруодата, горная порода метаморфическая – хайа уларыйбыт (метаморфической) боруодата, горная порода осевшая – хайа сөнмүт боруодата, полезные ископаемые – сиртэн хостонор баай*);

6) термины астрономии (*звезда – сулус, созвездие – бөлөх сулус, Большая медведица – Улахан Арагас; Малая медведица – Аччыгы Арагас*);

7) термины химии (*соли – туус, растворы солей – туус сурадаһына*);

8) термины медицины (*гепатит – саһарар ыарыы, география болезни – ыары тарҕаныыта (географията), дизентерия – ис дьанга (дизентерия), пневмония – сэбиргэхтэтии*);

9) термины физической культуры (*гимнастика – эти-хааны эрчийи, приседание – туруу-олоруу*);

10) термины правил дорожного движения (*пешеход – сатыы киһи, переход пешеходный – анал туоруур сир, переход наземный – сир үрдүнээби суолу туоруур сир, переход подземный – сир аннынаабы суолу туоруур сир*);

11) термины филологии (*повествование – сэхэргээһин, рассуждение – тойоннооһун, рассказ – кэпсээн, речь – саҥа, словарь толковый – быһаарыылаах тылдьыт*).

Таким образом, в учебниках «Окружающего мира» можно найти весь спектр терминологии, который отражен в богатой терминографии якутского языка. Однако, учитывая основную задачу предмета «Окружающий мир» в начальной школе, которая заключается в преподнесении основ естественных и социальных наук [13], естественно-научная терминология, конечно же, преобладает. Термины были извлечены путем сплошной выборки из оригинального и переводного учебников и были исследованы с помощью метода сравнительно-сопоставительного анализа перевода с оригиналом, статистического метода, метода словообразовательного анализа, лексико-семантического анализа.

Фонетические способы перевода естественно-научной терминологии

Транслитерация (прямое заимствование), т.е. использование иноязычных терминов без внешних изменений, без изменений звуковой формы. Он используется в тех случаях, когда у термина нет эквивалента или сложно подобрать фонетическую адаптацию: *сталагмит, сталактит, сапфир, лецина, нарцисс, амеба, хлорофиллит, цикорий*. Отличительная особенность его в том, что оно «обогащает язык словами с **новой звуковой оболочкой**, пришедшей из других языков. Семантика заимствованного слова при этом бывает как новой для принимающего языка, так и в той или иной степени дублирующей семантику уже существующих в нем лексем» [16]. Прямое заимствование из русского языка в якутский язык характеризуется «своей изолированностью от системы данного языка, своей неконтактностью, отсутствием возможности вторых и дополнительных осмыслений» [5, с. 222]. С помощью этого способа в якутский язык проникают, в основном, термины, состоящие из древнегреческих и латинских элементов. По утверждению Е.И. Оконешникова, «усилия якутских терминоведов должны быть направлены на поиски морфем и аффиксов, эквивалентным их греческим и латинским прототипам» [4, с. 38]. Высокий процент соотношения прямых заимствований в переводных учебниках по окружающему миру (23,3 %) говорит о том, что пока не ко всем древнегреческим и латинским элементам удастся найти эквивалентные лексические и грамматические варианты.

Транскрибирование (фонетическая адаптация), т.е. изменение внешней оболочки (звуковой формы) термина согласно фонетическим особенностям якутского языка: *порода* ‘боруода’, *текст* ‘тиэкис’, *японец* ‘дьоппуон’, *яблоко* ‘дьаабылыка’, *чертеж* ‘чөртүөс’, *правительство* ‘бырабыыталыстыба’, *селедка* ‘сөлүөккэ’, *рюкзак* ‘үрүсээк’, *царство* ‘саарыстыба’ и т.д. Этот способ занимает 18,3 % от всего количества терминологии учебника. В якутской терминологии существует спор между использованием транслитерации и транскрипции в переводе. Так в наших примерах оказалось 44 транслитерированных термина, которые в орфографическом словаре якутского языка представлены в транскрипции, например: *вещество* ‘бэссэстибэ’, *график* ‘кырааптык’, *деталь* ‘дэтээл’, *командировка* ‘хомондьуруупка’, *лимон* ‘лүмүөн’, *меню* ‘мөһүү’, *радиостанция* ‘арадьыыс’, *температура* ‘тэмпэрэтиирэ’ и т.д.

Расхождение между учебником и словарем в правописании заимствованных терминов объясняется следующими причинами: 1) перевод учебника был издан раньше (2013) нового орфографического словаря якутского языка (2015) [17, с. 457]; 2) несогласованность взглядов переводчика и редакции (некоторые транскрипции переводчика изменены редактором на транслитерации: ‘бактыарыйа’ на ‘бактерию’, ‘сыыр’ на ‘сыр’, ‘килэмиэтир’ на ‘километр’; и, наоборот, транслитерации переводчика отредактированы как транскрипции: ‘балкон’ на ‘болкуон’, ‘автобус’ на ‘оптуобус’, ‘тюлень’ на ‘түлүөн’); 3) исторически сложившийся принцип транслитерации (прямого заимствования) русских слов без изменений звуковой формы, который был актуален долгое время с 40-х годов до конца 80-х годов прошлого столетия [5]. Если для устоявшихся терминов транскрипция (фонетизированная адаптация) не вызывает сомнений, то для преломления ситуации с терминами, функционирующими в таком виде с недавних пор, конечно же, необходимо какое-то время. Мы согласимся с мнением Е.И. Оконешникова,

который утверждает, что «вместе с фонетическим адаптированием заимствованных терминов передается красота, музыкальность и эстетика языка саха, в недавнем прошлом не принимавшая во внимание» [4, с. 38]. Таким образом, итог статистического анализа терминов в нашей выборке, где транслитерация занимает 23,3 %, а транскрипция – 18,3 %, весьма условен. Если учесть эти 44 спорных термина, то ситуация может измениться кардинально в пользу транскрипции (табл. 1).

Таблица 1

Транслитерация (прямое заимствование)	Транскрипция (фонетическая адаптация)
208 (-44) = 164	163 (+44) = 207
23,3 % / 18,3 %	18,3 % / 23,3 %

Лексические способы перевода естественно-научной терминологии

Из всех способов лексической замены самый большой процент занимает *эквивалентный перевод* (34 %). Выбор в пользу эквивалентного перевода закономерен: в учебниках для младших школьников используется широко распространенная общенаучная терминология, которая широко известна и которая дает основы общенаучного знания.

К эквивалентному переводу терминов относятся следующие способы образования терминов в якутском языке: 1) якутская народная терминологическая лексика (*самка* ‘тыһы’, *самец* ‘атыыр’, *стебель* ‘умнас’, *грудная клетка* ‘агдака’, *цвет* ‘өн’), их мы называем полными эквивалентами; 2) образование терминов из собственных ресурсов языка, сюда мы относим аффиксальное терминоподобное образование (*введение* ‘кириитэ’, *подосиновик* ‘тэтингэйи’, *случай* ‘түбэлтэ’, *полушарие* ‘эргимтэ’, *гипотеза* ‘сабаҕалааһын’), сложные и составные термины (*подорожник* ‘бохсурҕан от’, *осязание* ‘тутан-хабан билии’, *признак* ‘ураты бэлиэ’, *заводь* ‘өрүс хомото’), а также парные термины (*тело* ‘этэ-сиинэ’).

Эквивалентная школьная естественно-научная терминология учебника «Окружающий мир» полностью подходит для передачи значения русских терминов, она проста и конкретна, а самое главное, она давно укоренилась в якутском языке.

Лексическая замена может быть осуществлена способом калькирования. По поводу семантического и структурного *калькирования* мы согласны с мнением якутских терминоведов, что этот способ является очень эффективным приемом для перевода терминов с русского языка на якутский язык [4, 8]. При калькировании заимствуется лексическое значение иноязычного слова, но не его звуковая форма. Фонетическая оболочка создается средствами якутского языка с помощью: 1) перевода морфем, входящих в состав иноязычной лексемы, 2) исконной лексемы, приобретающей значение заимствованного термина. Соответственно различают два вида калькирования терминов: а) семантическое, которое преобразует значение уже существующего в языке слова под влиянием другого языка; б) структурное, которое воссоздает лексическое значение иноязычного термина путем полной или частичной передачи его морфемной структуры.

Семантическое калькирование – это существующие в якутском языке слова, которые получили новое значение под влиянием русского языка: (*спутник* ‘аргыс’, *страница* ‘сирэй’, *кратер* ‘үөлэс’ (в сочетании *булкаан үөлэһэ* ‘кратер вулкана’), *сила* ‘күүс’ (в сочетании *аалсыы күүһэ* ‘сила трения’), *уровень* ‘таһым’, *мир* ‘эйгэ’ (в сочетании *тулалыыр эйгэ* ‘окружающий мир’)). Здесь заимствованным является смысл иноязычного слова, его значение. Само же слово по своему звучанию, материальному составу и словообразовательной структуре является исконным. Структурное калькирование в лексикологии называется *словообразовательным* или *лексико-словообразовательным*. Они создаются путем полной или частичной передачи морфемной структуры иноязычного слова и воспроизводят его лексическое значение. Структурной калькой является составной термин ‘биир сыллаах үүнэйи’, который происходит от сочетания *однолетние растения*. Сложное слово *однолетние* переводится словосочетанием

‘биир сыллаах’, а *растение* передается эквивалентом ‘үүнээйи’. Другие примеры структурных калек: *мертвая петля* ‘өлүү туһаҕа’, *твердое состояние* ‘кытаанах турук’, *ложный белый гриб* ‘албын үрүн тэллэй’, *земноводные* ‘уу-хонуу харамайдара’.

Так же, как и все лексические трансформации, удачные кальки терминов могут со временем перейти в разряд эквивалентов и восприниматься носителями языка как исконная лексема: *топливо* ‘оттук’, *состояние* ‘турук’, *соня* ‘утуйаан’.

Генерализация, т.е. замена слова или словосочетания исходного языка с более узким значением словом или словосочетанием переводного языка с более широким значением: *Рассмотри предметы, принесенные учителем (куриное яйцо, картофелину, заводную игрушку и другие предметы)*. ‘Учуутал аҕалбыт араас сээкэйин (куурусса сыммыта, хортуоска, собуоттанар оонньуур, уо.д.а. ол-бу) болҕойон көр’. В словаре русского языка лексема *предмет* определяется как ‘всякое материальное явление, вещь’ [14, с. 514] и имеет более конкретное терминологизированное значение; а лексема *сээкэй* со значением ‘мелкие, не имеющие особой ценности вещи, барахло’ [15, с. 620] носит более расплывчатое широкое значение. Следовательно, в двуязычной паре *предмет* ‘сээкэй’, значение переводной лексемы имеет гораздо широкую семантику, чем оригинальная.

Опущение термина в языке перевода часто происходит по узуальным нормам языка перевода: *Разные породы кроликов отличаются размерами, формой ушей, окрасом шкурки*. ‘Араас боруода куруолук кээмэйэ, кулгааҕын быһыыта, өнө-дьүһүнэ тус-туһунан буолар’. Здесь переводчик использовал узуальное парное сочетание ‘өн-дьүһүн (окрас)’, которое, расширяя семантику слова, помогает избежать прямого перевода – ‘түүтүн өнө (окрас шкурки)’.

Вода покрывает большую часть земной поверхности ‘Уу сир улахан ангарын ылар’ вместо буквального перевода ‘Уу сир **ньуурун** (поверхность) улахан ангарын ылар’. Конечно же, в некоторых случаях, особенно в переводе явлений физики, термин *поверхность* обязательно переводится семантической калькой ‘ньуур’, но в данном контексте опущение термина более уместно в силу узуальных норм языка перевода.

Добавление термина в переводе, например, *Сравнения по признакам. Ряды ‘Предметы ураты бэлиэтинэн тэннээн көрүү. Кэккэлэр’*. Этот пример взят из заглавия параграфа учебника, при переводе которого произошло добавление уточняющего слова исходя из содержания текста параграфа. В самом тексте параграфа речь идет о бумаге (предмете), поэтому в переводе добавлен уточняющий содержание текста термин. Однако в следующем переводе заглавия другого параграфа такого добавления не наблюдается: *Сравнения по признакам. Классификации ‘Ураты бэлиэлэринэн тэннээн көрүү. Наардааһын’*. В тексте этого параграфа речь идет о вещах (посуда, транспорт, жилье), однако перевод идет без уточняющего слова.

Одновременное использование русского и якутского вариантов терминов – это использование в одном ряду или тексте двух или более вариантов одного термина. В учебниках в одном ряду одновременно используются якутский и русский варианты терминов, причем последний дается в скобках: *хорек* ‘хороонньут (хорек)’, *тыква декоративная* ‘киэргэл (декоративнай) тыква’, *дизентерия* ‘ис дьана (дизентерия)’. Здесь якутский вариант термина обычно переводится эквивалентом или аналогом. Этот своеобразный «двуязычный словарь» делается для большей доступности содержания учебника как для учителей, так и для учеников. В одном ряду русский вариант термина может использоваться и с якутским термином, переведенным с помощью описательного перевода. Описательный перевод вместе с русским вариантом термина используется при переводе относительно новых образований: *циклический процесс* ‘хос-хос хатыланар (циклическэй) процесс’, *синоптик* ‘халлаан туругун билгэлиир киһи (синоптик)’, *пластмассовый нож* ‘пластмасс (биирдэ туттуллар) быһах’, *кern* ‘кern (хайа боруодатын образеһа)’.

В условиях естественного двуязычия, существующего в республике, прием одновременного использования русского и якутского вариантов термина может дать свои положительные результаты.

Лексико-грамматические способы перевода естественно-научной терминологии

Смена части речи. При переводе терминов происходит морфологическая трансформация, в частности, замена существительного глаголом в настоящем времени: *замерзание* ‘тонгор’, *таяние* ‘уулар’, *конденсация* ‘сөнгөр’, *испарение* ‘көтөр’. Такой перевод оправдан в данном контексте, где в схеме указаны уу ‘вода’, муус ‘лёд’, паар ‘пар’ в виде подлежащих, а глагол настоящего времени выдан в качестве сказуемого: уу – *тонгор* ‘вода – замерзает’. Такая же трансформация частей речи происходит в следующем примере: **Испарение** (имя сущ.) – *это превращение воды в пар* ‘Уу паар буоларын **уу көтөр** (глагол) диэн ааттыыллар’.

Другой пример: *По каким признакам можно классифицировать машины? Предложи свою классификацию* (имя сущ.). *Послушай, какую классификацию* (имя сущ.) *предложат другие ребята.* ‘Массыналары хайдах наардыахха сөбүү? Бэйэн **наардаан көр** (дееприч. в составном сказуемом). Оҕолор хайдах **наардаабыттары**н иһит’ (причастие).

Еще пример: *На фотографиях видно, что животные, как и люди испытывают разные эмоции. Это отражается в их мимике и жестах* ‘Хаартыскаҕа кыыл эмиэ киһи курдук үөрэрэ-хомойоро көстөр. Ол барыта сирэйин-харабын олоруутугар, **туттарыгар-хаптарыгар** (причастие) биллэр’.

В случаях смены части речи при переводе происходит потеря терминологического значения лексемы.

В практике терминотворчества якутского языка широко используются различные грамматические категории и формы в именном значении [5, с. 217]. Однако в наших примерах это не случаи лексикализации, а именно морфологическая замена частей речи, обусловленная трансформационными изменениями всего строя предложения. А изменение строя предложения происходит с целью сохранения грамматических норм переводного языка. Если предложение русского языка *Предложи свою классификацию* перевести на якутский язык как ‘Бэйэн **наардааһын**гы биэр’, то стиль переводного текста воспринимается как книжный за счет калькирования расщепленного сказуемого. Вариант перевода стилистически нейтральным составным глагольным сказуемым ‘Бэйэн **наардаан көр**’ вместо расщепленного сказуемого является более приемлемым для узуальной нормы якутского языка. О подобных грамматических вариантах, возникающих при переводе, Т. И. Петрова говорила, что выбор грамматической формы перевода зависит от стиля текста [6, с. 55]. Так как язык учебника не предполагает сложной абстрактной лексики, на наш взгляд, смена имени существительного на другие части речи вполне допустима, тем более подобная грамматическая трансформация помогает избежать калькирования структуры предложения с русского языка на якутский.

Описательный способ перевода осуществляется с помощью аналитического способа образования слова. Хотя краткость является одним из основных критериев, предъявляемых к терминам, аналитический способ широко используется в якутском языке, который является скорее аналитическим языком, чем синтетическим: *пешеходный переход* ‘анал туоруур сир’, *дворник* ‘тэлгэһэ харбааччы’, *гимнастика* ‘эти-хааны эрчийии’. Описательный способ прекрасно подходит для замены иноязычного термина и передает все значение термина. Однако чрезмерная многословность может стереть само значение термина, например, обилием слов характеризуются следующие переводы терминов: *небоскреб* ‘халлаанга харбаспыт үрдүк дьиэ’, *магматическая горная порода* ‘сир анныттан тоҕо ыһыллан тахсыбыт хайа боруодата’.

Текстовый комментарий в языке перевода к терминам оригинала

В редких случаях дается текстовый комментарий к терминам: *Все их тело покрыто панцирем. На теле можно увидеть **насечки**. Поэтому их и называли **насекомыми*** ‘Тастара бүтүннүү куйах хаалаах, онно киһи хараҕар үчүгэйдик көстөр кэрдиистээх буолар. Нууччалы маньы “**насечка**” дииллэр. Ол иһин бу харамай нууччалы аата “**насекомые**” диэн буолбут, онтон сахалыта үөн-көйүүр дэнэр’. В оригинальном тексте дается объяснение происхождения термина, поэтому в тексте перевода включено это объяснение в виде комментария наряду с якутским переводом термина. Однако текстовые комментарии нежелательны, так как даже

визуально заметно, что они удлиняют сам текст. А в переводном учебнике существует лимит строк, который не должен превышать объем оригинального текста.

Таким образом, учебная естественно-научная терминология переводится по большей части способом эквивалентной замены. Процентное соотношение способов перевода дается в таблице 2 в порядке убывания.

Таблица 2

Эквивалентная замена	Транслитерация	Транскрипция	Калькирование	Одновременное использование русского и якутского вариантов термина	Описательный п.	Генерализация	Смена части речи	Добавление	Опущение	Текстовый комментарий
34 %	23,3 %	18,3 %	14,3 %	6,3 %	2,2 %	0,5 %	0,4 %	0,3 %	0,3 %	0,1 %

Отличительной чертой перевода терминов в непосредственно взятом тексте является наличие вариантных соответствий к терминам в зависимости от контекста. Понятно, что для терминов обычными, закономерными являются эквивалентные соответствия, однако могут быть и вариантные контекстуальные соответствия. Например, термин *погода* в зависимости от контекста в учебнике переводится в разных лексико-грамматических вариантах как ‘халлаан’, ‘халлаан туруга’, ‘хайдах күн’, ‘хайдах күн турара’, где термином является только сочетание ‘халлаан туруга’:

1. *Какая бывает погода* ‘Хайдах халлаан турарый?’, 2. ... *чтобы узнать, какая сейчас погода* ‘бүгүнгү халлаан туругун билээри...’, 3. *Подойди к окну. Опиши словами какая сейчас погода?* ‘Түннүгүнэн көр эрэ. Бүгүн таһырдыа хайдах күн буолбутун кэпсээ’, 4. *Рассмотрите пейзажную фотографию, предложенную учителем... Опишите словами погоду* ‘Учуутал аҕалбыт айылҕа хаартыскатын өйдөөн көрүн... Хайдах күн турарын тылгытынан кэпсээн’.

Иногда выбор варианта перевода зависит от стиля текста. В учебнике наряду с учебно-научным стилем могут быть представлены и тексты художественные (стихи, рассказы, сказки), публицистические и другие. Так, военная терминология *генерал* в отрывке учебно-научного стиля переводится транслитерацией как ‘генерал’ (‘М.Е. Салтыков-Щедрин ...икки генерал туһунан остуоруйаны суруйбутун аабын’) и в художественном тексте архаической транскрипцией как ‘ньадьараал’ (‘Иһит эрэ, үрдүк сололоох тойон ньадьараал, ...’).

Различные вариантные соответствия к терминам могут быть обусловлены сохранением литературных норм языка перевода. Например, термин *способность*, который в русско-якутских словарях дается как ‘кыха, дьобур’, переводчиком интерпретируется как *бэлэх* (‘дар, подарок’), исходя из рядом стоящих с ним лексических единиц: *Вкус, слух, зрение, осязание, обоняние – это способности, которыми природа наделила человека* ‘Амтан, сыт, истии, көрүү, тутан билии диэн айылҕа киһиэхэ биэрбит бэлэхэ’. В данном конкретном случае переводная лексема *бэлэх* наиболее сочетаемо с существительным *айылҕа* (‘природа’) и глаголом *бизр+бит* (‘наделила’). В якутских переводах терминологическое значение терминов, конечно же, стирается, они превращаются в обычные лексемы, не термины.

Заключение

Исследование лексических, грамматических и стилистических особенностей перевода научных текстов имеет значение не только для установления переводческой эквивалентности и адекватности, но и для нормализации лингвистических особенностей научного стиля якутского литературного языка.

Из всех проблем перевода научной литературы в якутском переводоведении и языкознании наиболее изученным является проблема перевода терминологии. В последнее время появи-

лись диссертационные исследования по переводу терминов в терминографическом аспекте, однако текстовый перевод терминов пока не изучен. Имеется достаточно основательная классификация способов русско-якутского перевода терминов экономики.

В учебниках окружающего мира можно найти весь спектр терминологии, которые отражены в терминографии якутского языка. Однако, учитывая основную задачу предмета «Окружающий мир» в начальной школе, которая заключается в преподнесении основ естественных и социальных наук, естественно-научная терминология преобладает.

В последние годы среди якутской общественности возросло желание находить замену заимствованным посредством русского языка интернациональным терминам. Даже, казалось бы, уже укоренившиеся термины-заимствования не устраивают общественность. В такой ситуации русско-якутские переводчики стараются переводить термины, чем транслитерировать или транскрибировать их. Однако, несмотря на огромное желание терминотворческой работы, использование терминологических неологизмов в учебниках для школы, к языку которого стоит требование максимального соответствия общепринятым литературным нормам, нежелательно. Поэтому в переводе естественно-научной терминологии предпочтительно ориентироваться на существующие учебные и отраслевые терминологические словари, в которых зафиксированы хорошо укоренившиеся в школьном образовании учебно-научные термины.

Среди всех способов перевода естественно-научной терминологии по частоте использования на первую позицию выходит эквивалентный перевод (34 %), который является наиболее предпочтительным способом перевода терминологической лексики. Если не удастся найти лексическую замену к терминам, используются фонетические способы перевода, это – транслитерация и транскрипция. В переводном учебнике окружающего мира транслитерация терминов используется чуть больше (23 %), чем их транскрипция (18,3 %). Использование транслитерации или транскрипции в якутском переводе во многом зависит от орфографических правил правописания заимствованных из русского языка терминов, которые регламентируют фонетическую адаптацию русских терминов с учетом эвфонии. Однако, сложившаяся в якутском языке традиция использования заимствованных терминов без внешних изменений диктует свои условия в современном переводном тексте.

Затем идет калькирование (14 %), который делится на семантическое и структурное калькирование, также сюда примыкают полукальки. Калькирование способно передать однозначность и точность термина-оригинала. Одновременное использование в одном ряду якутского и русского вариантов терминов, занимает 6,3 %. Этот способ применяется для того, чтобы облегчить понимание содержания текста учащимися-билингвами, для которых естественно-научный термин русского языка более понятен и привычен, чем его якутский эквивалент. Вместе с тем, он позволяет расширить функциональные возможности якутского языка, воскрешая якутскую народную терминологию и создавая новые образования.

Лексико-семантический способ перевода характеризуется методом описательного перевода, который занимает небольшой процент (2,2 %), так как велика опасность потери значения термина и превращение его в обычный текстовый комментарий. По той же причине потери значения термина использование генерализации нежелательно для перевода термина, в нашем материале оно занимает всего 0,5 %. Совсем мизерный процент занимают способы смены части речи (0,4 %), добавления (0,3 %), опущения (0,3 %) и текстового комментария (0,1 %), при применении которых значение термина теряется. Однако их использование оправдано целями соблюдения узувальных и литературных норм языка перевода.

Перевод терминов в зависимости от контекста отличается от терминографического, так как здесь перевод термина осуществляется, учитывая значение рядом стоящих лексических единиц, а также значение, которое приобретает слово-термин в контексте.

Литература

1. Слепцов П.А. Якутский перевод (прошлое, настоящее, будущее) / П.А. Слепцов // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики: Мат. Науч-практ.конф. «Практика перевода в Республи-

ке Саха (Якутия): проблемы и перспективы”. 24 февраля, 2005 г. Якутск, 2006. – С. 3-21. (На якутском языке)

2. Борисова Ю.М. Принципы описания терминологии языка саха в лингвистике 1920–1940-х годов / Ю.М. Борисова – DOI 10.24224/2227-1295-2018-4-9-20 // Научный диалог. – 2018. – № 4. – С. 9-20.

3. Быганова В. И. Якутская терминология (этапы становления): Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. по специальности 10.02.06 / В. И. Быганова. – Якутск, 1996. – 21 с.

4. Оконешников Е. И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии) / Е. И. Оконешников. – Якутск : СО РАН. Якутский филиал, 2004. – 196 с.

5. Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания: сб. научн. ст. / Сост. Н.И. Данилова, Н.Н. Васильева; отв.ред. Н.И. Иванова. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2008 – 544 с.

6. Петрова Т.И. Русско-якутский перевод (частная теория перевода): Курс лекций для студентов. – Якутск: ЯГУ, 2005. – 100 с. (На якутском языке)

7. Акимова А.С. Транслитерация как способ передачи реалий в якутских терминологических словарях (на материале словарей, изданных в конце 90-х г.г.) / А.С. Акимова // Наукoвий огляд. – 2020. – № 1(64) – С. 199-206.

8. Акимова А.С. Способы калькирования с русского на якутский язык (на материале «Русско-якутского словаря учебных терминов») / А.С. Акимова // Наукoвий огляд. – 2019 – № 9(62) – С. 6-13

9. Борисова Ю.М. Перевод социально-экономической терминологической лексики якутского языка: терминографический аспект. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени к.ф.н. по специальности 10.02.02. – Якутск, 2013. – 24 с.

10. Чудинова Е.В. Тулалыыр эйгэ: 1 кылаас: алын кылаас үөрэнэр кинигэтэ / Е.В. Чудинова, Е.Н. Букварева; [нууччалыыттан сахалыы тылб. Л.Е. Манчурина]. – М.: Вита-Пресс; Дьокуускай: Бичик, 2012. – 96 с. (На якутском языке)

11. Чудинова Е.В. Тулалыыр эйгэ: 2 кылаас: алын кылаас үөрэнэр кинигэтэ / Е.В. Чудинова, Е.Н. Букварева; [нууччалыыттан сахалыы тылб. Л.Е. Манчурина]. – М.: Вита-Пресс; Дьокуускай: Бичик. 2012. – 144 с. (На якутском языке)

12. Чудинова Е.В. Тулалыыр эйгэ: 3 кылаас: алын кылаас үөрэнэр кинигэтэ / Е.В. Чудинова, Е.Н. Букварева; [нууччалыыттан сахалыы тылб. Л.Е. Манчурина]. – М.: Вита-Пресс; Дьокуускай: Бичик. 2013. – 160 с. (На якутском языке)

13. Чудинова Е.В. Методика преподавания курса «Окружающий мир». 1 класс: пособие для учителя / Е.В. Чудинова, Е.Н. Букварёва. – электрон. текст. дан. (41,4 Мб) – URL:<http://files.lbz.ru/authors/nsh/1/126-met.pdf>

14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 57.000 слов– 14-е изд-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1983 / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 847 с.

15. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта : [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2012. – Т. 1: (буква: С: сөллөй – сээн, буква h) / под ред. П. А. Слепцова. – 640 с.

16. Скрытое заимствование в лексике // <https://rus-et.ru/istoriya-yazyka/obshhie-voprosy/skrytoe-zaimstvovanie-v-leksike/>

17. Орфографический словарь якутского языка Около 32.000 слов. / редколл.: А.Г. Нелунов и др. – Якутск: Бичик, 2015. – 480 с. (На якутском языке).

References

1. Slepcev P.A. Jakutskij perevod (proshloe, nastojashhee, budushhee) / P.A. Slepcev // Aktual'nye problemy perevoda v svete jazykovoj politiki: Mat. Nauch-prakt.konf. “Praktika perevoda v Respublike Saha (Jakutija): problemy i perspektivy”. 24 fevralja, 2005 g. Jakutsk, 2006. – S. 3-21. (Na jakutskom jazyke)

2. Borisova Ju.M. Principy opisaniya terminologii jazyka saha v lingvistike 1920–1940-h godov / Ju.M. Borisova – DOI 10.24224/2227-1295-2018-4-9-20 // Nauchnyj dialog. – 2018. – № 4. – S. 9-20.

3. Byganova V. I. Jakutskaja terminologija (jetapy stanovlenija): Avtoreferat diss. na soisk. uch. stepeni k.f.n. po special'nosti 10.02.06 / V. I. Byganova. – Jakutsk, 1996. – 21 s.

4. Okoneshnikov E. I. Lingvisticheskie aspekty terminologii jazyka saha (na materiale obshhej i otraslevoj leksikografii) / E. I. Okoneshnikov. – Jakutsk : SO RAN. Jakutskij filial, 2004. – 196 s.

5. Slepcev P.A. Stupeni i problemy jakutskogo jazykoznanija: sb. nauchn. st. / Sost. N.I. Danilova, N.N. Vasil'eva; отв.red. N.I. Ivanova. – Jakutsk: IGiPMNS SO RAN, 2008 – 544 s.

6. Petrova T.I. Russko-jakutskij perevod (chastnaja teorija perevoda): Kurs lekcij dlja studentov. – Jakutsk: JaGU, 2005. – 100 s. (Na jakutskom jazyke)

7. Akimova A.S. Transliteracija kak sposob peredachi realij v jakutskih terminologicheskikh slovarjah (na materiale slovarej, izdannyh v konce 90-h g.g.) / A.S. Akimova // Naucovij ogljad. – 2020. – № 1(64) – S. 199-206.

8. Akimova A.S. Sposoby kal'irovanija s russkogo na jakutskij jazyk (na materiale "Russko-jakutskogo slovarja uchebnyh terminov") / A.S. Akimova // *Naukovij ogljad*. – 2019 – № 9(62) – S. 6-13
9. Borisova Ju.M. Perevod social'no-jekonomicheskoj terminologicheskoj leksiki jakutskogo jazyka: terminograficheskij aspekt. Avtoreferat diss. na soisk. uch. stepeni k.f.n. po special'nosti 10.02.02. – Jakutsk, 2013. – 24 s.
10. Chudinova E.V. Tulalyyr jejjje: 1 kylaas: alyn kylaas yorjenjer kinigjetje / E.V. Chudinova, E.N. Bukvareva; [nuuchchalyyttan sahalyy tylb. L.E. Manchurina]. – M.: Vita-Press; D'okuuskaj: Bichik, 2012. – 96 s. (Na jakutskom jazyke)
11. Chudinova E.V. Tulalyyr jejjje: 2 kylaas: alyn kylaas yorjenjer kinigjetje / E.V. Chudinova, E.N. Bukvareva; [nuuchchalyyttan sahalyy tylb. L.E. Manchurina]. – M.: Vita-Press; D'okuuskaj: Bichik. 2012. – 144 s. (Na jakutskom jazyke)
12. Chudinova E.V. Tulalyyr jejjje: 3 kylaas: alyn kylaas yorjenjer kinigjetje / E.V. Chudinova, E.N. Bukvareva; [nuuchchalyyttan sahalyy tylb. L.E. Manchurina]. – M.: Vita-Press; D'okuuskaj: Bichik. 2013. – 160 s. (Na jakutskom jazyke)
13. Chudinova E.V. Metodika prepodavanija kursa «Okružhajushhij mir». 1 klass: posobie dlja uchitelja / E.V. Chudinova, E.N. Bukvarjova. – jelektron. tekst. dan. (41,4 Mb) – URL: <http://files.lbz.ru/authors/nsh/1/126-met.pdf>
14. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. Okolo 57.000 slov– 14-e izd-e, stereotip. – M.: "Russkij jazyk", 1983 / pod red. N.Ju. Shvedovoj. – 847 s.
15. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyaaah tyld'yta : [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – T. 1: (bukva: S: söllej – sjejen, bukva h) / pod red. P. A. Slepčova. – 640 s.
16. Skrytoe zaimstvovanie v leksike // <https://rus-et.ru/istoriya-yazyka/obshhie-voprosy/skrytoe-zaimstvovanie-v-leksike/>
17. Orfograficheskij slovar' jakutskogo jazyka Okolo 32.000 slov. / redkoll.: A.G. Nelunov i dr. – Jakutsk: "Bichik", 2015. – 480 s. (Na jakutskom jazyke).

А. Р. Гатиатуллин, Н. А. Прокопьев

О разработке лингвистической базы данных онтологического типа, как ресурса для лингвопроцессоров

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Аннотация. В данной статье описывается разработка лингвистических онтологических баз данных для тюркских языков, которые могут быть использованы в целом ряде лингвистических процессоров для обработки текстов на тюркских языках. Актуальность данной работы заключается в том, что несмотря на активные разработки для тюркских языков в последние 10-15 лет практически все тюркские языки (кроме турецкого) продолжают относиться к типу малоресурсных языков. Это связано с тем, что для тюркских языков наблюдается дефицит лингвистических ресурсов, применимых в различных компьютерных разработках по обработке естественного языка. Это могут быть разного рода онтологические базы данных типа WordNet, FrameNet, VerbNet, PyTez и др., а также комбинации этих ресурсов с электронными корпусами. Подобные онтологические базы данных могут быть использованы в различных информационно-справочных системах, при создании синтаксических, семантических и семантико-синтаксических анализаторов, а также учебных и научных прикладных программ. В предлагаемой нами работе представлен подход, который объединяет онтологические модели фреймового и таксономического типа, структурно-параметрическую модель тюркской морфемы в единую интегральную модель. В основу разработки такой модели изначально положены принципы многоязычности, многофункциональности и прагматической ориентированности. Многоязычность предполагает универсальность для всех языков тюркской группы, а прагматическая ориентированность именно ориентированность на структурно-функциональные особенности языков агглютинативного типа. Создание программного обеспечения кроме вышеперечисленных теоретико-лингвистических методов и технологий предполагает использование технологий проектирования сложных баз данных, веб-программирования, клиент-серверных технологий. На основе интегральной онтологической модели создается многоязычная база данных для тюркских языков, которая используется для генерации правил контекстно-свободной грамматики и создания семантико-синтаксического анализатора. На вход данного анализатора поступают предложения на тюркских языках, а на выходе получают структурированные данные. Получаемый таким образом анализатор применим для семантико-синтаксической разметки тюркских электронных корпусов и создания программ семантического поиска.

Ключевые слова: онтологические модели, семантический фрейм, тюркские языки

Благодарности. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-47-160014 «Разработка интегральной компьютерной модели и программного инструментария для семантико-синтаксического анализа татарских текстов».

ГАТИАТУЛЛИН Айрат Рафизович – к. тех. н., ведущий научный сотрудник, ГНБУ Академия наук Республики Татарстан.

E-mail: ayrat.gatiatullin@gmail.com

GATIATULLIN Ayrat Rafizovich – Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Tatarstan Academy of Sciences.

ПРОКОПЬЕВ Николай Аркадьевич – научный сотрудник, ГНБУ Академия наук Республики Татарстан.

E-mail: nikolai.prokopyev@gmail.com

PROKOPYEV Nikolay Arkadievich – Researcher, Tatarstan Academy of Sciences.

A. R. Gatiatullin, N. A. Prokopiev

On development of ontological linguistic database as a resource for language processors

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

Abstract. This article describes the development of linguistic ontological database for Turkic languages, which can be used in a number of linguistic processors for texts processing in Turkology. The relevance of this work lies in the fact that despite active research and development for Turkic languages in the past 10-15 years, almost all (except for Turkish) continue to belong to the type of low-resource languages. This is due to the fact that there is a shortage of linguistic resources for Turkic languages applicable in software development for natural language processing. These can be various types of ontological databases such as WordNet, FrameNet, VerbNet, RuTez, etc., as well as combinations of these resources with electronic corpuses. Such ontological databases can be used in information and reference systems, in creation of syntactic, semantic and semantic-syntactic analyzers, as well as in educational and scientific applications. In our work, an integral approach is presented that combines ontological models of frame and taxonomic types, in a structural-parametric model of the Turkic Morpheme. The integral model is initially based on principles of multilingualism, multifunctionality and pragmatic orientation. Multilingualism presupposes universality for all languages of the Turkic group, and pragmatic orientation is in focus on structural and functional features of agglutinative languages. Creation of software, in addition to above methods and technologies, involves usage of technologies for designing complex databases, web programming, client-server technologies. The resulting database can be used to generate context-free grammar rules for a semantic-syntactic analyzer, which receives sentences in Turkic languages as input, and produces structured data at output. The analyzer obtained in this way is applicable for semantic-syntactic tagging of Turkic electronic corpuses and for development of semantic search software.

Keywords: ontological models, semantic frame, Turkic languages

Acknowledgments: The research is funded by the grant from the Russian Fund for Fundamental Research 18-47-160014 “Developing an integral computer model and software tools for the semantic and syntactical analysis of Tatar texts.”

Введение

Начиная с 60-х годов прошлого века по нарастающей осуществляются исследования в области компьютерной обработки тюркских языков, а также разрабатываются системы и технологии с целью активного использования тюркских языков в информационном пространстве как языков накопления, обработки и передачи информации. Наибольшее количество работ посвящено разработкам в области автоматизации морфологического анализа, морфологического аннотирования текстов, что вполне ожидаемо и естественно для тюркских языков и объясняется их структурными особенностями и важным значением морфологии практически во всех аспектах обработки языков тюркской группы, будь то снятие многозначности, определение тональности текста или машинный перевод и поиск информации в электронном пространстве. Наиболее активно в данной области работают турецкие, уйгурские, казахские, российские ученые, что отражается также и в количестве публикаций и программных разработок [Дыбо 2014, Желтов 2002, Шарипбаев 2012, Sharipbay 2014, Orhun 2010].

Что касается разработок для синтаксического и семантического уровня, то таких разработок для тюркских языков намного меньше. Среди разработок семантического и синтаксического уровня для тюркских языков можно выделить работы турецких ученых по созданию электронных корпусов турецкого языка с синтаксической и семантической разметкой Turkish TreeBank и Turkish PropBank [Sahin et al. 2018, Eryiğit et al. 2008]. Подобных разработок для тюркских языков Российской Федерации мы не обнаружили. В целом для языков России ресурсом подобным Turkish PropBank авторам известна только разработка для русского языка – это FrameBank [Lyashevskaya et al. 2015]. Данный ресурс представляет собой базу данных семантических фреймов с информацией о грамматических и семантических свойствах фреймовых ролей. База фреймов в FrameBank связана с электронным корпусом русского языка

таким образом, что можно просматривать примеры с этими фреймами в данном электронном корпусе.

Результаты, проведенного анализа существующих онтологических ресурсов, еще раз подтвердили, что все тюркские языки кроме турецкого относятся к малоресурсным языкам. Это подтверждает актуальность вопроса создания лингвистических ресурсов для тюркских языков с представлением синтаксической, семантической и семантико-синтаксической информацией, которые можно будет использовать при создании анализаторов тюркских текстов для решения различных прикладных задач.

В качестве еще одной особенности состояния разработок и исследований в области компьютерной лингвистики следует отметить, что в настоящее время в области технологий обработки естественного языка наблюдается огромный рост числа разработок, основанных на нейронных сетях и машинном обучении. Эти технологии пытаются использовать в любой области, где производится обработка больших объемов данных. Главное преимущество нейронных сетей – нет необходимости в детальной формализации знаний, она заменяется обучением на примерах. Это позволяет ускорить процесс создания лингвистических ресурсов, однако для тюркских языков использование подобных технологий пока является достаточно проблематичным именно в силу их малоресурсности и отсутствия наборов данных, на которых можно производить обучение. Хотя для разных тюркских языков ситуация с наличием лингвистических ресурсов сильно отличается. Для таких языков, как казахский, узбекский, татарский в последние годы идет более активное создание подобных ресурсов по сравнению с другими тюркскими языками. Это обусловлено целым рядом причин. Так, для перечисленных языков уже существует по 2-3 различных электронных корпуса, однако пока в них реализована только морфологическая разметка.

А для создания программ для синтаксической и семантической разметки необходимо, либо наличие электронных корпусов с подобной разметкой, либо лингвистических баз данных. В первом случае возможно использовать технологии машинного обучения, а во втором технологии, основанные на правилах. Мы в своих исследованиях выбрали второй подход, так как результаты, полученные с помощью подхода, основанного на правилах формальных методов, имеют более широкий круг применения. Поскольку, в процессе разработки лингвопроцессоров, основанных на формальных методах будет получен большой объем лингвистических баз данных, которые могут быть использованы в других задачах компьютерной обработки тюркских языков. Например, в качестве информационно-справочной системы с описанием семантических сценариев татарского языка, или же в качестве сервиса для разметки электронных корпусов.

В данной работе описываются структура интегральной лингвистической модели онтологического типа, база данных, разработанная на основе этой модели, а также программный интерфейс для работы с этой базой.

Аналитический обзор лингвистических баз данных и сервисов

Лингвистический портал

Авторами статьи был произведен анализ программных разработок с разными ресурсами, описывающими синтаксический и семантический языковые уровни, а также сервисами для синтаксической и семантической обработки текстов. На основе проведенного анализа подобных программных разработок мы хотели бы выделить следующий лингвистический портал, который представляет одну из наиболее полных библиотек сервисов по обработке естественного языка на разных языковых уровнях. Он называется программно-лингвистическая платформа (ПЛП) «Метафраз» (рис. 1) для русского языка. Мы считаем, что эта платформа наиболее близка по своим возможностям к разрабатываемым нами ресурсам.

ПЛП «Метафраз» построена на базе теоретической концепции фразеологического концептуального анализа текстов и обеспечивает весь технологический цикл преобразования текстового представления документа в его формализованное смысловое представление. Это линг-

вистическое программное обеспечение (ПО) разработано в виде единого интегрированного многофункционального программного комплекса, состоящего из нескольких подсистем, предназначенных для решения отдельных функциональных задач по обработке, формализации, переводу и анализу смыслового содержания разноязычных документов. При этом в состав ПО включены также программные модули, позволяющие создавать и адаптировать декларативные средства для настройки на заданную предметную область путем быстрого автоматизированного создания словарей по корпусу текстов.

В состав программного обеспечения входят подсистемы анализа текстов: графематического, морфологического, семантико-синтаксического, а также подсистема формализации текстов состоит из модулей, которые приводят текстовые фрагменты к их формализованным представлениям: нормализованное представление на уровне словоизменения и словообразования, унифицированному представлению на уровне синонимии и гипонимии.

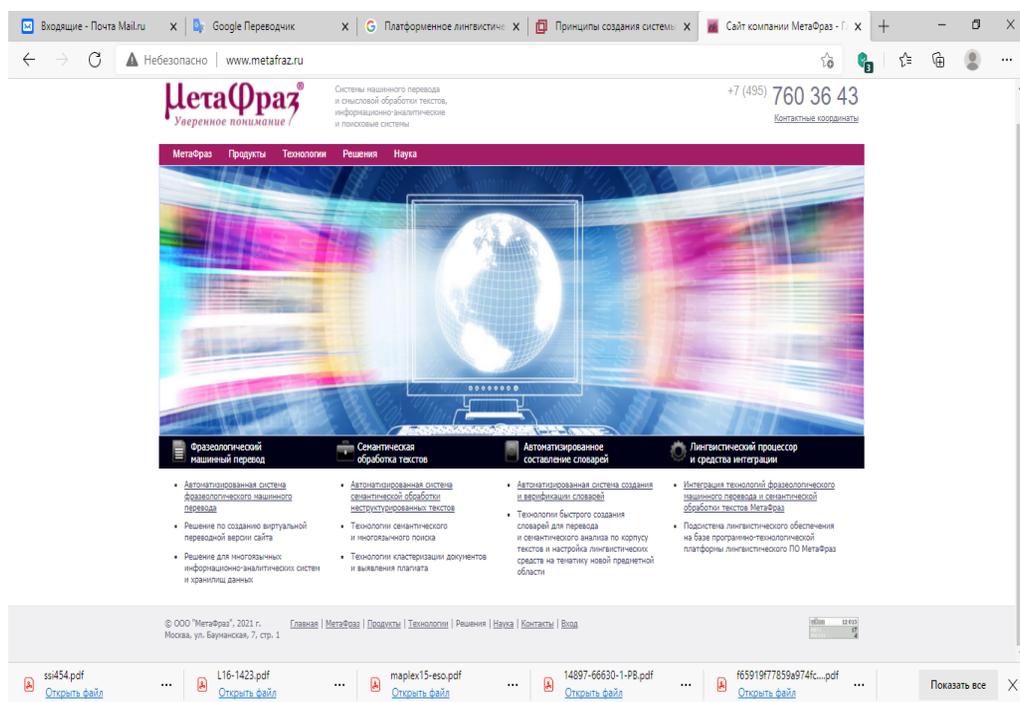

Рис. 1. Программно-лингвистическая платформа «Метафраз»

Отличием данной платформы от нашего программного обеспечения является то, что оно разработано на основе теоретической концепции фразеологического концептуального анализа текстов, предложенной Белоноговым. Основной идеей концепции, представленной в платформе «Метафраз», является разработка лингвистических моделей, в которых в качестве основных семантических единиц используются устойчивые фразеологические и терминологические словосочетания. Все эти модели разработаны с ориентацией на языки флективного типа, с учетом их структурно-функциональных особенностей. Нам же необходимо разработать лингвистические базы данных и сервисы для работы с языками агглютинативного типа или, по еще одной классификации, языками с элементарно-комбинаторной морфологией [Hockett 1954]. На наш взгляд, наиболее подходящей интегральной моделью для описания языковых единиц на разных языковых уровнях является структурно-параметрическая модель тюркской морфемы. В этой модели для описания семантики языковых единиц используются таксономическая и фреймовая онтологии, а структуры языка автоматные и контекстно-свободные грамматики.

Рассмотрим семантические модели, которые послужили прототипами при создании нашей интегральной модели.

Таксономические онтологии

К первому типу модели, который использован нами при построении интегральной онтологической модели, относятся таксономические онтологические модели. В качестве образца таксономической онтологической модели нами взят наиболее известный и популярный в мире онтологический ресурс – лингвистический тезаурус WordNet, который разработан в Принстонском университете США. Выбор обусловлен тем, что данная лексическая онтология, свободно доступна в сети Интернет и имеет достаточно большой объем для наиболее полного описания семантики языковых единиц. Она охватывает более 155 тысяч различных лексем и словосочетаний, 117 тысяч концептов (или синсетов).

Работа над этим тезаурусом была начата еще в 1984 году, а в 1995 году он появился в свободном доступе в сети Интернет. Это вызвало всплеск исследований по его использованию в различных компьютерных приложениях автоматической обработки текстов, информационного поиска. Одним из таких глобальных продолжений WordNet является международный проект EuroWordNet, в рамках которого были созданы ворднеты для ряда европейских языков. Среди тюркских языков, вошедших в этот проект, был турецкий WordNet. Совместимость компонентов EuroWordNet обеспечивалась единством принципов и заданным набором общих понятий (Basic Concepts). В нашей модели реализована таксономическая онтологическая модель подобная WordNet, которая интегрирована в общую семантическую модель. Одним из применений этой модели является наложение семантических ограничений на классы объектов, которые используются при описании семантических сценариев с помощью фреймов.

Ситуационные онтологии

Фреймовые онтологии в последнее время достаточно активно используются в разных предметных областях, где необходимо решать задачи обработки знаний. Они служат, с одной стороны, базой знаний для создания семантико-синтаксических анализаторов, которые будут использованы для разметки электронных корпусов тюркских языков [Yelibayeva 2020]. С другой стороны, фреймы ситуаций с информацией о том, какая семантическая роль представляется какой грамматической формой в разных тюркских языках, может использоваться для сопоставления значений языковых единиц на разных языках. Например, это может быть использовано для унификации системы разметок тюркских электронных корпусов или же для статистической автоматической классификации тюркских языков по подгруппам внутри тюркских языков: кыпчакская подгруппа, огузская подгруппа, карлукская подгруппа и т.д.

В качестве базовой фреймовой модели, которая встроена в общую семантическую модель нами выбран ресурс FrameNet. Проект FrameNet представляет собой практическую реализацию семантики фреймов (Frame Semantics) – лингвистической концепции, предложенной Ч. Филлмором. База данных FrameNet содержит более 1,200 семантических фреймов, 13,000 лексических единиц, 202,000 примеров предложений.

Среди разработок для языков Российской Федерации ресурсом наиболее близким к FrameNet был ресурс FrameBank, однако в настоящее время этот ресурс уже не доступен в открытом доступе. FrameBank не является русскоязычной копией FrameNet'a, а имеет свою специфику. Если центральным элементом FrameNet'a являются фреймы – типовые ситуации с известным набором участников и расписанными ролями, то русский FrameBank строится вокруг конструкций конкретных лексем.

Технологии объединения семантических ресурсов

В настоящее время довольно часто при разработке лингвистического программного обеспечения используется не один семантический ресурс отдельного типа, а разного рода комбинации этих ресурсов. В результате существует уже не один проект по объединению семантических моделей и ресурсов разного типа. На основе проделанного нами анализа хотелось бы выделить два таких проекта: это BabelNet и SemLink [Palmer 2009]. BabelNet – лингвистический ресурс, который объединяет в себе 47 различных лингвистических ресурсов. Сюда входят Википедия, WordNet, Wikidata, FrameNet, VerbNet, ImageNet, и другие. В BabelNet ин-

теграция данных ресурсов выполняется автоматически с помощью алгоритма связывания и заполнения лексических зазоров. BabelNet содержит Babel-синсеты, представленные на множестве языков и связанные огромным количеством семантических отношений: в BabelNet 4.0 из 832 млн значений выделено более 6 млн понятий, более 9,5 млн именованных сущностей, связанных между собой более чем 1 млрд семантических связей.

Вторым проектом по объединению лингвистических ресурсов между собой является проект SemLink [Palmer 2009], который разрабатывался в университете Колорадо. В проекте SemLink произведена попытка объединения следующих ресурсов: PropBank, VerbNet, FrameNet, WordNet.

Нами для объединения рассмотренных лингвистических ресурсов предложена своя интегральная модель, где в качестве объединяющего элемента используется структурно-параметрическая модель тюркской морфемы. Данная модель позволяет получать правила контекстно-свободной грамматики по классификации Хомского, на основе которого строятся модули семантико-синтаксического анализа.

Рассмотрим, как образована общая интегральная модель.

Структура интегральной модели

Фреймовая подмодель

Семантика предложения в нашей модели описывается в виде ситуаций, которые представляются с помощью фреймов, аналогичных фреймам, представленным в FrameNet (рис. 2.).

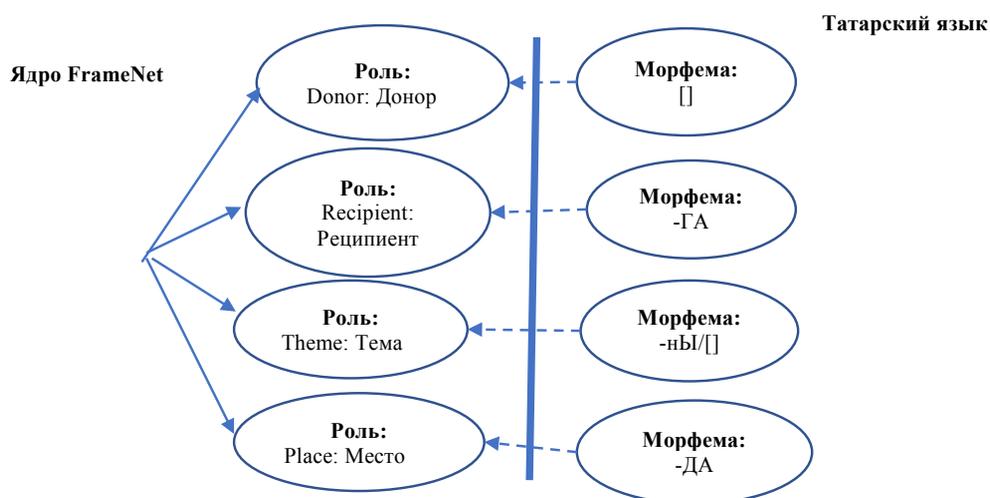

Рис. 2. Структура фрейма с грамматическими данными из модели морфем

На рис. 2 представлен фрагмент онтологической модели для фрейма «Giving: Давать», которая включает набор ролей, образующих данную ситуацию. В левой части рис. 2 представлено фреймовое ядро, которое представляет собой наименование фрейма и названия ролей этого фрейма. Данное ядро является языконезависимым. В правой части рисунка представлена грамматическая модель глагола *бир 'давать'* в татарском языке, которая соответствует этому фрейму. В каждом языке данные семантические роли выражаются своими грамматическими формами, в разных тюркских языках эти грамматические формы также отличаются. В одном тюркском языке они могут быть выражены аффиксально, а в другом аналитически.

Таксономическая подмодель

В основе таксономической подмодели лежит модель тезауруса WordNet, фрагмент которого представлен на рис. 3. В левой части рисунка представлен фрагмент тезауруса для концепта «fish: рыба», с его гиперонимом и гипонимами. В правой части рисунка даны языковые единицы, выражающие данный концепт в различных тюркских языках.

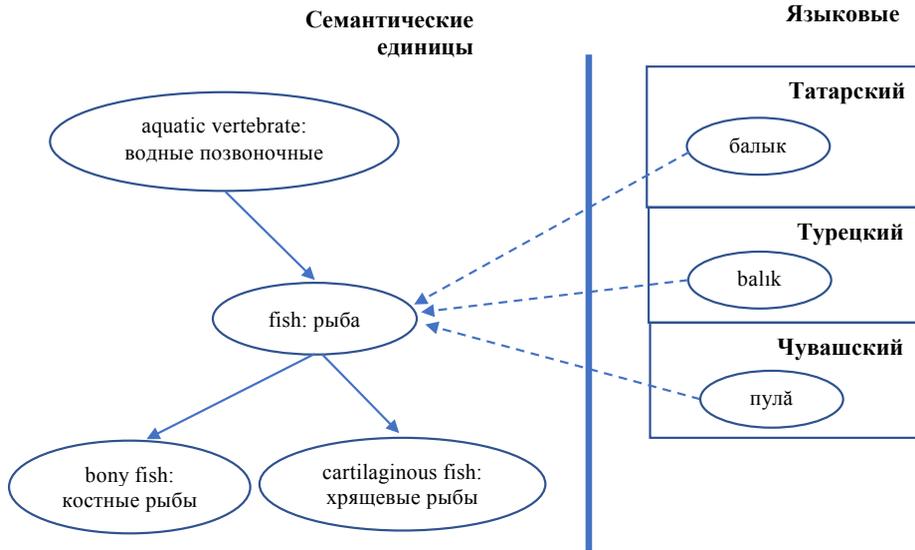

Рис. 3. Структура тезауруса с языковыми представлениями из модели морфем

Таким образом, таксономическая подмодель задает семантическую организацию для корневых морфем и связывает их между различными языками, создавая своеобразный многоязычный словарь.

Связующая роль морфемы в интегральной модели

Морфема – это минимальная значимая единица языка. Тюркские языки по своей структуре относятся к языкам с элементарно-комбинаторной морфологией, где в отличие от других видов языков (например, флективных) происходит достаточно четкое разделение на морфемы.

Количество аффиксальных и аналитических (частиц, послелогов) морфем в тюркских языках по сравнению с корневыми морфемами невелико. Это не более 100 аффиксальных, а также не более 100 аналитических морфем в каждом из тюркских языков. Однако эти морфемы в тюркских языках обладают настолько богатым набором сочетаемостных свойств, что теоретически количество аффиксальных цепочек, которые можно построить в тюркских языках бесконечно.

Перечисленные структурно-функциональные особенности тюркских языков позволяют создавать компьютерные языковые модели в которых морфемы разного типа (корневые, аффиксальные, аналитические) выступают в роли некоторых базовых элементов (кирпичиков), с помощью которых выражается бесконечное количество различных семантических сценариев.

Таким образом, морфема – это языковая единица с набором свойств, которые относятся к разным языковым уровням: морфологическому, синтаксическому, семантическому и фонологическому. Эта многоуровневость свойств позволяет ей играть роль объединяющего элемента для лингвистических моделей разного типа. Один из таких примеров приведен на рис. 4. На этом рисунке показано, как морфема -ДА в татарском языке служит для текстового выражения семантических ролей Time и Place в фрейме Giving. Эта морфема соответствует граммеме локатива и находится в определенных отношениях с языковыми единицами татарского языка. Это отношения морфотактики и классификационные отношения. Классификационные отношения показывают какие алломорфы входят в класс морфемы -ДА. Морфотактические отношения показывают правила следования морфем в словоформе.

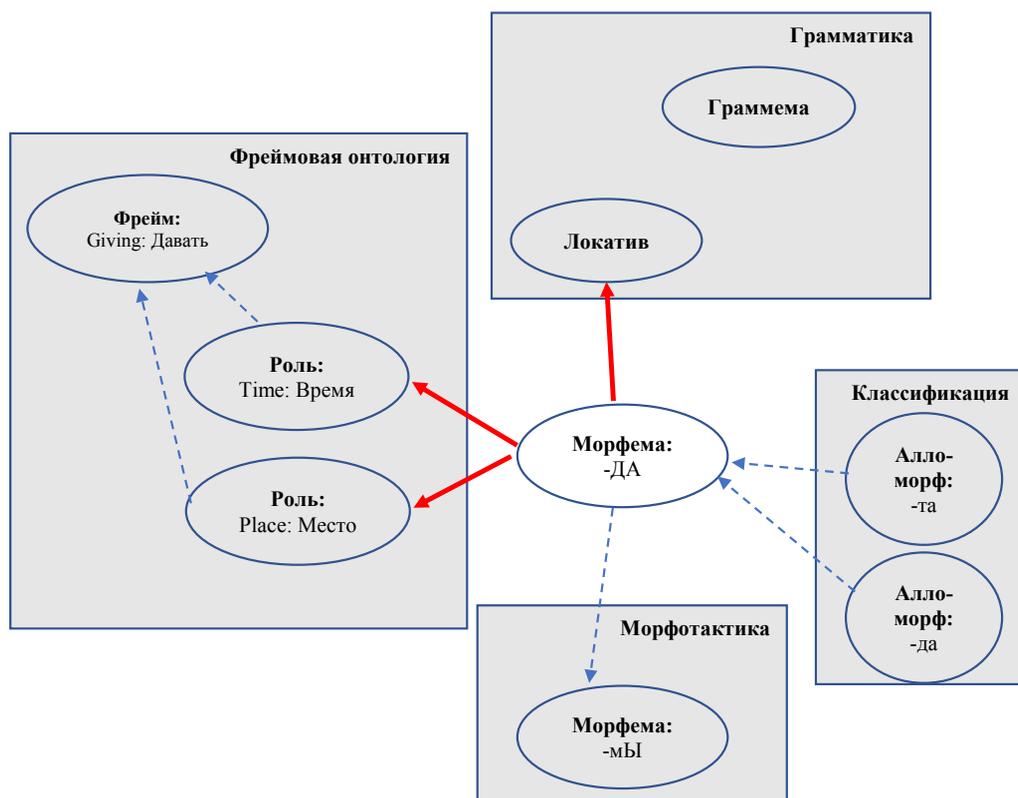

Рис. 4. Морфема как связующий элемент разных подмоделей интегральной модели языка

Реализация программного обеспечения для заполнения лингвистической базы данных

Для работы с описанными лингвистическими моделями и базами данных разработан набор интернет-сервисов с разным функционалом. Одним из требований, предъявляемых к этим сервисам, является унифицированность, чтобы была возможность комбинировать из них разные прикладные программы и собирать из них некие pipe-line. Семантико-синтаксический анализатор, который разрабатывается на основе описанных моделей, также представляет собой комбинацию таких сервисов, образуя комбинированный сервис. Доступ к этим, разрабатываемым сервисам решено предоставить через сайт «Тюркская Морфема», который в совокупности представляет собой лингвистический портал для работы с тюркскими языками [Gatiatullin et al. 2020]. В качестве некоего аналога такого портала можно привести платформу «Метафраз», который описан ранее в данной статье.

В рамках портала «Тюркская Морфема» существует несколько ролей пользователей и несколько соответствующих режимов использования лингвистической базы данных. Всем пользователям портала, в том числе незарегистрированным (роль: «Читатель») доступна информационно-справочная подсистема, предоставляющая визуализацию лингвистической базы данных в различном виде: просмотр элементов общезыковой и языкоспецифичной части базы данных для конкретного языка, сводные межъязыковые таблицы, позволяющие проводить сравнение языков, статистика заполненности базы данных. На рис. 5 представлен интерфейс информационно-справочной подсистемы для просмотра концепта, приведенного ранее на рис. 3. В верхней части рисунка представлена информация из языконезависимой части модели: имя текущего концепта и всех концептов, которые находятся в прямых таксономических отношениях (гипонимия, гиперонимия) с текущим концептом. В нижней части языковые единицы тюркских языков, отражающие значение текущего концепта.

Цифровой идентификатор	1929
Название (Русский)	рыба
Название (Английский)	fish
Гипероним	aquatic vertebrate : водные позвоночные
Гипонимы	bony fish : костные рыбы
	cartilaginous fish : хрящевые рыбы
	vobla : вобла
	young fish : молодь

Связанные корневые морфемы

Алтайский	балык (Существительное)
	балық (Существительное)
Азербайджанский	balıq (Существительное)
Чувашский	пулă (Существительное)
Казахский	балық (Существительное)
Хакаский	палых (Существительное)
Кумыкский	балыкъ (Существительное)
Ногайский	балык (Существительное)
Шорский	палык (Существительное)
Татарский	балык (Существительное)
Турецкий	balık (Существительное)
Туркменский	balyk (Существительное)
Тувинский	балык (Существительное)

Рис. 5. Просмотр концепта в информационно-справочной подсистеме

Для заполнения языкозависимой части базы данных используется функционал подсистемы редактирования, доступный роли пользователя «Эксперт». Для получения данной роли необходимо пройти регистрацию, выбрать язык лингвистической базы данных, для которого выдаются права на редактирование, и получить подтверждение от администратора портала. В рамках подсистемы редактирования эксперт может редактировать элементы указанного им языка экспертизы: морфемы, морфотактику, многословные выражения. На рис. 6. представлен интерфейс подсистемы редактирования при работе с морфемой, указанной ранее на рис 4.

Полный цифровой идентификатор	16.2.7.4
Цифровой идентификатор	4
Название	-ДА
Грамматическое значение	Locative : Местно-временной падеж

Алломорфы

Название	Цифровой идентификатор	Полный цифровой идентификатор	Пример	Перевод	Финальный
да	1	16.2.7.4.1	авыл-да яши	живет в дере	☒ ✘
дә	2	16.2.7.4.2	жиде-дә уянд	проснулся в с	☒ ✘
та	3	16.2.7.4.3	ат-та чаба	скачет на лош	☒ ✘
тә	4	16.2.7.4.4	исап-тә булди	был на счету	☒ ✘
					☒

УДАЛИТЬ

СОХРАНИТЬ

Рис. 6. Редактирование морфемы в подсистеме редактирования

Администратору портала и отдельным пользователям (типологам, тюркологам), которым предоставляется ограниченный доступ к панели администрирования, доступна для редактирования вся лингвистическая база данных, в том числе общеязыковая часть – грамматика, тезаурус, фреймовая онтология. На рис. 7 представлен интерфейс панели администрирования при редактировании фрейма, указанного ранее на рис. 2.

Название (Русский):

Название (Английский):

Описание (Русский):

Описание (Английский):

Гипероним:

Автор:

РОЛИ В ФРЕЙМАХ			
РОЛЬ	ОПИСАНИЕ (РУССКИЙ)	ОПИСАНИЕ (АНГЛИЙСКИЙ)	ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ
Donor : Донор	Тот, кто изначально владеет Темой и создает условия, чтобы она перешла во владение Реципиенту.	The person that begins in possession of the Theme and causes it to be in the possession of the Recipient.]	☒
Recipient : Реципиент	Тот, кто в итоге владеет Темой по результату передачи.	The entity that ends up in possession of the Theme.	☒
Theme : Тема	Объект, меняющий владельца	The object that changes ownership.	☒
Place : Место	Место, в котором Донор передает Тему Реципиенту	The Place where the Donor gives the Theme to the Recipient.	☐

Рис. 7. Редактирование фрейма в панели администрирования

Заключение

В результате исследования и разработки была создана интегральная онтологическая модель, совмещающая онтологию как таксономического, так и фреймового типа. На основе этой модели разработаны лингвистическая база данных и сервисы для работы с этой базой. Набор этих сервисов включает преобразователь фреймовой базы данных в продукционные правила, которые используются в программе семантико-синтаксического анализа. Разработанные сервисы встраиваются в лингвистический портал «Тюркская морфема».

Эти сервисы могут быть встроены в другие прикладные программы для обработки текстов на тюркских языках: программы для семантической и синтаксической разметки тюркских электронных корпусов, системы семантического поиска, машинного перевода между близкородственными языками и т.д.

Литература

1. Дыбо А.В., Шеймович А.В. (2014) Автоматический морфологический анализ для корпусов тюркских языков. Филология и культура, №2, с. 20-26.
2. Желтов П.В. (2002) Морфологический анализатор чувашского языка. Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов 2002».
3. Шарипбаев А.А., Бекманова Г.Т., Ергеш Б.Ж., Бурибаева А.К., Карабалаева М.Х. (2012) Интеллектуальный морфологический анализатор, основанный на семантических сетях. Материалы международной научно-технической конференции «Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем» (OSTIS-2012), с. 397-400.

4. Sharipbay A.A., Bekmanova G., Yergesh B., Mukanova A. (2014) Synchronized liner tree for morphological analysis and generation of the Kazakh language. Proceedings of the international conference "Turkic languages processing", TurkLang 2014, pp. 113-117.
5. Orhun, M., Tantuğ A.C., Adalı E. (2010) Morphological Disambiguation Rules For Uyghur Language. IEEE International Conference on Software Engineering and Service Sciences (ICSESS), pp. 542-546. doi: 10.1109/ ICSESS.2010.5552304
6. Sahin G.G., Adalı E. (2018) Annotation of semantic roles for the Turkish proposition bank, 52(3), pp. 673-706. doi: 10.1007/s10579-017-9390-y
7. Eryiğit G., Nivre J., Oflazer K. (2008) Dependency Parsing of Turkish. Computational Linguistics, 34(3), pp. 357-389. doi: 10.1162/coli.2008.34.4.627
8. Lyashevskaya O., Kashkin E. (2015) FrameBank: A Database of Russian Lexical Constructions. Proceedings of the 4th International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST 2015). Communications in Computer and Information Science, vol. 542, pp. 350-360. doi:10.1007/978-3-319-2
9. Turkish National Corpus (TNC). URL: <http://www.tnc.org.tr>.
10. Алматинский корпус казахского языка. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/>.
11. Корпус алтайского языка. URL: <http://altay2.gasu.ru>.
12. Национальный корпус башкирского языка. URL: <http://bashcorpus.ru>.
13. Башкирский поэтический корпус. URL: <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>.
14. Корпус татарского языка 'Туган тел'. URL: <http://tugantel.tatar>.
15. Письменный корпус татарского языка. URL: <http://www.corpus.tatar>.
16. Корпус хакасского языка. URL: <http://khakas.altai.ru>.
17. Корпус якутского языка. URL: <http://adictsakha.nsu.ru/corpora/corp>.
18. Корпус узбекского языка. URL: <http://corpus-uz.herokuapp.com>.
19. Корпус шорского и телеутского языков. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora>.
20. Лингвистическое ПО «МетаФраз R10». URL: <http://www.metafraz.ru>.
21. C. F. Hockett, Two models of grammatical description, WORD Vol. 10 (1954) 210–234.
22. Yelibayeva G., Sharipbay A., Mukanova A., Razakhova B. (2020) Applied ontology for the automatic classification of simple sentences of the Kazakh language. 5th International Conference on Computer Science and Engineering, UBMK 2020. pp. 13-18. doi: 10.1109/UBMK50275.2020.9219461
23. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>.
24. Palmer M. (2009). Semlink: Linking PropBank, VerbNet and FrameNet. Proceedings of the Generative Lexicon Conference., pp. 9-15.
25. Gatiatullin A., Suleymanov D., Prokopyev N., Khakimov B. (2020) About turkic morpheme portal. CEUR Workshop Proceedings Institute for history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences Proceedings of TurkLang 2020, pp. 226-243.

References

1. Dybo A.V., Shejmovich A.V. (2014) Avtomaticheskij morfologicheskij analiz dlja korpusov tjurkskih jazykov. Filologija i kul'tura, №2, s. 20-26.
2. Zheltov P.V. (2002) Morfologicheskij analizator chuvashskogo jazyka. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii studentov i aspirantov po fundamental'nyh naukam «Lomonosov 2002».
3. Sharipbaev A.A., Bekmanova G.T., Ergesh B.Zh., Buribaeva A.K., Karabalaeva M.H. (2012) Intellekтуал'nyj morfologicheskij analizator, osnovannyj na semanticheskijh setjah. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-tehnicheskij konferencii «Otkrytye semanticheskie tehnologii proektirovanija intellektual'nyh sistem» (OSTIS-2012), s. 397-400.
4. Sharipbay A.A., Bekmanova G., Yergesh B., Mukanova A. (2014) Synchronized liner tree for morphological analysis and generation of the Kazakh language. Proceedings of the international conference "Turkic languages processing", TurkLang 2014, pp. 113-117.
5. Orhun, M., Tantuğ A.C., Adalı E. (2010) Morphological Disambiguation Rules For Uyghur Language. IEEE International Conference on Software Engineering and Service Sciences (ICSESS), pp. 542-546. doi: 10.1109/ ICSESS.2010.5552304
6. Sahin G.G., Adalı E. (2018) Annotation of semantic roles for the Turkish proposition bank, 52(3), pp. 673-706. doi: 10.1007/s10579-017-9390-y
7. Eryiğit G., Nivre J., Oflazer K. (2008) Dependency Parsing of Turkish. Computational Linguistics, 34(3), pp. 357-389. doi: 10.1162/coli.2008.34.4.627
8. Lyashevskaya O., Kashkin E. (2015) FrameBank: A Database of Russian Lexical Constructions. Proceedings of the 4th International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST 2015). Communications in Computer and Information Science, vol. 542, pp. 350-360. doi:10.1007/978-3-319-2

9. Turkish National Corpus (TNC). URL: <http://www.tnc.org.tr>.
10. Almatinskij korpus kazahskogo jazyka. URL: <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/search/>.
11. Korpus altajskogo jazyka. URL: <http://altay2.gasu.ru>.
12. Nacional'nyj korpus bashkirskogo jazyka. URL: <http://bashcorpus.ru>.
13. Bashkirskij pojeticheskij korpus. URL: <http://web-corpora.net/bashcorpus/search/>.
14. Korpus tatarskogo jazyka 'Tugan tel'. URL: <http://tugantel.tatar>.
15. Pis'mennyj korpus tatarskogo jazyka. URL: <http://www.corpus.tatar>.
16. Korpus hakasskogo jazyka. URL: <http://khakas.altaica.ru>.
17. Korpus jakutskogo jazyka. URL: <http://adietsakha.nsu.ru/corpora/corp>.
18. Korpus uzbekskogo jazyka. URL: <http://corpus-uz.herokuapp.com>.
19. Korpus shorskogo i teleutskogo jazykov. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora>.
20. Lingvisticheskoe PO «MetaFraz R10». URL: <http://www.metafraz.ru>.
21. C. F. Hockett, Two models of grammatical description, WORD Vol. 10 (1954) 210–234.
22. Yelibayeva G., Sharipbay A., Mukanova A., Razakhova B. (2020) Applied ontology for the automatic classification of simple sentences of the Kazakh language. 5th International Conference on Computer Science and Engineering, UBMK 2020. pp. 13-18. doi: 10.1109/UBMK50275.2020.9219461
23. FrameNet. URL: <https://framenet.icsi.berkeley.edu>.
24. Palmer M. (2009). Semlink: Linking PropBank, VerbNet and FrameNet. Proceedings of the Generative Lexicon Conference., pp. 9-15.
25. Gatiatullin A., Suleymanov D., Prokopyev N., Khakimov B. (2020) About turkic morpheme portal. CEUR Workshop Proceedings Institute for history, language and literature, Ufa scientific center, Russian Academy of Sciences Proceedings of TurkLang 2020, pp. 226-243.

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ –

Г. Г. Филиппов

**И. Е. Алексеев – видный ученый-исследователь языка народа саха,
известный в мире хомусист**

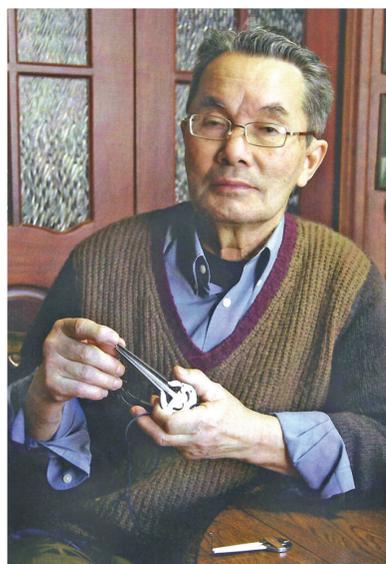
**I. E. Alekseev as a prominent scholar and researcher
of the Yakut language, a well-known khomus-player in the world**

Доктор филологических наук, тюрколог, академик Европейской академии естественных наук, обладатель Почетного знака «Заслуженный ветеран Сибирского отделения РАН», заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации, почетный гражданин г. Якутска, Вилюйского и Жиганского улусов И.Е. Алексеев-Хомус Уйбаан является необычной и многогранной личностью.

Профессор кафедры якутского языка Института языков и культуры Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова Алексеев Иван Егорович родился 6 марта 1941 г. в селе Кыргыдай Вилюйского района Якутской АССР. Учился в Кыргыдайской семилетней школе. После окончания Жиганской средней школы в 1960 г. поступил в якутское отделение историко-филологического факультета Якутского государственного университета.

Свою трудовую деятельность с 1965 г. начал учителем якутского языка и литературы в средней школе с. Хачыкаат Хангаласского улуса. В 1966–1968 гг. работал заведующим культурно-массовым сектором Якутского ОК ВЛКСМ. Затем поступил в аспирантуру ИФФии СО АН СССР, но аспирантуру в 1968–1971 гг. проходил в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (*ЛЭФИ*) основателя сибирской фонологической школы В.М. Надеяева в Новосибирске под руководством профессора Е.И. Убрятовой.

В 1971–1999 гг. работал в Институте языка, литературы и истории ЯФ СОАН СССР (ныне ИГиИПМНС СО РАН) в должности заведующего сектором диалектологии и эксперименталь-

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврилович – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavrilovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director of the Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ной лингвистики. Заведовал отделами экспериментальной филологии и диалектологии (1997) и грамматики и диалектологии (1998).

Первая монография ученого «Вопросительное предложение в якутском языке» увидела свет в 1982 г. В монографии исследуются собственно вопросительные предложения.

В 1990 г. вышла вторая монография «Ответный компонент диалога в якутском языке», в которой определены основные структурно-семантические разновидности и функциональные особенности диалога в якутском языке.

Монография «Побудительная фраза в якутском языке (структурно-коммуникативный аспект)» издана в 1992 г. В ней освещена структура и семантика побудительной фразы.

В 1994 г. в Институте языкознания И. Е. Алексеев представил к защите докторскую диссертацию «Типология структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке». Работа представляет собой теоретическое осмысление, подведение итогов и апробацию всего экспериментального и методологического исследования живого диалогического высказывания, реализуемого в вопросительной, ответной и побудительной фразе якутского языка. Коммуникативная классификация типов высказывания, впервые проведённая в якутском языкознании опирается на систему видовых оппозиций и семантическую направленность вопроса, ответа и побуждения. Таким образом, И. Е. Алексеев является зачинателем нового экспериментально-фонетического, коммуникативно-семантического функционального направления исследования типов высказывания в якутском языке.

И. Е. Алексеев – один из авторов академической грамматики якутского языка – «Грамматика современного якутского литературного языка Т. 2. Синтаксис», которая была издана в Новосибирске в 1995 г. под редакцией доктора филологических наук М. И. Черемисиной.

С 1999 г. по 2002 г. занимал пост начальника отдела языковой политики Департамента по науке и высшей школе при Правительстве Республики Саха (Якутия).

С 2002 г. по настоящее время работает в Институте языков и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М. К. Аммосова. В 2002–2007 гг. заведовал кафедрой стилистики и перевода, является профессором кафедры якутского языка им. Н. С. Григорьева.

Под руководством И. Е. Алексеева в 2004 г. была создана учебная и научная Лаборатория экспериментальной филологии им. Н. Д. Дьячковского.

В 2015 г. И. Е. Алексеев со своей коллегой – доцентом кафедры И. Н. Соровой, выиграли Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) для работы в 2016–2018 гг. над Проектом по теме «Орфоэпия якутского языка». Впервые в якутском языкознании на основе теоретического обоснования обобщена история изучения норм произношения в языкознании. В данном исследовании упорядочена орфоэпическая нормативность, учитывающая все стили рече-производства в целом. Орфоэпия якутского языка является показателем устной речи, который отображается в якутском литературном языке.

Результаты этого исследования могут быть применены при разработке основ орфоэпии тюркских языков, а также литературных языков Северо-Востока Российской Федерации; составлении малого и большого орфоэпических словарей; преподавании фонетики и орфоэпии в различных аудиториях (как якутской, русской, так и иностранной); в создании учебных пособий по орфоэпии якутского языка.

Специалист по экспериментальной фонетике Иван Егорович является инициатором, организатором и руководителем языкового строительства. Как борец за возрождение, сохранение и развитие якутского языка, он создал новый якутский алфавит на основе кириллицы, который призван упорядочить произношение и устранить орфографические ошибки в якутской речи.

Видный исследователь, крупный и уникальный специалист, фонетист-экспериментатор языка И. Е. Алексеев является автором четырех монографий и более ста статей по орфоэпии, интонации в якутской речи, учебных программ и пособий по фонетике, интонации в этнолингвистике, а также по актуальным проблемам, методам и приемам изучения языка. Как руководитель магистерской программы СВФУ им. М. К. Аммосова, и как ведущий специалист по

экспериментальной филологии, подготовил пять кандидатов наук. Состоял членом Совета по языковой политике при Президенте Республики Саха (Якутия). Является членом Спецсовета по защите докторских диссертаций при ИГиИПМНС СО РАН. Работал заместителем председателя правления общества «Ийэ тыл».

И. Е. Алексеев внес существенный вклад в экспериментальное изучение синтаксиса якутского языка. Как единственный якутский лингвист, применивший в изучении типологии вопросительного, побудительного и ответно-повествовательного предложения живую диалогическую речь, стал зачинателем исследований в якутском языкознании фоностилистики и изучения живой устной речи. Созданный им новый якутский алфавит на основе кириллицы, призванный сохранить уzus якутского языка, заложил фундамент для создания якутской орфоэпии и орфоэпического словаря якутского языка.

И. Е. Алексеев является известным общественным деятелем.

Лауреат Всемирного фестиваля молодежи в Москве и многих фестивалей художественной самодеятельности ЯАССР, РСФСР, СССР еще в далекие 60-е гг. XX в. организовал ансамбль хомусистов при Якутском университете. Руководил ансамблем «Алгыс» (1962 г.), ставшим основой возрождения и становления традиционной школы исполнительства на хомусе. Ансамбль стал кузницей талантливых педагогов таких, как Л. Габышева, Л. Попова-Борисова, А. Адамова, С. Шишигин, Н. Жирков, А. Никитина, А. Дегтярева, и др., получивших признание на международном уровне. За 60 лет творческой работы он воспитал несколько поколений прославленных виртуозов-хомусистов.

И. Е. Алексеев-Хомус Уйбаан – создатель Музея хомуса народов мира (Якутск, 1990 г.), ныне функционирующего при Международном центре хомусной (варганной) музыки – член Международного Совета музеев (ИКОМ) с 1993 г., (номер в Каталоге ЮНЕСКО – 1984-1) и национального комитета Республики Саха (Якутия) по делам ЮНЕСКО. С 1992 г. является Президентом Международного центра варганной музыки.

В рамках деятельности Центра и Музея хомуса проведены Конгрессы в Якутске (1991–2012 гг.), Австрии (1999 г.), Норвегии (2002 г.), Голландии (2006 г.). И. Е. Алексеев – автор многих публикаций по варгановедению, изданных в СССР, РФ, США, Японии, Норвегии, Австрии, Германии, а также грампластинок, альбомов-дисков, документальных фильмов. Со своими учениками гастролировал в Японии, Монголии, Турции, Германии, Италии, Франции, Норвегии, США, Швейцарии.

Как знаток хомусной музыки снискал уважение зарубежных специалистов – варганистов, хомусистов, мастеров-изготовителей хомуса республики. С его деятельностью связано возрождение искусства кузнецов хомуса в Якутии и варгана в Мире. Он – один из инициаторов и организаторов идеи достижения нового рекорда Гиннеса в одновременной ансамблевой игре на хомусе на национальном празднике Якутии «Ысыах Туймаады» в 2011 г.

О творческой деятельности И. Е. Алексеева-Хомус Уйбаан опубликованы книги, очерки писателей, журналистов, музыковедов в различных изданиях и энциклопедиях. Сам является автором трех книг о своей жизни.

Верность долгу, исключительная требовательность к себе, многолетний добросовестный труд, профессионализм – вот те качества, которые присущи И. Е. Алексееву. Он является ярким примером для молодых коллег и студентов.

И. Я. Селютина

Лидер лингвистов-сибиреведов, педагог, организатор науки
(к 75-летию со дня рождения Натальи Николаевны Широковой)

Leader of the Siberian linguists, teacher, scientific founder
(To the 75th anniversary of Natalia Nikolaevna Shirobokova)

28 января 2021 г. исполнилось бы 75 лет Наталье Николаевне Широковой – доктору филологических наук, профессору, заведующей сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, хорошо известному в стране и за рубежом лингвисту-сибиреведу, специалисту глубокой эрудиции и энциклопедических познаний, внимательному и чуткому наставнику молодёжи, эффективному организатору науки. К глубокому сожалению коллег и учеников Натальи Николаевны, 13 ноября 2020 г. она скоропостижно скончалась, не дожив до юбилея два с половиной месяца.

Н. Н. Широкова родилась 28 января 1946 г. в г. Новосибирске. В 1963 г. поступила в Новосибирский государственный университет, где годом ранее на гуманитарном факультете было открыто отделение языков народов Сибири. Возглавил его всемирно известный тунгусо-маньчжуровед чл.-корр. АН СССР Валентин Александрович Аврорин, лекции студентам читали выдающиеся лингвисты и историки – ак. А. П. Окладников, профессора Е. П. Лебедева, К. А. Тимофеев, В. М. Надеяев, А. И. Фёдоров, М. И. Черемисина. Руководителем группы тюркологов была доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Якутской АССР и Тувинской АССР Елизавета Ивановна Убрятова, крупнейший специалист-якутовед. Встреча с ней определила дальнейшую судьбу Натальи Николаевны – Е. И. Убрятова стала её научным наставником, оказавшим решающее влияние на становление молодого ученого, формирование у него широкого диапазона исследовательских интересов.

Время учёбы Н. Н. Широковой в НГУ и затем в аспирантуре Института истории, филологии и философии СО АН СССР (1968–1971 гг.) совпало с годами аспирантуры или стажировки начинающих тюркологов В. И. Рассадина, Б. И. Татаринцева, М. Ч. Чумакаевой, И. Е. Алексеева, Г. Г. Филиппова, ставших впоследствии известными всей стране учеными и составивших цвет российской науки.

В 1992 г. Н. Н. Широкова защитила кандидатскую диссертацию «Историческое развитие якутского консонантизма» (ИФЛ СО АН СССР), в 2000 г. – докторскую диссертацию «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» (ИГИ АН Республики Саха (Якутия)).

СЕЛЮТИНА Ираида Яковлевна – д. филол. н., профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН.

E-mail siya_irina@mail.ru

SELYUTINA Irada Yakovlevna – chief researcher, Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

Продолжая исследовательские традиции сибирской лингвистической школы, заложенные В. А. Аврориним, Е. И. Убрятовой, В. М. Наделяевым, Н. Н. Широбокова возглавила работу коллектива лингвистов по изучению сибирских языков, координируя и курируя усилия специалистов НИИ и вузов Сибири. В центре ее научных интересов всегда были вопросы формирования языкового ландшафта Сибири, ареальных взаимодействий, исторических связей сибирских тюркских языков, их места в классификационной системе. Особое внимание уделялось проблеме субстрата и его роли в возникновении ряда закономерностей, детерминирующих общность и специфику языков северо-востока Евразии. Н. Н. Широбокова придавала большое значение исследованию общесибирских изоглосс, противопоставляющих сибирские языки другим тюркским языкам, а также изоглосс, по-разному группирующих тюркские языки Сибири.

Н. Н. Широбокова – автор и соавтор около 200 работ. Определенным подведением итогов исследовательских изысканий была публикация монографий «Историческое развитие якутского консонантизма» [Новосибирск: Наука, 2001] и «Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири» [Новосибирск: Наука, 2005], представляющим собой дополненные и переработанные варианты кандидатской и докторской диссертаций. Центральное место в обеих работах отводится проблемам исторической фонетики. Как отмечает Н. Н. Широбокова, в тюркологических исследованиях якутский язык играет особую роль в силу своей исторической судьбы: ранней изоляции от других тюркских языков на периферии тюркского мира. Кроме того, якутский язык связан своим происхождением с такими центральными для формирования всех тюркских языков языковыми типами, как древнетюркский и древнеуйгурский. Это типы, определившие облик древних литературных письменных тюркских языков. Ранняя изоляция якутского «законсервировала» черты и свойства, оказавшиеся затемненными в литературных письменных языках из-за полиэтничности их носителей и в результате смешанного характера литературных языков уже на ранних этапах их существования. Тем самым якутский представляет собой язык, в котором древняя тюркская система, близкая по ряду параметров к языку рунических памятников, получила возможность непосредственного развития вне сферы влияния иранских, арабского и китайского языков. Таким образом, описание якутского языка, помимо своей абсолютной ценности, дает определенную «точку отсчета» для измерения исторической глубины и направленности языковых преобразований в других тюркских языках. Наталья Николаевна, будучи преданным последователем своего учителя Е. И. Убрятовой, развивала в своих работах ее концепции по происхождению якутского языка, истории взаимодействия и взаимовлияния сибирских тюркских этносов и языков, привлекая новые языковые материалы.

Труды Н. Н. Широбоковой отличает комплексность подхода: объект исследования всегда рассматривается системно с различных точек зрения, что обеспечивает максимально возможную объективность описания и исключает случайность характеристик. В её работах гармонично сочетается сравнительно-исторический метод с достижениями структурализма, реализован синхронный и диахронный анализ языковых систем тюркских языков в сравнительно-сопоставительном аспекте. При этом Н. Н. Широбокова как исследователь использовала новейшие разработки не только лингвистов, но и самые современные данные археологии, этнографии, антропологии и других предметных дисциплин.

Много сил и времени Н.Н. Широбокова посвящала педагогической деятельности. Возглавляемая ею в 1996–2017 гг. кафедра языков и фольклора народов Сибири на гуманитарном факультете НГУ осуществляла подготовку студентов и аспирантов из числа представителей коренных народов Сибири, хорошо владеющих родным языком. Как профессор кафедры Наталья Николаевна разработала ряд теоретических курсов для студентов-тюркологов, руководила исследовательской работой студентов и магистрантов. Под ее руководством были успешно подготовлены и защищены восемь кандидатских и одна докторская диссертация. Около 30 из выпускников кафедры стали кандидатами филологических наук и работают в вузах и НИИ Новосибирска, Якутска, Горно-Алтайска, Абакана, Кызыла и др.

Трудно переоценить заслуги Н. Н. Широковой перед отечественной лингвистикой в качестве организатора науки. Вся полувековая трудовая деятельность Натальи Николаевны связана с Институтом филологии СО РАН (1971–2020 гг.). С 1992 г. и до последних дней жизни Н. Н. Широкова возглавляла сектор языков народов Сибири ИФЛ СО РАН, а с 2000 г. по 2017 г. была также заместителем директора по научной работе. Н.Н. Широкова была членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, экспертом РАН, РГНФ, РФФИ, РНФ по специальности «Лингвистика», заместителем председателя диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Институте филологии СО РАН, членом диссертационного совета при Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск). Н.Н. Широкова являлась также главным редактором раздела «Лингвистика» журнала «Языки и фольклор коренных народов Сибири», заместителем главного редактора «Сибирского филологического журнала», членом редакционного совета журналов «Урало-алтайские исследования», «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Российская тюркология» и др. Она являлась редактором многочисленных монографий и сборников научных трудов сотрудников Института филологии СО РАН и других НИИ и вузов Сибири.

За заслуги в организации и проведении фундаментальных научных исследований по языкам народов Сибири и сопредельных регионов, за высокий вклад в дело подготовки кадров высшей квалификации Н. Н. Широкова была награждена медалью Академии наук Республики Саха (Якутия), Правительственными грамотами, почетными грамотами РАН, СО РАН, грамотами вузов и НИИ Республик Якутия, Алтай, Хакасия, Тыва и др. Ей было присвоено звание «Почетный профессор ТувГУ».

Наталья Николаевна Широкова была признанным лидером исследователей-сибиреведов, продолжателем лучших традиций отечественной лингвистики, её авторитет был непрерывным, она щедро делилась своими знаниями с учениками и коллегами, с большим вниманием и интересом знакомилась с их наблюдениями и находками. Огромным счастьем было учиться у нее и работать рядом с ней. Научное наследие Натальи Николаевны Широковой навсегда вошло в сокровищницу российской и мировой тюркологии и сибиреведения.

О ней

Слепцов П. А. Наталия Николаевна Широкова // Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск, 2008. С. 167-188.

Бавуу-Сюрюн М. В., Ооржак Б. Ч., Салчак А. Я. Вклад Натальи Николаевны Широковой в развитие тувинского языкознания // Портал тувиноведения. Новые исследования Тувы. 2016.

Тюнтешева Е. В., Селютина И. Я., Озонова А. А. К юбилею Натальи Николаевны Широковой // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1 С. 268–272.

Кошкарева Н. Б. ...Всем на радость. Памяти Натальи Николаевны Широковой (28.01.1946 – 13.11.2020) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 9: Филология. С. 153–160.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «АЛТАИСТИКА»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES**

Электронное научное периодическое издание

№ 1 (01) 2021

Технический редактор *Н.П. Артамонова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 30.06.2021. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 30.06.2021.